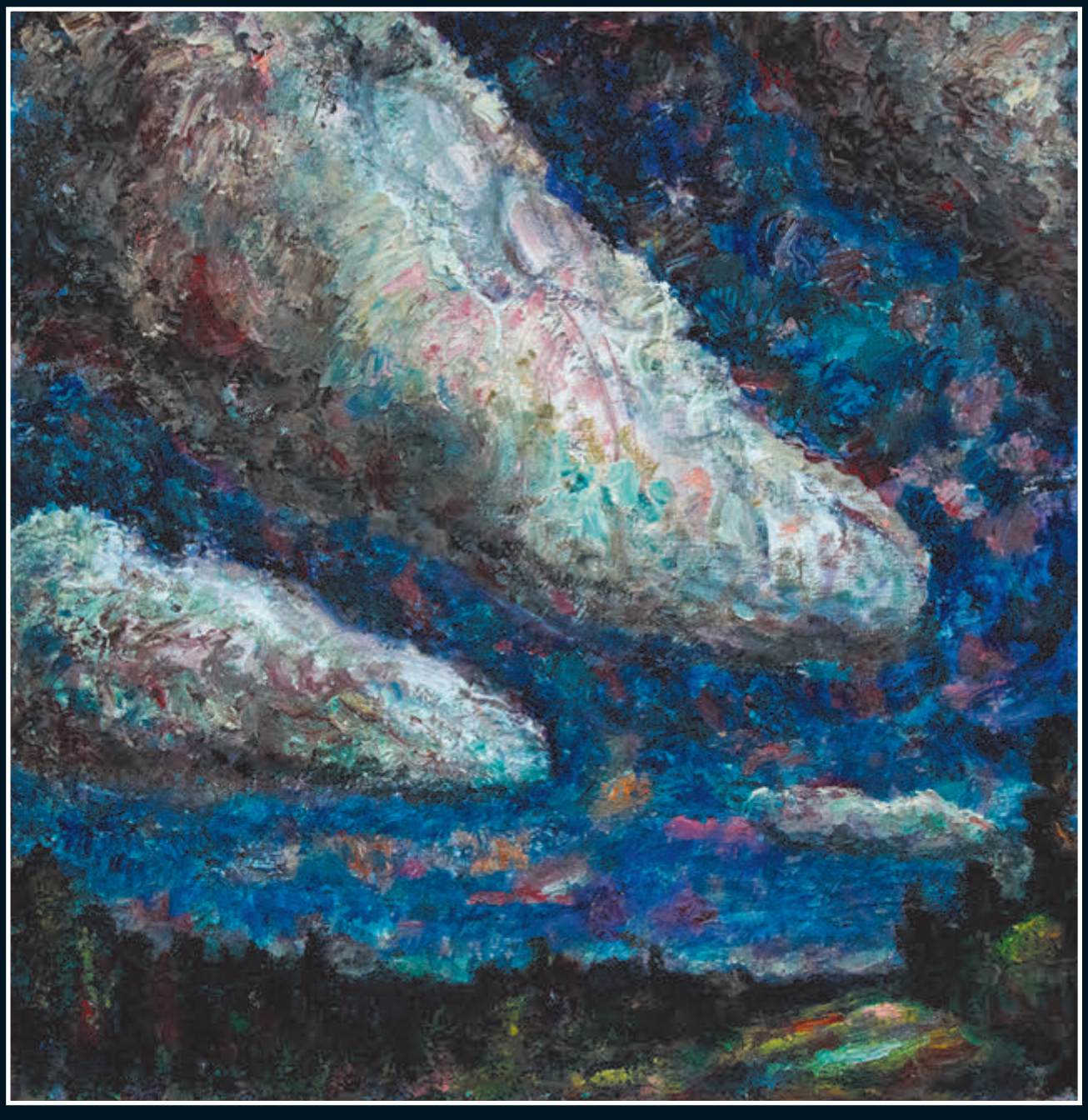
ISSN 2658-7920

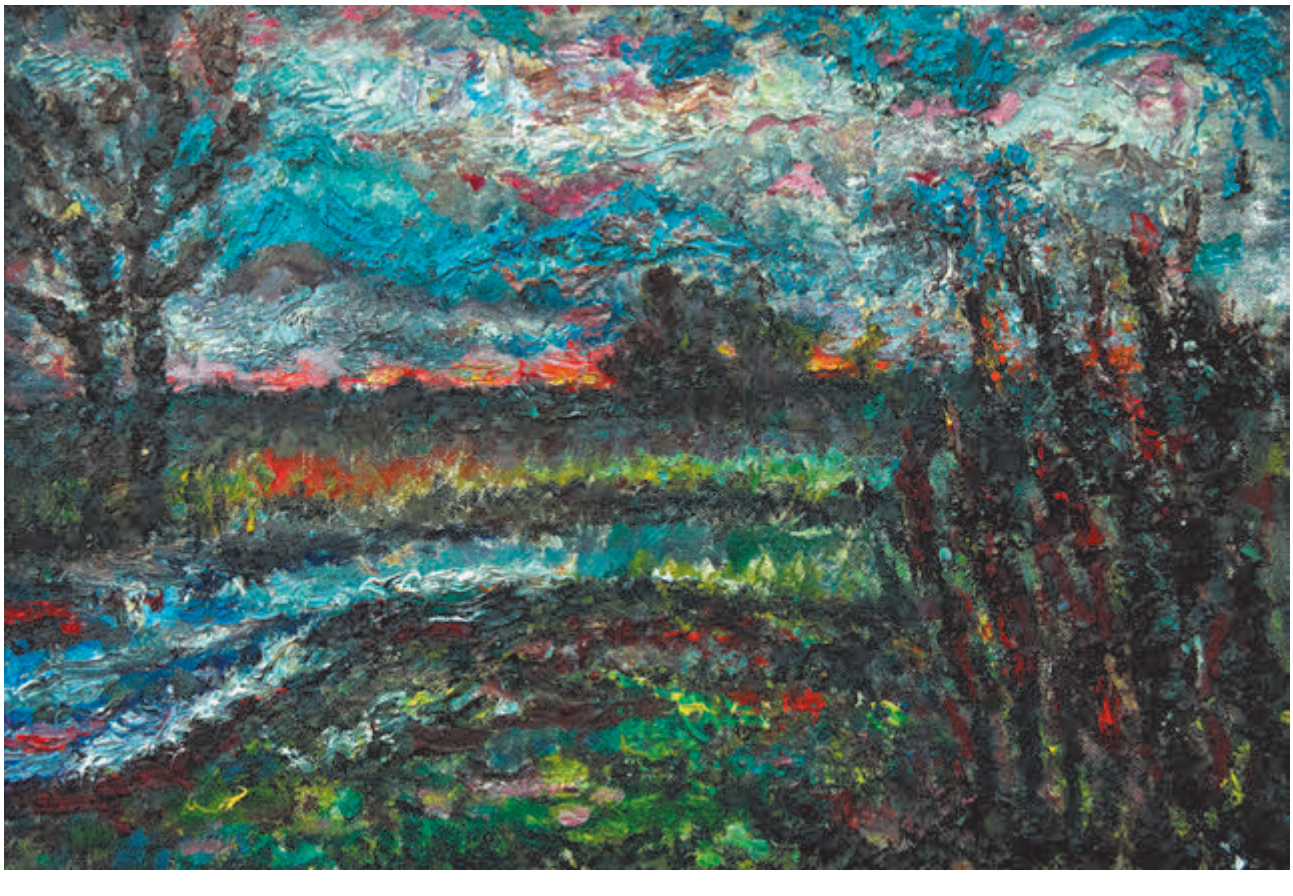

ВЕСИ

№ 1,
2026

Август. Казаково. Художник Ю.Александров

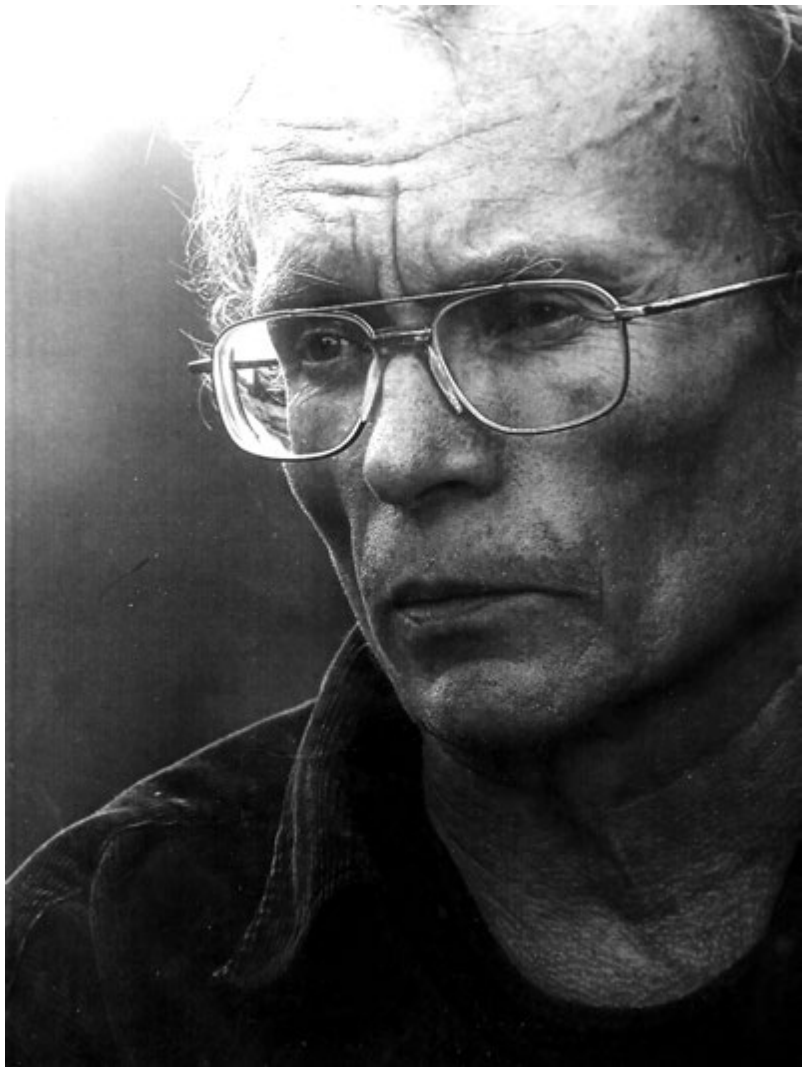
Рассвет над Клязьмой. Художник Ю.Александров

ЛИЦОМ К СВЕТУ

ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВЕ

«Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?»
Сергей Есенин

Странно, но я не помню, как мы познакомились. Вполне отчетливо Александров «материализуется» в моей памяти только где-то в начале девяностых годов прошлого столетия, когда мы с Лидой Отаровой, вдовой художника Бориса Отарова, поехали к нему в гости в подмосковный город Королёв. (Кажется, в ту пору этот город назывался Калининградом). Квартира мне сразу понравилась. Хотя подробности обстановки, количество комнат (по-моему, их было две) и прочее в памяти не сохранилось. Думаю, это неслучайно. Конечно, какая-то мебель там была. И ощущение, что здесь именно живут, а не выставляют предметы обихода «напоказ», тоже было. Ничего парадного, лишнего, купленного с целью «впечатлить». Помню только, что было много света.

Юрий Александров

Сейчас я понимаю, что обстановка квартиры вполне соответствовала самому духу этого большого художника – быт его не волновал. Скорее всего, он его не очень-то и замечал. На протяжении всех лет нашего знакомства, а оно длилось, наверно, лет двадцать, я не помню ни одного разговора с Александровым на бытовую тему, но только о живописи, литературе, религии, судьбах человечества...

Картины произвели на меня шоковое впечатление. Скорее всего, я была тогда еще не готова к восприятию подобной живописи. Зная, что Александров – ученик Бориса Отарова, гениального художника, мощного колориста, с которым мне посчастливилось дружить на протяжении последних пятнадцати лет его жизни, я ожидала увидеть пиршество цвета. Но то, что предстало передо мной, повергло меня чуть ли не в стресс! Это были огромные мрачные пейзажи в масляной технике, написанные, как мне тогда показалось, очень жестко и грубо, почти что примитивно. До сих пор помню гигантские сосны на его полотнах, которые мучительно рвались вверх, как бы пытаясь дотянуться до чего-то, находящегося за пределами картины. «Кошмар!» – подумала я. Но тут он стал раскладывать на полу большие листы с гуашами. Пол засверкал многоцветной радостной мозаикой. Это была серия «Цветы», изумительно тонкие, нарядные, праздничные работы! «Как странно! – удивилась я про себя. – Как будто два разных человека!»

Нина ГАБРИЭЛЯН

(Окончание на стр.46–48)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
Б.А.Долинго
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
чл.-кор. РАН, д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
С.Тенятников (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложках: (1) Июньский пейзаж с большими облаками. Художник Ю.Александров.
(4) Вечерний свет в саду. Художник Ю.Александров.
Выпущен в свет 30.01.2026 г.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru

Тираж 2500 экз.

18+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Репутация: зеркало или маска?

Репутация – она как живое существо, которое растет, эволюционирует и иногда умирает. Она может быть щитом, защищающим нас от мира, и мечом, что мы держим наготове.

Репутация формируется из мнений, суждений и предположений других людей о нас. Это своего рода социальный капитал, который мы приумножаем или растрачиваем на протяжении жизни. Часто мы воспринимаем ее как нечто незыблемое, но на практике она – динамичный процесс, постоянно изменяющийся. Каждый наш поступок, каждая сказанная фраза может пополнить или истощить наш «репутационный капитал».

И вот встает важный вопрос: насколько сильно мы должны заботиться о том, что о нас думают другие? С одной стороны, общественное мнение может служить нам благом. С другой стороны, чрезмерная озабоченность репутацией может привести к потере индивидуальности и искренности.

Мы часто создаем образ себя, который соответствует ожиданиям общества. Этот образ может быть как правдивым, так и искусственным. Человек может быть добрым, отзывчивым и честным в своей сути, но при этом изображать себя жестким менеджером, чтобы соответствовать стандартам. В этом случае репутация может стать своеобразной тюрьмой, из которой непросто выбраться.

Важно понимать, что репутация – это не только то, как нас воспринимают другие, но и то, как мы воспринимаем сами себя.

Существует парадокс: чем меньше мы гоняемся за безупречной репутацией, действуя искренне и в согласии со своими ценностями, тем прочнее и аутентичнее она часто становится. Такая репутация не боится проверки, потому что она – не фасад, а точное отражение личности.

В наши дни социальные сети сделали общество глобальным. Хорошая новость распространяется мгновенно, а плохая может преследовать человека всю жизнь. Интернет расширяет возможности для создания репутации, но одновременно и увеличивает риски. Критика может окончательно испортить жизнь человека даже по случайности, и зачастую он оказывается беззащитным перед лицом виртуального линчевания.

Репутация – это подарок и бремя. Она может открывать двери и, в то же время, закрывать глаза на истинные ценности. Создание подлинной репутации основывается на искренности, честности и ответственности за свои действия. Поэтому, вместо того чтобы бояться осуждения и критики, стоит стремиться к тому, чтобы жить в соответствии со своими убеждениями. И это – один из важных принципов нашего журнала «Веси».

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 1
(217)` 2026
январь-февраль

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Нина Габриэлян
Лицом к свету ... 1, 46–48
Александр Муленко
Привкус окалины ... 4
Лев Прыгунов
Теща ... 18
Ирина Горная
Рассказы ... 21
Сергей Мартьянов
Рут ... 24
Алексей Шихалев ... 37
Кристина Денисенко ... 38
Алексей Серегин ... 40
Александр Лобанов ... 42
Сергей Пагын ... 44
Геннадий Калашников
Сергей Тенятников: Стихи как мгновенные слепки ... 49
Сергей Тенятников
«Я становлюсь старше» ... 50
Елена Колесникова ... 52
Марина Саввиных ... 54
Юрий Татаренко ... 56
Василий Поляков ... 58
Марина Соколова ... 59
Светлана Алексеева ... 60
Анатолий Арестов ... 62
Ольга Пашкевич ... 64
Дмитрий Криушов
С горочкой ... 66
Владлен Козинец
Фрески ... 70
Мария Заложных
Большой творец в маленьком городе ... 94

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO ·

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

ПРИВКУС ОКАЛИНЫ

Главы из любовно-документальной повести

Александр МУЛЕНКО

Член Союза писателей России. Печатался во многих литературных журналах. Автор книг «Волшебное озеро», «Остров Иванушкина Миши», «Счастье в яме», «Должник. Амнистия. Ни свежего чая, ни курить», «В преддверии праздника», «Вкус изабеллы». Трудился на объектах черной металлургии и Тобольского нефтехима. Был участником Чернобыльской кампании 1986 года. Последние пятнадцать лет обучал строительным специальностям заключенных в колонии строгого режима. Живет в Новотроицке.

НАДЕЖДА

В каморку, где вне службы ютился прапорщик Лазавик, постучалась и вошла молодая особа – бухгалтер. Она объявила жильцу, что в общежитии проходит инвентаризация имущества и вписала в свою учетную тетрадку незавидную армейскую мебель взводного командира: стол, табуретку, тумбочку, узкую панцирную койку и старый одежный шкаф; а также горшок с крассулой, стоящий на подоконнике. На каждый из этих предметов пришелица наклеила номерок. При этом дважды присела на корточки и боковым зрением заметила, как жилец поедает глазами ее фигуру, тесно обтянутую одеждой. Как стыдливо он избегает ответного женского взгляда. Как боязливо молчит и осторожно дышит мимо нее, словно боится неосторожно спугнуть синицу с ладони. Незваная гостья стремительно поднялась, повернулась к Егору лицом, подошла к нему и сказала:

– Вам надо жениться.

Прапорщик растерялся, а визитерша догадалась, что перед нею находится человек, еще не познавший любовных объятий.

– Я сегодня останусь у вас, – решилась она.

Егор не возражал.

Жена комбата Надежда Ивановна Брагина работала при штабе отряда. Ревнивый майор старался держать ее на виду. Отдел учета имущества батальона находился напротив его приемной. При открытых дверях можно было услышать, о чем судачат боевые подруги, и разглядеть неженатых офицеров, посещавших бухгалтерию без дела. Многие мужчины в гарнизоне жили холостяками, но не от того, что любили развеселую легкую жизнь, такой она не являлась никогда, просто в округе было мало женщин. Из больших городов, где вчерашние курсанты обучались на командиров, далеко не все их подружки подались в этот таинственный гарнизон, спрятанный от лишних глаз. Повсюду громоздились горы, покрытые смешанным лесом. Среди деревьев гуляли медведи, прыгали рыси, бродили и выли волки. Хватало гнуса. Редкие сельские клубы были открыты только в памятные дни побед и революций. В них играли одни и те же баянисты. То плясовые, то грустные звучали надоевшие песни. Железная дорога, ведущая в радостные края, находилась за тридевять земель от места, под которым скрывалась самая важная тайна «мирного» государства – подземелье для управления следующей войной. Повышенная секретность ощущалась при каждой проверке документов, а также в

бумагах, приходивших из Москвы.

Всего лишь два года срочной службы отделяло Жорку от мамкиных пирожков. Его комбат Николай Николаевич Брагин был неприступным, сильным, авторитетным. Но несмотря на это, прапорщик Лазавик безрассудно кинулся в объятья его супруги. Рассказы о супружеской верности – мишура, прикрывающая плоть. Женщина оказалась страстной и грешной. В первую минуту их любовной связи, в тот самый «бухгалтерский» день, обнимая Егора, она сказала:

– Тебе пора повзрослеть.

Прапорщик что-то буркнул, осторожно прижался к первой своей возлюбленной и вдохнул ее запах. Потом, толкая друг дружку, они теснились на кровати, болтая при этом всякую интимную чушь.

Может быть, от Егора отдавало духами или напротив жена майора пропахла солдатчиной, но про их любовные отношения комбат скоро узнал. От него не укрылось и то, что Надежда посещает холостяцкое общежитие в часы, когда Лазавик отдыхает после ночных нарядов.

В кабинете у командира отряда находилась внутренняя комната. В ней он воспитывал супругу. Надежда уже давно гуляла на стороне с офицерами его батальона и за это получала от мужа втыки в лицо. Случалось, что жадные до нее кавалеры тоже уходили из штаба, скрывая синяки. После такого общения с Брагиным они прекращали всяческие шашни с его женой.

Летом во время школьных каникул в воинской части появился карапуз – единственный сын Надежды и комбата. Звали его Кирилл. Выпячивая живот, пацанишка, словно завсегдатай, ошивался в штабной курилке, на равных якшаясь с бойкими и лучшими командирами. Бывало, что он присутствовал при построениях всего батальона. Ребенок носил потешную солдатскую форму с игрушечными погонами. Как-то он подошел вплотную к Егору, стоявшему в строю, важно остановился напротив него так, как это делал его отец перед всякими подчиненными людьми, желая кого-нибудь из них публично унизить, и неожиданно ударил прапорщика рукою в пах. От боли Егор едва не согнулся. Малец радостно повернулся к отцу. Глазами комбат одобрил поступок сына. В семейных скандалах Кирилл слышал о том, что прапорщик Лазавик – похотливое животное, жалкая дрянь, что он разрушает их крепкую семью, и мамка желает развода из-за этого человека. «Шлюха», – кричал Надежде супруг, хлестал ее ладонями по щекам и обзывал другими паскудными словесами. Настоящее значение этой ругани мальчишка не понимал, но видел, как виновато плакала мамка и презирал ее в такие минуты. Он верил в отца как в более главного повсюду. Считая себя великим воеводой, Брагин до Егора не прикасался. На это он науськивал сына. Когда пацан решился ударить прапорщика вторично, Лазавик перехватил его еще слабенькую руку и подвернул ее в сторону. Задира ойкнул.

В тесной любви с Надеждой прошла зима. Прямого мужского разговора с майором у Егора не состоялось. Жалкие штабные сплетни утихли. Больная тема была закрыта, когда из Москвы в конце апреля пришла телефонограмма с приказом направить по одному специалисту от каждого батальона в зону Чернобыльской аварии для ликвидации ее последствий. Выбор пал на Егора. Надежда ревела, ругала своего рогатого мужа за эту немелкую пакость. Не скрываясь от лишних глаз, она висела на шее у своего любовника, прощаясь с ним так, как это показывают в кино, словно мужчина уходил за линию фронта на верную гибель. С телеэкранов доносились прогнозы, неутешительные для продолжения полноценной и взаимной любви. Ведущие пугали наивных женщин о влиянии радиации на производство потомства. Уже схоронили первых людей, тушивших четвертый энергоблок. В день отъезда Егора в Чернобыль майор Брагин избил свою взбалмошную супругу до синяков и закрыл ее в своей служебной биндюжке на ключ. Но в последний момент изменница выпрыгнула в окошко и примчалась к автобусу, где находился ее любовник. Увидев побои на лице у подруги, Лазавик на минуту вернулся в штаб и заявил комбату прямо в глаза:

– Не трогай Надежду, майор! Если я про это узнаю, то вернусь из самого ада и раздавлю тебя, как гниду.

– Когда ты вернешься из ада, дрянь, – передразнил его Брагин, – если только ты оттуда вернешься, то будешь ей не нужен… Иди, и выполняй приказ правительства, пошляк, и береги себя для производства потомства… А с женою я разберусь безо всяких твоих подсказок.

Надежда провожала Егора до поезда, пряча свое разбитое лицо на груди у любимого человека.

– Я буду тебе писать, – шептала она. – Я дозвонюсь до штаба нового командира... Вот увидишь, я тебя не забуду никогда. Я же тебя люблю как собственного сына.

После отъезда Егора на железнодорожной станции незнакомые люди испугано заглядывали в безумные глаза этой женщины, источающие слезы... В одночасье Надежда Ивановна Брагина стала страшной. Дома ее ожидали новые тумаки от нелюбимого человека.

ГОТОВЫЕ К СМЕРТИ

«В саркофаг бы запрятать трусость,
В саркофаг бы запрятать подлость
И крутых командиров тупость,
И прогнившую к черту совесть.
Да еще за одно бы жадность
Запихнуть бы туда – и ладно,
И продавшихся за пятак –
Всех упрятать бы в саркофаг».
Слова из песни Сергея Урывина

В Киевском штабе, изучая документы у «партизан», прибывших для ликвидации последствий аварии на атомной станции, одетый с иголочки лейтенант, вчерашний курсант – почти мальчишка, весело спросил у Егора:

– Прапорщик Лазавик?

И обратился к седому полковнику, сидевшему рядом:

– Владимир Иванович.

– Что? – отозвался сосед.

– Вот он – тот самый прапорщик из стройбата, о котором я уже говорил.

– Егор Лазавик?

– Так точно...

Полковник Горяка открыл досье человека, стоявшего перед ними...

– Техник-строитель?

– Да, – подтвердил прибывший.

– Хорошо.

– Но откуда вы обо мне узнали?

– Из документов, – ответил Горяка.

– Звонили, искали вас по всей стране, – досказал лейтенант.

– Кому я нужен?

– Легко отвечу... Вначале позвонила ваша мама. Она переживает больше всех. И подсказала, что вы – профессиональный строитель. Мы это взяли на карандаш.

Лазавик улыбнулся.

– Как же она узнала, где я сегодня нахожусь?

– Не доложила.

– Ну, а потом?

– Ну а потом?.. Вы, наверное, женатый человек, товарищ прапорщик? Сознайтесь... Дети есть?

– Я еще не женат.

– Значит, звонила ваша невеста...

Егор промолчал.

– Пообещала писать вам каждый день большие письма... Плакала, было слышно.

Лазавик извинился за Надежду.

– Не стоит, товарищ прапорщик... Родные сегодня волнуются у всех, кто сюда подъехал, и мешают мне продуктивно вести бумаги... Я не сержусь.

– Егор Петрович, – сказал Горяка. – Вы со мною отправитесь в зону бедствия. Там опасно. Мне не понятно, конечно, как неженатого человека, вас, направили в Чернобыль. В приказе правительства были даны рекомендации о том, чтобы бездетных мужчин, помимо их воли, сюда не засылали. Скажите мне, у вас есть объективные причины уклониться от выполнения государственного задания?

– У человека, который дал военную присягу на верность стране, не может быть никаких сомнений в том, исполнять ему свой долг перед нею или нет, – ответил Лазавик.

– Вы чеканите слог, как в школе, Егор Петрович, очень уж бойко, – печально выдохнул командир.

– Я так воспитан.

– Значит, вы готовы пойти в радиоактивную зону?

– Конечно.

– Читаете чертежи? Писали наряды?.. Вели какой-нибудь учет строительных материалов?

– Нет... Не писал, не читал, не вел, не привлекался.

– А чем вы тогда занимались в части, откуда прибыли к нам?

Лазавик ответил неудачно.

– Был командиром взвода и проводил строевые занятия на плацу.

– Это – не то, – огорчился полковник. – Вам приходилось делать опалубки и укладывать в них бетон?

– Однажды.

– Какой у вас на сегодня опыт работы в строительстве?

– На срочной службе мы полгода жили в палатках. Нас поедали вши и мучила жажда от потерянной крови. Тогда стояла зима. Я вкапывал в мерзлую землю столбы и потом с другими солдатами мотал на них колючую проволоку, ограждая баллистические ракеты от глаз американцев. Осенью мы боролись с водой, поступавшей из земли, весною с разливами рек. Наши ракетные стволовые установки были радиоактивными от прежних зарядов. Но я радиации не боялся.

– У вас ее замеряли?

– Нет, – признался Егор.

Он постеснялся своей неопытности в строительстве больших и сложных объектов. Молодой прапорщик испугался не разобраться в чертежах и ошибиться в написании нарядов для зарплат.

– Будут у вас, Егор Петрович, и подземные воды, и столбы, и радиоактивность. Я назначаю вас мастером по производству общестроительных работ.

Многие деревни, встреченные около дороги, ведущей к месту аварии, опустели. Сиротливо стояли дома, брошенные людьми, тишина на улицах была мертвецкая. Во рту у Егора появился привкус окалины. Весь путь ему хотелось воды. Того же желали другие новобранцы и шептались об этом. В базовом лагере, где стояли палатки, по приезду военных снабдили марлевыми повязками, переодели их в рабочую форму, раздали им колпаки. В нагрудной карман Егору вложили «карандаш» для показания дозы облучения.

Зону отчуждения, где остались пустыми тысячи домов, нужно было огородить от мародеров проволочным забором. При нем построить контрольно-пропускные пункты с наблюдательными вышками и блиндажами для часовых. Это был титанический труд солдат отдельного первого саперного батальона и двух мотострелковых полков внутренних войск. В тридцатиградусную жару бойцы таскали с лесных делянок трехметровые стволы, обдирали саперными лопатами с них кору, обмазывали полученные бревна отработанным техническим маслом. Оно использовалось вместо обеззараживающего средства. Заготовленный лес грузили на машины и развозили по участкам работ. Доставленные столбы врывали в землю. Потом мотали на них колючку. Рабочая одежда у солдат стала промасленной, липкой. Плечи и спины под нею скоро оказались разбитыми в кровь. Бойцы установили заграждения по периметрам трех зон около станции. В кратчайшие сроки они навели через встреченные реки мосты, проложили новые грунтовые дороги и более трехсот километров полевого телефонного кабеля. Кроме этого, инженерно-саперные подразделения полковника Горяки построили несколько военных городков со щитовыми казармами и хозяйственными постройками для частей, приступивших к охране периметра.

– Прыгай, – приказал Егору тот самый развеселый штабной лейтенант из Киева, подъехавший однажды с почтой. Он вручил прапорщику письма, присланные Надеждой. Егор их носил с собой в кармане рабочей куртки. От пота чернила раскисли, буковки расплылись, бумага стала пятнистой, как шкура леопарда. Между скупыми рассказами о жизни с нелюбимым мужем его подруга писала ему стихи, созвучные тому, что у нее творилось в душе, и он за тридевять земель от чистых Уральских гор в черном пекле Чернобыля вспоминал немногие встречи с возлюбленной, ругал про себя ее «рогатого» мужа, его сынка, настроенного против собственной матери. Защищаясь от радиации, свою одежду Лазавик ежедневно чистил с водою от пыли-грязи, но письма подруги оставались нестираными, хватая на пару с хозяином рентгены от рыжего леса, от зараженной травы, от каждого оврага. Они и доныне хранятся среди книг в семейной библиотеке как память о первой любви в год атомной катастрофы, возможно, храня в себе опасные изотопы.

Реактор кипел, словно вулкан. Толстая крыша энергоблока весом в несколько сотен тонн порвалась, как простая бумага. Из промышленного пекла в небо взметнулось немыслимое пламя, и графит разлетелся по миру в виде осколков спекшегося камня и пыли. Его тяжелые выбросы легли на территорию электростанции, на уцелевшие цеховые крыши. Более легкие частицы радиации помчались по воле ветра, оседая на встреченные поля, на лесные угодья, проникая в открытые окна жилых домов, в легкие людей. Деревья и травы пожелтели, пожухли до осени. Собаки, попавшие под воздействие облучения, увидев свое отражение в лужах, горестно выли: то ли уже от лучевой болезни, то ли от предчувствия беды. Мех впитывал радиацию. Лохматых животных объявили разносчиками заразы. Санитары вырубали кустарники, снимали землеройными машинами верхние почвенные слои – кормилицы мира, хоронили посевы в могильниках, вырытых специально.

Реактор не затухал. Поначалу его глушили сыпучими материалами, забрасывая их с неба. Но внутреннее горение урана не прекращалась. Из открытого жерла тянулся жар, опасный для всякой плоти. Когда появилась угроза провала реактора под землю, где находились грунтовые воды, на помощь пришли шахтеры. Грозило не только заражени-

ем ближних рек, но и атомным взрывом. Люди соорудили под реактором опалубку и закачали в нее бетон.

Японские братья прислали роботов для очистки горячих крыш. Но их машины не выдержали жаркой температуры. Электронные чипы в них расплавились. И тогда к жерлу промышленного вулкана вышли люди в просвинцованной форме. Каждый из них работал по три минуты. За это время человек успевал скинуть в прорву несколько лопат радиоактивных обломков.

Две силы столкнулись в этой борьбе. Неорганический, вечный, всё на свете уничтожающий мир огня и каменных обломков, излучавших смерть, и суетливый, мобильный белковый мир, живущий по законам любви – гиблый, но стойкий у последнего рубежа. Тянется к плоти плоть, лепесток к лепестку, к клеточке клеточка. Органические молекулы сплетаются в соединения и множатся для продолжения жизни... И отмирая, латают раны, как струпья. На крыше энергоблока работали бесхитростные создания – крайние люди живого мира – биороботы, готовые к смерти.

– Как твоя невеста? – спросил Владимир Иванович у Егора при встрече. – Пишет?

– Уже не пишет. Она – совсем не моя невеста, – признался Егор. – Она жена моего комбата, товарищ полковник. Мы с нею – любовники.

– Тогда понятно, как ты оказался в этой командировке.

– Я бы женился на ней, я ждал развода. Ее сынок кидался на меня исподтишка с кулаками по научению отца...

– Они – одна семья, – сказал Горяка. – Эта женщина тебе не нужна. Встретишь другую.

– Я понимаю, товарищ полковник.

– Послушай, Егор Петрович... Завтра уедет мой главный инженер. Я его не отпускал на эту крышу, но он, как и ты почти мальчишка, как все вы – герой. Отставать от других не захотел. Пошел самостоятельно и за три минуты перебрал предельную дозу. Теперь его тошнит и корчит, у него не в порядке голова, он стонет. Медицинские анализы – никуда. Другого такого инженера я пока не имею. Вот мой приказ. Я назначаю тебя ответственным за производство всех работ по строительству нового бетоносмесительного узла. Первая рота первого батальона тебе в подмогу.

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

«Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу –
Потому что он хороший».
Агния Барто

Весной, когда случилась авария, жители Припяти подумали, что это ненадолго, и покинули свой городишко с надеждой вернуться в него через несколько дней. Но лето уже подходило к концу, а улицы так и остались пустынными, квартиры были закрыты, завяли цветы на подоконниках, одичали домашние животные, молчали в округе птицы.

Освещая масштабы бедствия, киношники отсняли о брошенной Припяти длинный фильм. Ближе к его концу в кадрах появилась детская песочница. В ней сидел забытый плюшевый медвежонок, одетый в полосатую майку. Ведущий замерил излучение, набранное игрушкой, и радостно доложил, что мишка получил предельную дозу радиации, при которой человека необходимо спасать от смерти. Поучая зрителей выживанию в минуты атомной катастрофы, диктор торжественно объяснил, что на игрушку забыли надеть просвинцованный плащ с капюшоном и обуть ее в толстые резиновые сапоги.

Эту киношку увидели дети. Васе было девять лет. Он в мае закончил учебу в третьем классе. Его двоюродная сестренка Анечка была дошкольницей. Сразу после аварии бабушка Нина приютила внучку, покинувшую Припять, в Репках и наказала Васе, приехавшему к ней в гости на лето из Талалаевки как старшему братцу малявку оберегать и любить. Родители детишек, а также их дедушка Толя, муж бабушки Нины, по приказу правительства умчались в безопасное место около Киева строить для пострадавших, покинувших зону отчуждения новое жильё.

Днями бабушка торговала на базаре по мелочам. Внучата игрались в доме. Вася был самостоятельным хлопчиком, но сестренку никогда не бросал одну и предлагал ей свои игрушки. Девчонка неохотно возилась с его машинками да танками. В доме не было ни одной куколки. Второпях, покидая Припять вместе с перепуганной мамой, Анечка не взяла свои игрушки с собой.

Глядя по телевизору съемку заброшенного места, Вася окликнул сестренку:

– Аня, погляди, показывают твой старый двор.

Дети восторженно глазели на экран, не понимая говорильни за кадрами. Но когда появился плюшевый мишка,

тележурналист высокопарно сказал, что эта игрушка оказалась в беде по вине ее хозяйки. Анечка расплакалась.

– Это мой Мишка, – призналась она Васе, растирая слезы по щекам. – Я про него забыла, когда меня гнали в автобус. Мишка сегодня болен из-за меня... Он умирает. Мне нужно его спасти.

Утешая сестренку, мальчишка осторожно ее погладил, как котенка, и предложил для игры свою лучшую машинку, уцелевшую от поломок. Но Анечка заплакала бойчее.

– Я не люблю твои игрушки, – объявила она. – Они – плохие.

– Давай с тобою поедем в Припять, – решился Вася. – Найдем твоего хорошего Мишку и привезем его в Репки.

– А если про это узнает бабушка Нина? – испугалась Анечка.

– Мы шомором. Туда и обратно. Бабушка не узнает.

– А деньги?

– С тебя, с дошкольницы, наверное, не возьмут ни копейки, а у меня есть три рубля. Только найди, пожалуйста, непромокаемую одежку и капюшон к ней, а для мишки мы возьмем большую кожаную сумку, с которой бабушка ходит по магазинам.

– Ладно, – ответила Анечка. – Поехали в Припять.

На пропускном пункте в зону отчуждения детей задержали. Караульные солдаты стали выспрашивать, кто такие. Потом попытались дозвониться до Репок – в сельсовет. Был полдень. Стояла жара. Потели люди. В поселковой администрации трубку никто не взял, и тогда на маленьких пилигримов махнули рукой. Вместе с бойцами полковника Горяки, уезжавшими в эту минуту в зону аварии на пересменку, Вася и Анечка доехали до города, брошенного людьми. Водитель служебного автобуса пообещал за ними вернуться через два часа.

– Хватит вам столько времени, чтобы найти свои игрушки?

Дети дружно ответили: «Да».

– Приходите на эту остановку, не пропадайте, – велел шофер.

По Припяти гуляли брошенные собаки. Встречая людей, они их окружали и обнюхивали. Бывало, прохожие пахли едой или торопились пройти территорию, подконтрольную стае. Тогда животные становились опасными и злыми. Они рычали, хватались зубами за одежду, искали пищу.

Мишку ребята спрятали в сумку. Утром бабушка Нина ходила с нею в булочный магазин, и сумка пропахла свежим хлебом. Собаки стали кидаться на Анечку. Братишка попробовал их остановить, да вожак укусил его за руку. Две другие псины, рыча, вцепились в брючину и порвали ее. Спасла крутая деревянная детская горка. С нее катались на санках под Новый год. Анечка и Вася вбежали по ступенькам на самый верх этой горки, надеясь, что собаки скоро уймутся и уйдут. Но, высунув языки, животные развалились у подножья, не собираясь никуда отступать. Вначале детишки сидели молча, но потом, зазывая на помощь, стали плакать.

Шофер автобуса, возвращаясь, услышал отдаленные крики о помощи. Он поехал на эти крики. Увидев его, собаки удрали.

Возле заставы детей уже ждали бабушка Нина и председатель сельсовета из Репок старик Хижняк. Непослушные сталкеры облучились, но не опасно. Едва замерили дозу радиации у плюшевого мишки, за головы схватились не только сельчане, но и солдаты, видавшие всякие виды. Игрушку приказали немедленно захоронить в глубокой яме. Анечка вцепилась в нее сильнее, чем два часа назад, когда одичалые псы вырывали у нее из рук сумку, пропахшую хлебом, и плакала при этом громче, чем на горке.

– Мой Мишаня и всё, – кричала она солдатам.

– Он, – убеждала бабушка внучку, – заразный.

– Я буду его лечить, – твердила Анечка.

– Детонька, ты не врач, а мишка – неизлечимый.

– Анечка, забудь о нем, – твердил дозиметрист.

– Неправда, – упрямилась Аня. – Мишаня – хороший.

Присутствующие при этом вояки глядели в сторону. Им было жалко девчонку, которая, рискуя собой, пошла в опасное место, чтобы спасти свою любимую игрушку.

– В яму, – настаивал дозиметрист.

– Так уж и в яму? – возразил ему Егор Лазавик.

– А куда еще? – огрызнулся дежурный.

– В больничку... Отнесите Мишку к медичке. Положите его в палату вместе со всеми. Когда он поправится, я сам привезу его в Репки.

Егор обратился к девочке:

– Анечка, ты согласна? Можно я отнесу твоего Мишку в палату?

Анечка поглядела на бабушку, прижалась к ее ноге и

стеснительно улыбнулась доброму военному человеку.

– Можно, – разрешила старушка.

Девочка уже не плакала. Жоркина хитрость удалась.

Когда беспокойные маленькие странники уехали в Репки, радиоактивного мишку похоронили в яме с объедками из столовой.

На следующий день из Припяти была слышна канонада. Военные санитары убивали кошек и собак.

Спустя неделю смелые дети приехали на контрольный пункт вторично, чтобы навестить больную игрушку в лазарете. Медичка вначале растерялась, а потом нашлась и ответила им, что у Мишки – тяжелый случай облучения и его отправили в лучшую больницу города Киева. Врачиха пообещала, что мишку спасут. Когда ребята уехали, она дождалась Егора и сказала ему:

– Петрович, ты – большой фантазер, но что мне соврать этой девчонке в следующий раз?

– Скажи ей, что мишка скоро вернется. Я, Мария Ивановна, видел такого в продаже около пристани. Там, где мы выгружали миксеры для бетона. На выходные махну в этот поселок. Куплю Мишку и отвезу его в Репки.

Увидев новенькую игрушку, девочка ее осмотрела и сказала, что это – другой Мишка.

– Тот, – уверил Егор Петрович.

– У моего Мишки была порвана лапа.

– Ее подшили врачи.

– Но мой Мишка был грязным, а этот – новый.

– Его отмыли... В Киеве, Анечка, прекрасная медицина, – ответил прапорщик Лазавик. – Нашего Мишаню лечили самые лучшие в мире специалисты.

– Да-а? – переспросила девчонка.

– Да, – подтвердил Егор.

– Я больше его никогда и нигде не брошу, – сказала Анечка. – Он мой?

В сентябре девочка пошла в первый класс Репкинской средней школы. Ее двоюродный братец Вася уехал в Талалаевку, а Егор Петрович Лазавик попал на «мишкино место» – в руки самых лучших в мире врачей.

Спасая атомную станцию от повторного взрыва, он набрал предельную дозу излучения – двадцать пять рентген...

АКВАРЕЛИ

Кормили как на убой. Уснешь, бывало, на лавочке в ожидании автобуса, увозившего к месту работы, и не хочется просыпаться, от сытости становится нежно. Но однажды Егор Лазавик поднял во время обеда ложку ко рту и почувствовал отвращение к пище. В области живота появились тянущие боли. По телу покатился липкий пот. Рубашка взмокла. В медпункте предложили какие-то таблетки, но легче не стало, стошнило желчью. В полевом лазарете Егору вкололи для лучшей жизни папаверин и отправили обследоваться в провинциальную больничку города Нежина. Там освободилась койка. Егор очутился в терапии. У него обнаружили язву двенадцатиперстной кишки.

В палате лечились необлученные гражданские люди. При обходе врача один из них пожаловался на то, что новый пациент прибыл из зоны отчуждения атомной станции.

– Ну и что? – удивился доктор.

– Он опасный... Отведите его в другое место. А то мы заразимся рентгенами и помрем.

– Вчера и от тебя хотели избавиться соседи, – сердито ответил врач.

– За что? – удивился беспокойный больной.

– Ты храпишь, как трактор в поле, мешая спать.

– Но это же не радиоактивно?

Много было предположений о людях, работавших в зоне бедствия. Их считали смертельно опасными, как сам реактор, излучавший энергию урана.

– В больнице сегодня нет свободных мест, – отрезал врач на ворчание пациента.

– Но Шульгина-то вы переселили.

– Так это – Шульгин.

С неделю в палате валялся болтливый старикан. Он лечился от бронхита и, будучи пьяным, докучал рассказами о том, как во время оккупации города немцами, боролся с ними. Из говорильни выходило, что за это сопротивление ему положен орден Красного знамени и льготы как ветерану войны. Однако Шульгина не наградили ничем, и жил он без привилегий – отягощаясь настоящим. Неделю назад дежурная медсестра поставила дедушке банки на спину, но перед этим забыла смазать его кожу вазелином. Когда эти банки снимали, человек корчился от боли. После окончания процедуры, спина у пациента язвила. Набедокурившая медичка испугалась ответственности, а находчивый старый хрыч за свое молчание поставил ей условие, чтобы женщина ежедневно снабжа-

ла его водкой. В кармане больничной пижамы у «мухомора» гремели шкалики. На это закрывали глаза, пока вчера он, спускаясь по лестничному маршу, не упал. Бутылки разбились. Водкой в больничке пахло весь день. При падении Шульгин сломал себе ногу. Ее загипсовали, и пострадавший балабол перешел лечиться в травматологию. Так в терапии освободилась кровать.

Правдоискатель, докучавший врачу о радиоактивности Егора, подался к заведующей отделением. По его настоянию медики собрали консилиум и перевели облученного человека из терапии в палату онкологических больных. Она находилась в другом крыле этажа. Как бы оправдываясь перед оставшимися людьми, доносчик в течении дня едва ли не каждому из них разжевывал правду.

– Люди болеют раком. Им пришла пора помирать, всё равно безнадежные. Егор тоже – мертвяк. Он – радиоактивный. Онкология – это самое место для человека, впитавшего уран.

Соседи молчали, листали книги. Им было всё равно.

Вскоре про облученного пациента узнала вся больница. В столовке прапорщик виновато питался после всех. Когда молодой ликвидатор от безделья попробовал приударить за медсестрой, она его отшила. Интрижка с врачихой тоже была короткой. Реализовать свои телесные влечения Жорка не смог и нашел себе занятие по душе. Как в детстве, он начал малевать. Вначале изобразил мирную кошку, прикрывающую котенка рыжим хвостом – простой рисунок; они лежали в осенних листьях. Затем нарисовал одичавших собак, окруживших маленькую девчонку с плюшевым мишкой подмышкой. Это была Анечка, попавшая в Припять. Но лучше всех у Егора получился промышленный пейзаж во время заката солнца. В просветах красного неба дымили черные трубы. На переднем плане блестела река. Перед нею виднелся треугольный знак радиационной опасности. От ветра гнулись облетевшие деревья. Нарисованные рабочие носили длинные защитные серые плащи. Так предохранялись от ядерной пыли.

Больные смотрели на все эти художества с удивлением, но скоро отходили. Заведующая больницей попросила Егора оформить санбюллетень. Самый дальний угол в столовой, в котором кормился прапорщик, вне приема пищи стал художественной мастерской. Жорке вручили гуаши, акварели, карандаши.

И вот, в больнице появилась Иринка. В тот год она окончила среднюю школу и совсем недавно сдавала вступительные экзамены в столичный институт, да неуспешно. Папка у девушки работал директором большого машиностроительного завода. В городе он был едва ли не первым человеком. По прибытию доченьки из Москвы отец обозвал ее бездарностью. Неудачница расстроилась и от обиды легла в больничку. Полдня она объясняла перепуганным врачихам свое душевное состояние, потом отвечала соседкам, лежавшим с нею в палате, на их пустые вопросы. Вечером к ней пришел отец. Он извинился. Но упрямица оказалась капризной. Из прихожей, где проходило ее свидание с великим папкой, слышался неутешный отроческий голосок. Обида у девчонки не проходила ни на минуту. Единственный ребенок в семье, Иринка была избалованной с детства. Все ее прихоти исполнялись. Возвращаясь после свидания с отцом, она зашла в больничную столовку и положила в холодильник гостинцы.

Был вечер. Егор сушил свои акварели и, согнувшись над столом, набрасывал на ватмане заголовок будущей стенгазеты. Иринка осторожно подошла к художнику, внимательно оглядела все его работы и робко спросила:

– Можно я тут присяду?

Он утвердительно кивнул.

– Это трудно?

Девица взяла в руки картинку, где была нарисована кошка с котенком. Егор улыбнулся и ответил:

– Это – не трудно.

– А я бы вот так не сумела.

– Стенная газета дается мне намного хуже.

– Разве? А почему?

– Рисуя кошку, я имею свободный выбор. Могу поднять ее хвост до самого неба. Могу, как вот здесь, произвольно объять им маленького котенка. Акварели рисуются нежно, а в стенгазете каждая буковка должна быть строгой и выглядеть стильно. Газета – это такая скукотища.

С момента своего поступления в больницу, кроме как с врачами, Егор подолгу ни с кем не разговаривал. Люди его сторонились. Теперь он нашел готовые уши и утолял голод общения, наслаждаясь.

– Иринка, пройди на пост, – строго приказала ей дежурная медсестра, та самая женщина, которая неудачно поставила банки непризнанному подполь-

щику Шульгину. Именно с нею Егор искал взаимную связь.

– Я быстро, я сейчас обернусь, – сказала девчонка художнику.

Пост медицинской сестры находился в конце коридора. Дежурная зычным шепотом отчитала Иришку за то, что та долго общается с облученным человеком.

– Хочу и общаюсь, – твердо ответила больная.

– Я расскажу про это отцу, – пообещала медичка.

– Я его нисколечко не боюсь, – ответила Иринка. – Он – мой отец.

– Ты ничего не боишься, а этот мужик – радиоактивен, – кивнула дежурная в сторону столовой.

Егор это услышал.

– Зато он умеет рисовать.

– Ты непослушная, ты – взбалмошная скандалистка.

– Да-а, я такая, – призналась девица и пошлепала к Егору.

Полночи они творили «Санбюллетень». Егор рисовал, а Иришка давала ему советы.

Утром пришел полковник Горяка. Вместе с ним семенила Анечка. На ней сидела веселая школьная форма. В руках был плюшевый мишка.

– Мы на минуту, – сказал полковник.

Анечка увидела рисунок, где были изображены собаки, кусавшие детей.

– Дедушка Вова, это – я, – показала она Горяке. – Я сразу себя узнала.

– Разве похожа? – спросил у нее Егор.

– Я на себя нисколечко не похожа, но мишка – точь-в-точь, – ответила маленькая гостья.

Иришка перепугалась.

– Это кто? – прошептала она. – Ваша дочка, Егор Петрович?

– Нет, – рассмеялся Лазавик. – Это – сталкерша. Я потом тебе расскажу, как она в Припяти спасала свою игрушку.

– Дядя Жора, можно я возьму этот рисунок с собою? – попросила Анечка.

– Конечно, я нарисую себе еще.

– А я-то подумала, что она – ваша дочка, – призналась Иришка.

Полковник Горяка улыбался. В окружении двух девчонок еще недавно измученный тяжелой работой прапорщик Лазавик выглядел счастливым.

– Лечись, Егор. Как можно дольше лечись и не геройствуй, – приказал командир.

– Лечусь, вот, товарищ полковник.

– Куда ты подашься потом, после болезни?

– В свою родную воинскую часть.

– К бесноватому командиру?

– К нему, товарищ полковник.

Уже прощаясь на улице без Иринки, рядом с ними стояла только Анечка, Горяка сказал:

– Егор, ты мне нужен... Ремонт атомной станции скоро закончится. Давай, я тебя приму в Ленинграде... Навсегда. Когда ты вернешься в свою дикую часть, откуда попал в Чернобыль, то напиши в управе рапорт на перевод в мой полк. Я думаю, что твой Брагин не будет против.

– Он-то точно будет не против... Но есть у него жена, и я ее люблю.

– Какая это глупость... Егор, она для тебя никто. К тому же уже не пишет целый месяц.

– Когда я вернусь обратно, мы будем вместе.

– Ты – мечтатель... К новому году мои солдаты в Ленинграде построят пятиэтажку... Я дам тебе квартиру. Ты будешь служить рядом со мною и учиться на инженера в военном училище. Кто ты сейчас? Задумайся. Ты – никто. Ты – только прапорщик. Ты – быдло советских войск, презираемое всюду. Тебя уволят с позором сразу же после первой пьянки.

– Я, как будто, не пью.

– Другую причину тоже легко найдут. Я видел многих специалистов, Егор. Но они – это не ты. Ты – трудоголик. Я знаю тебя в работе, и я тебя ценю.

– Мне надобно время, чтобы подумать.

– Если ты захочешь жениться, то ты женишься. Ты – видный хлопец. Хотя бы вот на этой девчонке, что отмывает твои кисточки в столовой. На Иринке. Она же с тебя не сводит глаз.

Егор смутился.

– Подумай, Жорка... А мы с Анютой поехали в Репки, – попрощался Горяка.

В открытое окошко автомобиля девочка долго махала Егору мишкиной лапой.

После обеда был тихий час. Иринка не спала. Она заглянула в столовую. Егор уже рисовал.

– Ты скоро уедешь? – спросила девица.

– Так точно, Ира...

– Куда?

– На основное место службы.

– А где оно находится?

– В Белорецке... Это – Башкирия.

– Город?

– Есть такой город... Но наша воинская часть – в горах и от него очень далеко. Чтобы к

нам попасть, надо проехать четыре запретные зоны, петляя по серпантинам Уральских гор. Это намного дальше, чем отсюда в Припять или Репки.

– Дай мне почтовый адрес.

Егор достал из кармана письмо Надежды.

– Вот здесь моя почта.

Иринка списала номер воинской части и спросила:

– А кто такая Надежда Ивановна Брагина?

– Это – наша бухгалтерша, – ответил Егор.

Вечером девица принесла ему маленькую картинку. Простой календарик. Белый лебедь плыл в летней воде.

– Возьми на память.

Егор оторвался от стенной газеты и долго глядел на этого лебедя, на голубое небо над ним, на ватные облака, на их отражение в водоеме; и ему захотелось всё это нарисовать стремительно и воздушно. Художник решил, что сделает это, едва касаясь бумаги кистью. Он набросал карандашом силуэт плывущей птицы и границу воды и неба. Развел голубую краску. Сам лебедь и облака остались нетронутыми кистью. У птицы чернели только тени поджатых крыльев и глаза. Алел маленький нос.

– Как было мало мне надо, чтобы нарисовать эту картинку, – улыбнулся художник. – Иринка, он – твой...

Девушка схватила готовый рисунок и быстро умчалась в свою палату, как будто лебедь мог подняться в небо с листа и не вернуться после полета.

Назавтра они простились.

ЛЕВАК

– Даст ли тебе Брагин заслуженный отпуск или нет, я про это не знаю, а пока поезжай, Егор Петрович, на свою родину и проведай родителей. Да успокой их немного, – решил полковник Горяка. – Пускай они воочию увидят, что ты – живой. Мамка твоя волнуется. Звонила к нам в штаб премного раз... Я отмечаю твою командировку задним числом. В своей войсковой части ты раньше, чем через месяц, не появляйся.

Более года прапорщик Егор Лазавик не виделся с родными. После выхода на пенсию в пятьдесят пять лет они трудились. Мамка оставила свое прежнее важное место заведующей детским садиком другой женщине и теперь суетилась в профилактории, где лечились болезненные подростки из профессионального колледжа: в неделю раз она меняла им постельное белье и выполняла хозяйственные работы на этажах. Будучи инвалидом, работала полдня. Потом, спотыкаясь, ходила по магазинам, где подолгу стояла в очередях за продуктами и иными вещами, необходимыми в домашнем быту. Ноги у женщины болели от диабета.

Мировые цены на нефть упали в три раза. Доходы от ее продажи были малы. Стране не хватало зерна. Его докупали за рубежом. Тяжелыми оставались советско-китайские отношения. Шла афганская война. К тому же большой ущерб нанесла авария на Чернобыльской атомной станции. Народ обеднел.

Отец остался прорабом. Он достраивал птицефабрику. К сдаче в эксплуатацию его объект был уже почти готовый, когда случился пренеприятный инцидент. Пётр Степанович Лазавик был заподозрен в краже материалов. Собственной властью прораб внес в проект производства работ важную поправку. В длинном здании фабрики он оставил дополнительные оконные проемы для улучшения естественной вентиляции помещений, зная, что вскоре в курятниках появится едкий запах помета. Это было не новое решение. Годами раньше Пётр Степанович поставил такой же птичник в соседнем районе области. В те времена возникшие санитарные вопросы были озвучены, изучены и решены. Применивши сегодня на новом месте нажитый опыт, прораб получил большую экономию кирпичей. Вентиляция на фабрике стала лучше.

В стране «ликовал» социализм. Только принципы равенства и братства отходили на задний план, когда дело касалось личного имущества. Всякому мещанину хотелось лучшей жизни сегодня, а не потом. Чтобы достать для себя халявные материалы, мелкие люди давали посильные взятки людям более важным подарками либо водкой. Свои «живые» деньжата они откладывали в «чулок» для покупки автомобилей. Это являлось целью их жизни. Хваткие горожане к ней стремились, задравши носы от гордости перед остальными ничтожными людишками, не имевшими накоплений.

– Пётр Степанович.

– Что?

Прораб оторвал глаза от бумажек.

Бригадир монтажников Глеб Ваструхин начал беседу.

– Я – председатель гаражного кооператива. Недавно мы посовещались и к тридцати своим гаражам пристроили

тридцать первый. Он будет вашим. Размером этот гараж поменьше нашенских, зато бесплатный. Только отдайте нам, Пётр Степанович, сэкономленный вами красный кирпич для погребов. Сами стены гаражей мы выложим силикатным.

От взятки прораб отказался, но материалами помог. Тридцать первое лишнее место уже за деньги досталось другому застройщику. Тот посчитал, что его обидели площадью и нашептал про это в милицию. Уголовное дело не состоялось. Но слухи о леваке размножились, и после проверок и протоколов за внеплановый гараж оштрафовали главного городского архитектора, утвердившего документы.

Не желая быть одураченным, как упомянутый архитектор, во время государственной приемки в эксплуатацию птицефабрики будущий ее директор показал на лишние окна и потребовал их заложить кирпичами. Публично, амбициозно он заявил, что строители нарушили планы чертежей. Другие члены комиссии, принимавшие объект, с такой указкой согласились и приказали прорабу устранить недочеты за две недели.

Егор спросил у отца:

– Что будешь делать?

– Исправлю, – мирно ответил Пётр Степанович сыну.

– А где ты найдешь кирпичи? Отберешь их у застройщиков гаражей?

– Нет, – заверил строитель, – я их не отберу... Я же отдал их от чистого сердца. В целом мы вместе – хороший советский народ... Ты понимаешь это, Егор? Кирпичи для заделки обозначенных окон я привезу с другого объекта.

– Но когда их нехватка на новом месте всплывет, то проблемы возникнут снова.

– Я буду умнее... Во время выполнения кирпичной кладки, сынок, за счет утолщения постельных швов получается перерасход раствора, он был, есть и будет впредь, но при этом появляется экономия кирпичей. Я выйду из положения. Ты расскажи про Чернобыль.

– Повторного взрыва не будет.

Этой осенью люди достроили саркофаг. Их было много, тех строителей, что отдали свое здоровье, спасая мир от атомного взрыва. Над куполом невероятно трудоемкой конструкции в знак победы водрузили советский флаг, и в последний день ноября завершился первый, самый напряженный этап ликвидации последствий аварии на атомной станции. По телеку Егор Лазавик увидел торжественный митинг, посвященный сдаче объекта «Укрытие». Среди стоявших поодаль от трибуны людей он узнал «партизан», с которыми вместе ограждал запретную зону от мародеров и строил около пристани бетоносмесительные заводы по итальянским чертежам. На заключительном празднике рядом с полковником Горякой стояла Анечка в длинной красной болоньевой куртке не по размеру. У нее на голове алел капюшон, ножки были обуты в синие резиновые сапожки. В одной руке девчонка держала воздушные шарики, а в другой у нее был плюшевый мишка в серебряном костюме. К ней подошел киношник и спросил:

– Девочка, кто ты?

Анечка растерялась и спряталась за полковника, но тот повернулся к ней, взял ее на руки и ответил бойкому репортеру:

– Это – Анечка. Дочь нашего полка.

– Скажи мне, пожалуйста, Анечка, почему твой мишка одет в алюминиевую рубашку?

Полгода назад Анечка глядела киношку, где позабытый в Припяти ее улыбчивый мишка сидел нараспашку в детской песочнице. Диктор тогда соврал, что хозяйка, спасаясь, от страха бросила игрушку одну, и рассказал, как правильно одеваться после атомного взрыва. Сегодня девочка сообщила ему в глаза:

– Это защитная одежда, сшитая нами понарошку из шоколадной фольги.

И похвасталась:

– А дядя Жора перед самым своим отъездом в Башкирию сделал для нашего мишки настоящую свинцовую берлогу.

– Он же замерзнет, – решил всезнающий репортер.

– Не-а... Мы про это тоже подумали, – уверенно ответила Анечка. – На стены новой берлоги изнутри мы с дядей Жорой наклеили пенопласт. Зимою наш мишка не пропадет.

Напоследок она спросила корреспондента:

– А дядя Жора меня увидит?

– Конечно, – ответил киношник. – Тебя увидит весь мир.

На этом праздничный фильм завершился.

Егор рассказал родным, как эта девчонка, еще дошкольницей, летом дважды приезжала в запретную зону за любимой игрушкой, не пугаясь одичавших собак.

– Повсюду успела, – сказал Егор. – Приходила в больницу,

где я лечился от язвы. Мы рисовали картинки нашего быта.

– Пора жениться, – вздохнула мама. – Невесту ты для себя нашел?

Егор не забывал про Надежду ни дня, но была ли она его невестой – жена комбата и безумная любовница многих офицеров?

Мамке он пообещал:

– Найду.

Через несколько дней, прощаясь с сыном, отец улыбнулся и досказал ему конец истории с птицефабрикой. На новый объект в его бытовку приехал «куриный» директор и упал на колени, как на молитву.

– Пётр Степанович, прораб, прости...

И непечатно себя ругал.

– Я был неправым, Пётр Степанович. Я – подлый сопляк, а ты – великий мастер. Я оплачу твою работу по-царски. Ты только сделай так, как было раньше. Расширь окошки. Мы уже задыхаемся от вони.

– А ты? – спросил Егор у отца. – Ты на это решился? Не плюнул ему в лицо? Не выгнал вон?

– Не плюнул... Мы с людьми, не торгуясь, сделали так, как было раньше... За это директор птицефабрики всунул мне в руки какие-то деньги, кажется, даже много, но я отдал их все, не считая, своим рабочим за лишний труд.

В день отъезда случился буран. Автобус, на котором Егор поехал в часть, исчез из виду его родных через минуту. В пути молодой прапорщик задумался о том, как спустя полгода встретят его комбат и любимая женщина – супруга этого человека.

«Что будет, то будет», – мудро сказал себе под нос Лазавик и уснул в салоне при посвисте первой вьюги. Прошла третья зима его воинской службы по контракту...

ИРИШКА – СЛАБЫЙ СТЕБЕЛЕК

«Всё, что ты любишь, когда-нибудь потеряется, но в конце концов любовь вернется другим образом».
Франц Кафка

Уже после отъезда Егора, летом, Надежда Ивановна Брагина, его недавняя любовница, обнаружила, что беременна. Этого было не утаить. Ущемленный изменами, ее сердитый муж стал ежедневно скандалить, и женщина возненавидела тайное армейское захолустье, упрятанное в горах. Она захотела уехать оттуда навсегда вместе с сыном к своим родным в открытый для сердца милый город Оренбург. Но Кирилл, ему уже исполнилось одиннадцать лет, на это не согласился. Подражая папаше, мальчишка с наслажденьем издевался над мамкой. Однажды он ударил ее ногою в живот и убил внутриутробное существо. Опасаясь пересудов, тираны угомонились. В семье воцарился угрюмый мир. Каинизация, совершенная сыном, осталась без осуждения. Майор, как и прежде, появлялся повсюду в медалях за образцовую службу. Вне школы вместе с ним вертелся Кирилл, одетый в детскую военную форму. На кителе у мальчишки висели значки отличий за победы в пионерских зарницах. Как и раньше отрок общался в курилках со всеми офицерами батальона – «рос мужиком». Уцелевшая в горе грешница, им нелюбимая мамка, носила черное платье, понимая, что навсегда осталась бесплодной. Надежда Ивановна перестала писать своему любовнику письма в Киев и в душе уже пожелала ему найти другую подругу, способную к рождению ребенка. Такая деформация женской любви была лишена эгоизма. Из плотской она неожиданно стала осознанной: ни холодной, ни жаркой – смиренно теплой.

По возвращению из Чернобыля в родной батальон Егору предложили прежнюю должность взводного командира. Брагин аккуратно ему поведал:

– За шашни с Надеждой я тебя не осуждаю. Но будь попроще, товарищ прапорщик. Ты на сегодня как будто герой, вернувшийся из боя, мне трогать тебя опасно, однако службы тебе не миновать. Как и прежде твои наряды – столовая, баня, патрули и автопарк. Веди документацию, занимайся с личным составом. Строй горную фабрику, валите в округе лес и готовьтесь к атомному удару американцев.

Егор поселился в ту же каморку, где тайно ютился вместе Надеждой до своего отъезда в командировку. Без женских рук его комната запылилась, казалась тесной. Повсюду валялись разбросанные вещи. Пропал утюг. Лазавик появлялся на службе в помятой одежде. Его неряшливый вид, как индикатор, подсказывал комбату, что прапорщик – одинокий человек. Черная, словно монахиня, Надежда при встречах с бывшим любовником отворачивала глаза и молчала. Про убитого в ее утробе ребенка никто Егору не рассказал.

Над миром кружился щекотливый снег. Новобранцы чистили фанерными лопатами крыши, подметали чилижными вениками плац и дорожки

между казармами. Готовились к Новому году. Скучно тянулось время.

В субботу, возвращаясь из воинской части в свою ночлежку, в освещенном окне Егор увидел Надежду. В каморке было развешано его постиранное белье. Гостья нашла утюг и, склонившись над столом, гладила старенькую рубашку.

Соседи по этажу разъехались. Поспешая на выходные, они впопыхах никогда не думали о возможном пожаре. После всякого их убытия на хозяйстве прапорщик оставался один. Вчера он прошелся по общежитию и обесточил все лишние обогревательные приборы – спирали и плитки.

На кухне скворчало. В коридоре пахло жареным мясом и стиральным порошком. Удивленный приходом Надежды, Лазавик не сразу сообразил, что кроме их двоих, в коммуналке находится кто-то еще. Егор поздоровался с Надеждой, прикоснулся к ее руке.

– Мне сказали, что ты меня уже не любишь.

– Слишком интимно тебе сказали... А кто сказал?

– Твой муж.

– Уже успел?

– Я по приезду к нему явился для доклада.

– Да-а, я вернулась к честной семейной жизни, Егор. Но ты для меня по-прежнему любимый мальчишка.

– Знаешь, Надюша, пожалуй, тебе к лицу это новое черное платье. Можно, я тебя обниму?

– Не нужно... Я завтра переоденусь в белое платье.

Надежда осторожно отвела его руки от себя.

– Ты посмотри, – показала она на стену.

Егор обернулся. В застекленной рамке у самой двери висел его рисунок. Это был белый воздушный лебедь.

– Откуда он?

– Оттуда... Из твоего недавнего прошлого. Из города Нежина.

Его осенило. Прапорщик стремительно вышел в коридор и заглянул в кухню. Около горячей плиты возилась Иринка. Надежда подтолкнула молодого мужчину к ней и отошла.

– Как ты сюда попала? – спросил Егор у Ирины.

– Я послала тебе письмо, но ты не ответил. Тогда я написала Надежде Ивановне – вашей бухгалтерше. Она сообщила мне, что ты еще в Чернобыле. Я не поверила и помчалась к Анечке в Репки. С нею мы скоро нашли Горяку, и полковник сообщил, что ты по его приказу тайно поехал на отдых к своим родным.

В другом письме Иринка призналась Надежде в том, что любит Егора и не может жить без него ни дня да боится того, что сердце любимого человека принадлежит кому-то ещё. «Это, наверное, вы?» – спросила девчонка. Уставшая от молчаливого горя, Надежда отдалась бумаге. В ответном послании она рассказала Иришке о том, что с нею произошло. «Я тебе не соперница. Егору нужна настоящая жена и дети. Приезжай».

Не задумываясь, комбат оформил Иришке пропуск на въезд в самую секретную зону страны. В устойчивой тектонической структуре планеты шахтеры и солдаты выбивали город для выживания во время атомной войны. На большой глубине находилось пресное озеро, недоступное радиации из внешнего мира. Подземка была рассчитана на триста тысяч человек. Правительство готовило себе продление жизни. Всё остальное население планеты уже обрекли на раннюю и мучительную смерть от разрушений и ожогов.

Когда они остались с Иринкой вдвоем, девушка до него легонько дотронулась и спросила:

– Ты же меня не прогонишь, Егор?

– Я не смогу этого сделать.

– Где мы уляжемся?

– В любой из комнат, Ирина Андреевна. Все наши важные соседи уехали по домам. Хочешь, я прямо сюда доставлю кровать из секции их прораба, но тогда добраться до нашей двери по этой комнате станет трудно. Мы будем спотыкаться о всякое барахло. В понедельник у коменданта я попрошу дополнительную жилплощадь, потом мы с тобою распишемся как муж и жена...

– Ты уже предлагаешь мне руку и сердце? Так скоро...

– А ты проехала половину страны за просто так?

– Я помчалась за тобою вслед, как декабристка за мужем.

– Но ты же еще девица? – улыбнулся Егор.

– Это пока.

– Твой папка про это знает?

– Не знает, но мы ему обязательно сообщим по телефону о нашей свадьбе.

Ночью в подполье застрекотал одинокий сверчок. Иринка проснулась:

– Какой он вредный. Надо его заткнуть.

Егор ответил:

– Он ищет свою подругу.

– Но ты-то откуда про это знаешь?

– Раньше они перезванивались иначе, вместе. В такие

минуты у меня всегда возникала иллюзия вечного семейного счастья. В нашей комнате было много тараканов, и както Надежда принесла с собою китайскую отраву. Одни тараканы сразу подохли. Мы их выносили отсюда ведрами. Я думаю, что подружка этого сверчка погибла вместе с ними. Другие вредные насекомые ушли восвояси и не вернулись. Какое-то время в нашей общаге никто не стрекотал. Этот сверчок после потравы выжил и вернулся, но остался один. С тех пор его песни стали звонче. Не надо, Иринка, затыкать ему горло, как неугодному поэту, или убивать, как таракана. Может быть, в его жизни случится второе счастье?

Рассказывая про сверчка, Егор неосторожно упомянул Надежду. После его тирады Иринка испугано спросила:

– Она жила в твоей каморке?

Лазавик промолчал.

– Значит, убитый в ее животе ребенок – твой сын или дочка?

Егор не понял вопроса, заданного Ириной.

– Ты о чем?

– Разве не знаешь, что Надежда была недавно беременной?

– Впервые слышу.

– Вот ее последнее письмо ко мне, ты его прочитай.

Включили лампу. При свете сверчок умолк. Его призывы о помощи на сегодня оказались напрасными. Егор изучил предложенное письмо. Он попытался возненавидеть Кирилла, но не сумел разозлиться, только поклялся себе в душе никогда не трогать Иринку, какой бы она не была упрямой и взбалмошной в будущей жизни. Девчонка дрожала вместе с ним.

Их свадьба была нелепой. Ее сыграли через неделю в центральном армейском клубе дивизиона. Он находился при главном штабе в поселке, расположенном неподалеку от железной дороги, ведущей из Белорецка в Москву и далее – в Украину, в Нежин. Оттуда приехали важный отец Иринки – директор механического завода и ее беспокойная матушка – домохозяйка. Еще недавно искавшие дочку по всей стране, сегодня они подарили молодоженам богатую мебель. Она была доставлена в тот же день в багажном вагоне, разгружена и перенаправлена к месту свадьбы. Причудливо резные шкафы, гнутые венские стулья, столы, диваны и тумбочки расставили в актовом зале, где они впоследствии остались навсегда. Жилплощадь у молодоженов была слишком мала, чтобы вместить такое богатство.

От Егора на свадьбу приехал только отец. У мамки отекали больные ноги. Она лежала в больнице. Иных гостей собралось немного. На празднике появились два случайных знакомых прапорщика из соседнего отряда, покинувшие в этот день гарнизонную гауптвахту. Пришел старый врач, лечивший Надежду после ее беды, да несколько местных забулдыг, незвано подошедших из магазина, – там не осталось к обеду водки. Надежда и две ее подружки из бухгалтерии возились на кухне.

На улицах чадили мусорные свалки. Над теплотрассой, рассекавшей поселок напополам, клубился едкий пар. Мокрые и грязные солдаты-строители жимковали горячие трубы. Их командиры громко ругались.

– Опомнись, пока не поздно, доченька, вернись домой, забудь Егора, – наперебой умоляли Иринку ее родные.

– Как ты смогла уехать из нашего чистого городишки в эту грязную российскую глушь, в матершинщину? – убивался отец.

– Ты променяла теплую ванну в Нежине на ржавые деревенские тазики с холодной водой, – твердила мамка. – Дома я тебе помогла бы стирать пеленки и белье. К чему тебе этот парень? Он – облученный, никчемный, без служебного роста.

– Пускай, – отвечала дочка.

– У вас родится нездоровый ребенок. Это будет многорукий и многоногий мутант с двумя головами.

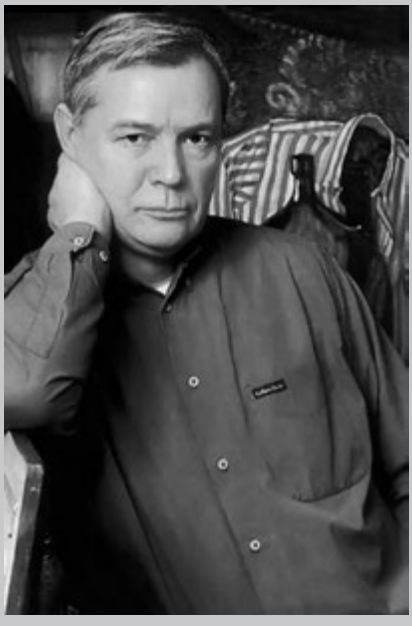
– Мама, мы станем его любить.

– И не поспоришь, – рассердился отец Ирины. – В кого же ты такая упрямая и злая?

– В тебя, – сказала девица.

Во время гулянки пьяные забулдыги и бывшие арестанты прапора подрались. Их выдворяли из клуба под лай поселковых собак. Он доносился из каждого двора, и сельчане, ничего не знавшие про женитьбу, испугано выглядывали из-за заборов – искали причину лая...

Иринка держалась молодцом. Но едва ее родные сели в поезд, уезжавший в Украину, она расплакалась, догадавшись, что с этой самой минуты, как рассада, пустила корни в чужую неудобренную почву. Сумеет ли она слабенькая, как вырытый и вновь посаженный стебелек, прижиться в этой скупой, холодной землице вдали от богатой оранжереи, где прошло ее детство?

Лев ПРЫГУНОВ

Народный артист России. Художник, поэт, прозаик. Родился в 1939 г. в Алма-Ате (Казахстан), закончил Ленинградский театральный институт, снялся более чем в 100 фильмах, среди которых особую популярность приобрели «Дети Дон Кихота», «Сердце Бонивура», «Трактир на Пятницкой», «Без права на ошибку», «Опасные друзья», «Они шли на Восток». Дружил с Иосифом Бродским, Сергеем Чудаковым, Михаилом Ереминым, Евгением Рейном, Олегом Григорьевым, Владимиром Уфляндом и др. Были изданы сборники стихов, автобиографический роман «Чудеса», «Азиатское детство Ивана Ташкентского», «Сергей Чудаков и др.» Публиковался в журнале «Звезда». В 2021 году получил Царскосельскую художественную премию за легендарный путь в кино и выставки живописи разных лет. В 2022 г. Лев Прыгунов стал обладателем литературной премии им А.И.Бунина за автобиографический роман «Чудеса».

ТЁЩА

Мы с ней возненавидели друг друга мгновенно, с первого взгляда. В первые же секунды нашего знакомства каждый из нас понял, что принять наименьшую частицу бытия другого значило бы отказаться от всей своей собственной жизни. Наше существование вместе зачеркивало каждого из нас – оно было абсолютно противоположно, как день и ночь, и так же классически тождественно по силе ненависти и неприязни. Очень скоро мы нащупали самые болезненные и уязвимые точки друг друга, и наши стычки превратились в короткие, жестокие, злорадные и кровавые схватки. Мы били без промаха по этим открытым ранам и наслаждались конвульсиями и судорогами противника. Звали ее Глафира – так ее отец (еврей-выкрест Гриша Шац) с маху поставил ей в паспорте самую что ни на есть русскую печать. Лицом и фигурой она походила на Бабу-ягу и Брежнева одновременно: в руках у нее всегда была кривая, но богато инкрустированная клюка, а на кофте или пиджаке три ряда орденов, с которыми она почти никогда не расставалась, что особенно подчеркивало ее сходство с генсеком. Бурную комсомольскую молодость Глафира начала на Дальнем Востоке и вместе с комсомольской, чекистской, а потом и партийной карьерой постепенно пробиралась к Москве: Хабаровск, Иркутск, Омск, Свердловск, Горький и, наконец, Москва. Комсомольские фотографии ее страшноваты – на каждой из них с двадцатых до сороковых и пятидесятых годов выражение лица совершенно одинаковое: маленькие равнодушные глазки и фанатично сжатые узкие губы; из еврейского – только высокий таз и тонкие ноги, и еще светлые на черно-белых фотографиях волосы, явно рыжие; лицо в рытвинах оспы и конопушках, как у Сталина. Она была злая, хитрая и коварная. Но и нагло-откровенная: с гордостью хвасталась, что всегда кого-то расстреливала и «громила» – эсеров, троцкистов, правых, левых и остальную «контру», и каждый наш «спор» в первый месяц моей жизни в квартире жены заканчивался самым ее искренним сожалением: «Эх, попался бы ты мне в тридцать седьмом!»

Она умела злить – когда я, дрожа от гнева и недоумевая, как мои слова не доходят до ее сознания, называл ей цифры расстрелянных и замученных чекистами, она, зная, как я буду беситься, всегда говорила с ехидной и хищной улыбкой: «Мало, мало еще! Надо было больше, тогда бы и таких, как ты, не было!» И, когда я почти вопил: «Да как же вы можете так говорить?! Ведь вашего любимого мужа чудом не расстреляли и в конце концов сгноили!», она спокойно и равнодушно отвечала: «Лес рубят, щепки летят!» Но «щепочка» в этом случае, между прочим, была с бревно: ее муж был очень большим начальником важнейшей военно-стратегической отрасли.

Наши с ней отношения развивались как-то параллельно моей семье: жена моя, все понимающая женщина, старалась как могла оберегать меня от этих схваток, которые всегда заканчивались моим поражением.

Глафира была железной, ортодоксальной коммунисткой совершенно определенного плана: все ее счастье состояло в принадлежности к банде, к этой особой касте. Ей было наплевать на лозунги-идеалы – на «светлое будущее», «справедливость», «мир во всем мире», «социализм» и т. д. и т. п. Она приходила в экстаз от формы любого партийного ритуала – от собраний коммунистов-пенсионеров ЖЭКа до оплаты членских взносов. Както подруга жены, вернувшись из поездки по глухой провинции, с ужасом воскликнула: «Если бы вы знали, Глафира Григорьевна, в какой ужасной нищете живет советский народ!» И Глафира, затянувшись папиросой, равнодушно и как-то даже весело ответила: «Ну и х.. с ним!»

Она уже давно была безнадежно больна, и врачи откровенно недоумевали, как она до сих пор живет: вместо сердца, говорили они, у нее какая-то тряпочка! Цвет лица у нее был сероземлисто-зеленый, она днями не могла встать с постели, но, стоило ей отлежаться и почувствовать себя хоть чуточку лучше, она вставала, опираясь на свою клюку, и принималась остервенело все чистить и вытирать. Наведение порядка было для нее чем-то вроде целительной йоги: упорядоченный внешний хаос, возможно, каким-то образом упорядочивал и ее неизбежный внутренний. Думаю, где-то в глубине души она осознавала, что натворила за свою жизнь немало кровавых дел.

Ее старшая дочь была замужем за венгерским чиновником, когда-то учившимся в Москве, и Глафира была «челноком», соединяющим звеном по купле-продаже шмоток и драгоценностей. Она и спекулировала как-то рьяно, получая тысячные проценты, торгуясь и безбожно обманывая, а когда выезжала по приглашению в Венгрию, всегда провозила с собой десятки тысяч рублей, советские бриллианты, пользующиеся большим спросом, и коробки кубинских сигар, стоившие у нас тогда копейки. И однажды, совершенно не стесняясь, похвалилась своей дочери, как она это делает: «А я сажусь на сверток, выставляю вперед палку, а грудь-то у меня вся в орденах! Пограничники входят, а я им говорю: «Здравствуйте, наши защитники!» А они мне хором: «Ну, бабуся, мы вас проверять не будем – вон у вас орденов-то!»

В то время я часто ездил по работе в ГДР, Венгрию и Польшу, и поначалу она снисходительно и даже с одобрением посматривала на подарки, которые я привозил жене и ребенку. Но вскоре наши отношения зашли настолько далеко, что мы не могли даже видеть друг друга. Жена металась между мной и ею, заступаясь то за нее, то за меня, и в конце концов наша война закончилась негласным соглашением, по которому ни она, ни я не говорили друг другу ни слова и жили как бы друг друга не видя. И тут мы оба наконец вздохнули! И она, и я оказались железными: больше двух лет буквально протискивались, чуть не задевая друг друга в тесной кухоньке и узком коридоре, как будто каждый из нас был неодушевленным предметом. И все бы так могло продолжаться годами, если бы у меня не появился шанс поехать на три месяца в Англию. Тут с Глафирой что-то произошло: с одной стороны, она понимала, что для благополучия семьи такая поездка – большое везение и счастье, но с другой – все ее нутро «кричало» и возмущалось тем, что такое ничтожество, как я, такая «контра», «враг народа» поедет представлять нашу страну к «проклятым капиталистам», к которым она, однако, относилась с тайным и рабским трепетом. Мучилась она недолго, все-таки ее натура (Глафира с сороковых годов до самой персональной пенсии проработала начальником отдела кадров на крупнейшем московском заводе) взяла свое: она написала на меня анонимный донос, но настолько подробный, что не только весь мой особый отдел, но даже Лубянские ребята мгновенно поняли, что он был написан моей тещей! Скандал в доме был бурный и кончился очередным Глафириным инфарктом. Никакой жалости к этой твари я, естественно, не испытывал, но, несмотря на то что все (и на Лубянке, и в моем Особом отделе) разобрались в природе и сущности доноса, меня на всякий случай перестали выпускать даже в Монголию и Северную Корею. Она пролежала в больнице для большевиков два месяца и, вернувшись домой, при мне уже старалась не выходить из своей комнаты. Я слеп от ярости и желания отомстить этому животному, которое, как назло, оказалось невероятно живучим. Как-то, уже после истории с доносом и инфарктом, в разговоре с той же самой подругой жены (подруга, как бы невзначай, стала рассуждать о смерти) Глафира злорадно проскрипела: «Ничего, я вас всех переживу!» И вот тогда-то, после этих ее слов, я поклялся себе, что я ее убью! Какие только варианты я не перебирал во время бессонных ночей! Естественно, я искал такой способ, который был бы абсолютно недоказуем, совершенно не имел следов и никаким образом не мог бы бросить на меня и малейшей тени! Самым простым способом, думал я, было бы отравление. Но как и где найти яд, не оставляющий следов? Или действующий, например, не сразу? (Можно было бы придумать длительную командировку и отсиживаться где-нибудь в Самарканде, а еще лучше в Сочи и ждать там «печальную и трагическую новость»!) Судьба тут же устроила мне встречу с опытным криминалистом за праздничным столом в кафе «Националь», и как бы невзначай я спросил криминалиста, есть ли в природе яд, который не смогла бы определить советская криминалистика. «Что, хочешь тещу отравить?» –

пошутил он, и весь стол дружно захохотал. Я тоже как мог засмеялся, тут же навсегда отбросив вариант с отравлением: шуткашуткой, а свидетелей человек десять. Криминалист, правда, назвал мне пару слабо выявляемых в основном пищевых ядов и добавил, что только китайцы знают, как без всяких следов отравить любого человека, и я пожалел тогда, что не знаю ни одного китайца. Явное физическое убийство – топором, лопатой, тупым предметом или, к примеру, цветочным горшком – я также сразу отвергал, насладившись лишь воображаемой картинкой, яркой и цветной. Этого мне было достаточно, и на некоторое время я даже переставал ненавидеть Глафиру.

И вот однажды моя жена уезжает на кратковременное лечение и оставляет меня одного с сыном и своей больной матерью. Года за два до этого, перед самым рождением сына, я привез ей в подарок из Германии невероятно дорогой мейсеновский подсвечник: ствол дерева в цветах, обвитый плющом, который обнимает то ли ангел, то ли обнаженный юноша, а сверху шесть фарфоровых веток с подсвечниками, тоже украшенные цветами и листочками. Чтобы его купить, мне пришлось в Берлине влезать в долги, и моя жена знала, как мне дорог этот подсвечник. Она сама была к нему привязана и перед отъездом на всякий случай поставила его в комнату Глафиры на тяжелый шкаф – мало ли что может случиться в тесной спальне! И вот тут меня осенило! Надо пожертвовать этим сказочным подсвечником! Спокойно войти в Глафирину комнату, на ее глазах встать на табуретку, взять этот подсвечник, грохнуть его об пол, и спокойно сказать: «Глафира Григорьевна, как же вы так неосторожно разбили такой дорогой и любимый подсвечник вашей дочки?!» И выйти. Во-первых, это была бы самая лучшая и точная месть за донос – моя жена никогда бы не поверила тещиным словам, будто я это сделал! Во-вторых, от невозможности доказать правду Глафира захлебнулась бы ненавистью и искреннейшим чувством такой несправедливости, очень похожей, кстати, на провокации чекистов и коммунистов – вот вам, Глафира Григорьевна и бумеранг! И конечно же, у нее наконец случился бы последний инфаркт!

Но... жизнь, как известно, штука непредсказуемая. Дня через четыре после отъезда жены, поздним утром, когда я собирался выйти из квартиры, в комнате Глафиры раздались странный глухой стук и звон разбитой посуды. Я понял, что с тещей что-то случилось, и, подойдя к ее комнате, попробовал потихонечку открыть дверь. Та не поддавалась. Тогда я приналег и буквально ввалился к ней в комнату. Глафира лежала на полу в розовой ночной рубашке – страшная, жалкая, неподвижная, с серо-зеленым лицом и вся в собственных испражнениях. Мы встретились глазами, и я увидел, что она приготовилась умирать, – решила, что я ее сейчас убью. Она не могла пальцем пошевелить и только что-то мычала. Я бросился к телефону и быстро вызвал скорую. Я не знаю, что со мной произошло. Казалось бы – вот оно, свершилось! Выйди из квартиры, закрой дверь на ключ и гуляй себе до вечера! Но самое удивительное было в том, что я абсолютно забыл, что я ее ненавижу, что она мне смертельный враг, что она разрушила мою жизнь и что я был готов на все, только бы рассчитаться с этой гадиной! Я бросился в ванную, набрал в таз теплой воды и стал ее обмывать – я бегал в ванную за водой и обратно и, когда я ее мыл, она продолжала что-то мычать и пыталась меня оттолкнуть от себя, а я ее уговаривал: «Глафира Григорьевна, сейчас приедет скорая, потерпите!» К моменту приезда скорой все было готово: я ее вытер, переодел в свежую рубашку, которую каким-то чудом нашел в шкафу. Никогда не забуду ее голое пухлое тело – дряблое, морщинистое, в рыжих и белых пятнах. Когда санитары грузили этот гигантский студень на носилки, я поднял голову и увидел на шкафу сияющий красотой мейсеновский подсвечник, и мне показалось, что мальчик или ангел, обнимавший дерево, мне улыбался. Ее увезли в больницу «старых большевиков» на шоссе Энтузиастов, и я ее больше никогда не видел. На следующий день вернулась в Москву жена, а я через неделю уехал на три месяца в Киргизию работать. Когда вернулся, тещу уже похоронили. А жена рассказала о двух последних героических месяцах ее жизни. Глафира лежала одна в большой палате, и за ней ухаживали две медсестры. Целую неделю она была без сознания, а когда пришла в себя, что-то тихо выдохнула. Над ней склонились медсестры и с трудом разобрали, что она говорила. «Правду...» – шептала она еле слышно. Медсестры стали ее успокаивать: «Ну что вы, Глафира Григорьевна, все будет хорошо! Вы будете жить!» «Газету „Правда“», – уже тверже прошептала Глафира. Через месяц она чувствовала себя лучше, но вставать с постели ей не разрешали. Как раз в это время в Кремле открывался какой-то внеочередной съезд нашей «славной и непобедимой...», и Глафира потребовала, чтобы ей принесли наушники, чтобы она была в курсе того, что происходит в Кремле. И, когда в день открытия съезда она услышала несвязную речь нашего генсека, она вдруг сорвала с себя наушники, встала с кровати, вышла – страшная, полуголая, растрепанная, безумная – в коридор и куда-то пошла! К ней бросились медсестры, но она их оттолкнула и прохрипела свои последние слова в этой жизни: «Леонид Ильич мне сказал: «Встань и иди!»

РАССКАЗЫ

Ирина ГОРНАЯ

Окончила специалитет и аспирантуру механико-математического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, работает младшим научным сотрудником и веб-разработчиком. Автор повестей, рассказов, миниатюр, поэм и стихов. Живет в Екатеринбурге.

ПОХОД ЗА СОЛЬЮ

Как-то раз в безусловно счастливом и полном любви государстве случилась катастрофа: в царских кладовых закончилась соль. И понимаете... На первый взгляд, жизнь ухудшилась не так сильно, но... У жителей появилось ощущение, смутно похожее на жажду, а всё, о чём они могли думать, – импортная солёная рыба.

И тут в дело вступили журналисты.

– Мы все умрем! – заорали они.

Действительно: натрий играет большую роль в возникновении нервных импульсов и поддерживает водный баланс организма, а благодаря хлору в желудке образуется соляная кислота. Соль в пище, на первый взгляд, – мелочь. Но людям она нужна позарез!

Бросили мужчины жребий, и каждый третий отправился в поход. Решили они напасть на приморскую страну: уж там-то бесценное вещество точно есть. Море ведь соленое.

Разгромили воины счастливого царства врага наголову. Взломали замок на кладовой – а там соли лишь горстка. Поворачиваются к пленным.

– Сейчас весь мир завозит соль с Мёртвого моря! – сетуют те.

И действительно, Мёртвое и Красное моря – одни из самых соленых водоемов на земном шаре. Соль там лежит горстями прямо на берегах.

Посчитал царь потери и понял, что еще одной войны он не выдержит. Воины возвращались домой понурыми. Возвратились и видят: лежит на дорогах городов соль горстями. И женщины на лавочках сидят, тоскуют – лишь слезы капают. Капают и испаряются. А соль остается.

БЕЗОТЧЕТНЫЙ КОНЦЕРТ

Пути творчества неисповедимы. Я утром строчу две тысячи символов для непонятной целевой аудитории, кто-то каждый день рисует по скетчу, есть те, кто поет в душе... Лишь бы всё это было нужно.

Однажды я шла по улице Вайнера в центре Екатеринбурга и увидела человека, который дал понять мне, что такое успех.

Перед ним стояла бутылка, под ней лежала ржавая железка от компьютерного блока. Чуть поодаль находилась пустая банка из-под консервов. Музыкант бил по всем этим предметам с ловкостью барабанщика. Бутылка звенела, банка трещала, железка плясала. Мои нервы против воли возбудились: мелодия шла, как казалось, из ниоткуда. Этот человек был похож на сумасшедшего, но нельзя было не восхищаться его чувственной музыкой.

Вокруг столпились люди. Они обсуждали, смеялись, тыкали пальцами. А безбашенный музыкант играл без остановки. Его не волновало мнение окружающих.

Так я попала на безотчетный концерт, показавший мне, что даже груду мусора можно превратить в представление, которое разбавит серый день

прохожих радужной каплей искусства.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Вначале было слово, и слово было «слышь».

Два девятиклассника сидели в переполненной столовой. Повар приготовил на обед сладкую запеканку. Такую сладкую, будто пытался скрыть вкус тухлых яиц.

Стоял мороз. Столовая находилась в дворике под стеклянной крышей, и зимой пальцы школьников во время еды коченели. С наступлением холодов все учащиеся понимали, что после третьего урока начнется испытание на прочность, и укутывались в кофты и толстовки, чтоб сохранить тепло.

– Слышь! – крикнул Вася, повернувшись к Пете.

– М? – откликнулся тот.

– У тебя нитка торчит.

– И чё?

Вася подцепил конец нити ногтями и с шаловливой улыбочкой потянул на себя. На свитере мгновенно образовалась дырка.

– Охренел! – рявкнул Петя. – Он же вязаный!

Действительно, на рисунке оленей линии шли «лесенкой». Свитер связала бабушка Пети, которая недавно вышла на пенсию. К счастью, сидящая рядом Люба взяла на урок труда ножницы, и весь день ходить с торчащей ниткой не пришлось.

Тут встрял Данил, их обычно замкнутый и нелюдимый одноклассник.

– Не выбрасывай нитку, – сказал он.

– А что с ней делать?! – рассердился Петя.

Даня злил его. Он вообще всех злил.

– Мне отдай!

Ученики переглянулись.

– Тебе зачем? Вязать будешь?

Во взгляде Дани засквозило высокомерие.

– А хоть бы и так.

***

Прошло два года. Ребята готовились к ЕГЭ: времени до поступления в вуз оставалось мало. Одиннадцатый класс – сложное испытание, которое не все выдерживают.

Урок математики в этот раз оказался труднее, чем раньше. Ирина Викторовна, классная руководительница 11 «а», подопечных не щадила. Подростки проходили интегралы, которые пригодятся на первом курсе. Но понять тему никто не мог. В конце концов прозвенел звонок, и пришло время остудить кипящие мозги, размять затекшие спины.

Обычно Даню никто не замечал, а тут вдруг вокруг него сгрудилось несколько человек. Петя, проходя мимо, уставился на что-то и загоготал.

– В каком бомжатнике ты откопал это? – спросил он.

Адресат этих слов вжал голову в плечи. Ученики всё подтягивались к парте.

– А Даня – экстремист, – громко сказала королева класса.

Тут же рядом материализовалась Ирина Викторовна.

– Что происходит? – спросила она.

Девочка испугалась, но, увидев внимание в глазах учительницы, объяснила:

– Он вяжет! Мальчики не должны вязать, это делают только девочки и пи...

Дальше следовало слово, которое не произносят в приличном обществе. Класс засмеялся.

На парте лежал кусок ткани, цветастый и нелепый.

– И кофта его на радугу похожа, – добавил кто-то. – Все семь цветов.

– Неправда! – разгорячился Даня. – Тут целых двенадцать. Вот белый, малиновый, коричневый... Ирина Викторовна, я кофту сшил и связал частично. Но она не для того, чтобы носить. Здесь пряжа наших свитеров и обрезки футболок. Вот, смотрите, этот рукав Миша отодрал Лёне в пятом классе. А джинсовая ткань от Любиной юбки, которую вы ей запретили носить. Я вплёл еще обрезки фартука, который девочки не дошили...

Он долго перечислял все ниточки пряжи, которые собирал в течение долгих лет. Каждая была наполнена смыслом, воспоминаниями. Одноклассники молча слушали. В их глазах читалась фраза: «Он сумасшедший».

Ирина Викторовна сверкнула глазами.

– Не волнуйся, – сказала она. – Мы выставим твою поделку в школьный музей. Там много одежды учеников.

Учительница ушла, а кто-то из одноклассников бросил:

– Она тебя утешает.

***

Проведенное в России детство было самой счастливой порой в жизни Алекса. Здесь он родился, научился ходить, много раз забивал голы на школьной площадке и три года был душой всего класса, но затем отец-дипломат взял его с собой в Америку, где Лёша сменил имя. С пятого класса за его пару сел Данил, но Алекс знал только то, что новенький не прижился, – ребята досадовали, что друг уехал. Им надо было выместить на ком-то обиду.

Доставшееся от родителей состояние позволяло не работать, но Алекс планировал начать свой бизнес. Он занимался перепродажей предметов искусства и увлеченно искал смыслы в случайных пятнах, череде мазков, группах предметов.

И вот, путешествуя по миру, он снова приехал в Россию.

– Что это? Театральный костюм? – спросил он, заинтересованно глядя на кофту, скроенную Данилом.

Завуч любезно согласилась пустить его в пыльный школьный музей, полный старых фотографий, передников, воротничков и перьев.

– Дети соорудили. У этой кофты целая история, – ответи-

ла смотрительница. – История класса, выпустившегося в двадцатых годах...

Она достала пожеванную бумажку и начала рассказывать.

***

Арт-объект «Лоскуты детства» Алекс купил у школы № 17 за 10 тысяч долларов. Меньше платить миллионер счел кощунством: в конце концов, это история того самого класса, который он считал родным. Журналист написал душещипательную статью, разместил в интернете, и фотографию кофты залайкали. Она вывешена за стеклом в музее современного искусства, вот только на табличке стенда указано: «Автор неизвестен». Или решил остаться неназванным.

БОГИНЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

– Объявляю соревнование. Кто за десять минут вспомнит больше всего деепричастий, на месяц будет освобожден от дежурств!

Татьяна Васильевна не зря участвовала в конкурсе «Учитель года». Нахватавшись от коллег интересных штучек, она начала внимательно разговаривать с детьми, устраивать мероприятия, украшать кабинет. И пусть даже ничего не выиграла, но поток любви к педагогике поймала.

– Руки на парту!

Верочка незаметно достала из-под юбки телефон. Эта глупая училка ничего не заметит, в детей в классе – целая орава! Девочка незаметно вбила в ChatGPT:

«Придумай мне деепричастия».

«Конечно! Вот несколько примеров деепричастий: 1. Читая (от глагола «читать»); 2. Шагая (от глагола «шагать»); 3. Смеясь (от глагола «смеяться»); 4. Успевая (от глагола «успеть»)».

«Больше, – потребовала Вера. – Сотню!»

«Составить список из ста деепричастий в одном ответе было бы довольно громоздко, но я могу предоставить двадцать пять примеров и помочь с конкретными запросами. Вот расширенный список»...

«БОЛЬШЕ!»

«Конечно! Вот ещё больше примеров деепричастий».

Верочка торопливо переписывала. На одно слово у неё уходило две секунды. Быстрей, быстрей! Двадцать пять слов в минуту, итого двести пятьдесят слов.

Время вышло.

– Можно мне, можно мне? – вскочила Вера. – Читая, шагая, смеясь, успевая...

А дальше посмотрела в тетрадку – и ничего не смогла разобрать! Каша из букв. Девочка поникла.

– Следующий, – объявила Татьяна Васильевна.

Дети долго перечисляли слова, но после проверки тетрадей пятерку получил только Вася. Тот самый Вася, который почему-то отличник, и здесь явно не обошлось без маминой твердой руки. Секрет Васи был прост: придумал он мало, но написал все слова без ошибок и красивым почерком. У отличников и троечников – диаметрально противоположные типы мышления.

ХТОНИЧНОСТЬ ВАЛЬСА

Примечание: чтобы понять рассказ, рекомендуется прослушать известную композицию Прокофьева «Танец рыцарей».

Стояла изнуряющая жара. Сдав очередной экзамен, я вышла из аудитории. Голова была перегружена формулами и теоремами. Увы, знаний набралось лишь на «четыре».

Пытаясь расслабиться, подключила наушники – модель OpenRun фирмы Shokz. Я носила их, не снимая. Даже в аудитории. Заиграла первая попавшаяся мелодия... Я взглянула на экран: «Ромео и Джульетта, соч. 64, действие I, картина 2: No. 13, Танец рыцарей».

Грянули духовые – мощная музыка. Так и видишь, как рыцари в латах собираются на турнир. За моими плечами висел тяжелый рюкзак, и я была словно центром бьющего из наушников звука – такая же неповоротливая.

Прошло пять минут. Я подняла палец, чтобы переключить трек. Нажала на кнопку. Картинка на экране сменилась, однако музыка осталась та же.

«Что за черт!» – подумалось мне.

Перетыкав во все кнопки, я добилась лишь того, что телефон подвис. Теперь не было возможности что-либо переключить. Оставаться в тишине не хотелось, и я решила слушать «Танец рыцарей», пока не кончится терпение.

Каждый шаг по университетскому коридору был медленным и тяжеловесным, под стать музыке. Я спустилась на нулевой этаж, в столовую. Тетя плюхнула две поварешки пюре мне в тарелку.

Никогда я еще не ела так медленно.

Живот переполнился. Я вышла на воздух. Дрозд-рябинник вспорхнул и тут же неловко приземлился. Кто сказал, что рыцарь в латах не может летать? Вдруг началась тихая спокойная мелодия, и мне захотелось насладиться ароматом сирени. Нашла цветочек с пятью лепестками и съела. Снова грянули духовые.

Пришла в общежитие.

Внезапно музыка оборвалась – аккумулятор телефона разрядился. Я стояла с неподвижным лицом, глядя в зеркало. Я так вымоталась, что ощущение осталось лишь одно. Ко мне пришло осознание хтоничности мира.

Сергей МАРТЬЯНОВ

Член Союза писателей России. Пишет прозу, критику и сценарии. Автор девяти книг, в том числе: «Избранные произведения», «Виктор и Маргарита», «Стоп, снято», «Что в имени моем...», «Голая и другие». Лауреат XXVI Общенациональной литературной премии им. П.П.Бажова. В литературу Сергей Мартьянов вошел экранизацией своего рассказа «Юдин» в 1982 году и рядом сценариев по произведениям А.Платонова – «Глинянный дом в уездном саду», «Возвращение», «Чевенгур». В 1985-м экранизировал повесть В. Арро «Прощай, старый двор!» Повести, рассказы, статьи и эссе опубликованы во многих литературных журналах. По своим сценариям Сергей Мартьянов создал более 70 неигровых фильмов. Режиссер-постановщик нескольких художественных фильмов. Сергей Мартьянов описывает современность, литературные, художественные, исторические миры так, как он их чувствует, как Вселенную, в которой нет места тотальному смыслу и глобальному порядку. Живет в Екатеринбурге.

В авторской редакции, корректор Т.Корчагина

РУТ

I

Наташа вышла к нему босиком, в белой футболке оверсайз с большим рисунком на спине.

– Ты смотришь анимэ? – спросил Рут.

– Нет, мама купила футболку.

– А я смотрю, есть интересные.

– Я не понимаю, – сказала она.

Действительно, Наташа не разбиралась в том, что хорошо и что не очень.

– Стул можно?

– Можно.

Рут взял кухонный стул, вынес в прихожую и поднялся на него. Наташа стояла рядом, смотрела снизу вверх, и от напряжения ее голубые глаза увеличились вдвое. Расчесанные на прямой пробор русые волосы лежали на плечах и немного прикрывали грудь. Рут не мог сойти со стула, ноги онемели, оттого что он ничего не видел, кроме света в ее глазах. Чувственное проникновение оказалось взаимным, «глаза слиплись в поцелуе», – так не говорят и не пишут, но такое бывает – в жизни. Наташа не умела, не знала, что надо делать, ее лицо ничего не выражало, совсем ничего, только юбочка ресниц приподнялась, губы приоткрылись. Разорвать волшебную нить они не могли! А зачем? В квартире Наташа и Рут были одни. Девушка медленно дышала ртом, она помнила, мама говорила: «Не целуйся, не целуйся – это опасно. У мужчин рот больше, особенно если усатый. И воздуха набрать не успеешь, как он ртом губы обнимет и будет душить поцелуем. Ноги у тебя ослабнут, и тут уж усатый свое не упустит и завалит!»

У парня из параллели усов не было, в школе его считали специалистом по гаджетам, с его мнением считались учителя, все знали, что он подрабатывает ремонтом. Рут сам предложил помощь, так вообще и Тата сказала, что Интернет в квартире глючит, и это оказалось правдой. В школе Наташа была заметной фигурой. За глаза учителя называли ее блондинкой, намекая на низкий айкью. Рут не спорил ни с кем. Зачем? Про себя и про нее он понимал, что ее тонкая кожа боится солнца, что Тата – сказочная Белоснежка. Когда она чувствовала припухшими губами чей-нибудь взгляд, то говорила мимо всех, в окружающую ее пустоту: «Мне целоваться нельзя. У меня хейлит». В этой фразе не было липкого намека и горького сожаления, потому что она умела быть никакой, пресной, и от этого казалась ему умной и независимой.

– Тут это, штучка... ты говорил, – сказала Наташа.

– Фу-у, фу-у, так и знал, в роутере тараканы устроили гнездо. Им здесь тепло. Тараканы ползают и сигнал прерывают, обычное дело. Представляешь, когда появилась сотовая, все тараканы исчезли. Они излучения боятся. А теперь вывелись устойчивые твари. Они, наоборот, селятся в компьютерах, роутерах, там им тепло и весело. А в сервис, знаешь, какие ящики носят? Ужас! Их сначала пылесосом чистят от навоза и дохлых. У тебя есть пылесос? Тащи на кухню. Раньше, когда были лампочки накаливания, тараканы в люстрах

жили... Представь себе, во такая хрустальная глыба, а в ней тараканов – туча. Ночью свет гаснет, они крылья распускают, тихо падают на пол и расползаются по квартире, а обратно в домик – пешком – по стенам и потолку маршируют...

Экскурсия в жизнь насекомых развеселила Наташу. Рут разобрал роутер, и она чистила ногтями мелкие детали. Они работали над кухонным столом голова к голове. Парня возбуждал кисловатый запах длинных грязных волос. Он пытался обнять ее, но всякий раз, когда прикасался к телу, рука теряла чувствительность и волю. Белоснежка не сопротивлялась, не играла в недотрогу, но им мешал некто посторонний, строгий и властный, о вмешательстве которого они не ведали, не брали в расчет. Неопытный в интимных технологиях юноша винил исключительно самого себя и от этого погружался в депрессию... Когда возня с маршрутизатором завершилась, Рут скис окончательно. Он залез на стул, чтобы подключить роутер к сети. Тата чистила пылесосом прихожую. И в этот момент в квартире появилась мама Наташи.

– Иду и радуюсь, в доме пылесос гудит, думала, это папа работает. Что у вас случилось? Тата, не прячь лицо. Ты вызвала мастера? – спросила Альбина Алексеевна.

– Да, я почистил роутер, – ответил вместо Наташи Рут и показал маме экран своего мобильного. – Смотрите, Интернет стабильный, 86 килобит.

Цифры Альбина не понимала, ее более интересовали черняки под глазами на худощавом лице юноши.

– Это Рут из школы, – пояснила Наташа.

– Не поняла, кто?

– Толя из одиннадцатого «а». Его все зовут Рут.

– Ну хорошо, приятно познакомиться. Спускайтесь к нам, – Альбина протянула руку, помогла Толе сойти со стула, сняла свой пуховик и отдала ему. – Имя у вас непонятное, что оно означает?

– Английское слово root означает «корень». Пишется «эр», два «о» и «тэ». Четыре буквы и три звука. Как обычно у них: пишется «Лондон», а читается «Ливерпуль». Мы говорим, например, «роутер», а они говорят «рутер», понимаете? – Рут приспособил пуховик Альбины Алексеевны на плечики, снял свою куртку с крючка и начал одеваться.

– Мойте руки, будем обедать и... О-о, нет! Сначала я, а потом вы, – распорядилась Альбина и внезапно исчезла в туалете.

Когда она вышла, Толи в квартире уже не было.

– Сбежал?

– Ушел, как тебя приспичило знакомиться.

– Голову надо мыть, если человека приглашаешь. Посмотри на себя... чучело.

– Много ты понимаешь.

– Что я не понимаю?!

– Пушистые волосы – это красиво, но не сексуально.

– Откуда знаешь?

– Читала.

– Сидишь сутками в ТикТоке, вот и роутер сломала.

– Каналов много, – Наташа вспомнила смешную порнографию, улыбнулась и шепотом застенчиво сообщила маме: – Знаешь, у него фамилия – Бирон...

– Круто. Я и не знала, что у вас аристократы учатся. Бироншей хочешь быть, – поняла Альбина, и обе разом рассмеялись и долго еще, до слез, хохотали.

– Ой, не к добру, не к добру. Что-то мне так весело и распирает!– причитала Альбина.

– Папе только не говори, – попросила Наташа.

II

Двухэтажный деревянный дом с пластиковыми окнами и остатками резных наличников ни страха, ни уважения не внушал. Вход со двора. На тамбуре красная табличка с буквами «Военный комиссариат». Наташа подробно изучила все надписи. На фасаде, на левом углу – две таблички. Одна железная с эмалированным овалом и словами «В сердцах и памяти навечно... погиб в Сирии». Другая, старинная мраморная с выбитыми золотом буквами: «В годы гражданской войны... здесь размещался штаб Восточного фронта...» Сбоку, на торце здания – яркая табличка с букетом красных гвоздик на синем фоне и длинным белым текстом: сколько человек в годы Великой Отечественной войны военкоматом было призвано и сколько погибло. Примерно получалось: сколько призвано, столько и погибло, но не все, конечно. Неясным было число воинов, вернувшихся домой. Его не было. Возле этой таблички Наташа задержалась. Ей стало интересно, и она сосчитала разницу, получилось 86 человек, не много и не мало. «Эти тоже уже умерли», – эта тусклая мысль посетила ее, но не затронула.

Наташа пришла заранее, так само у нее получилось. Ни вещей, ни цветов на проводы Толи она не принесла, пришла с пустыми руками, даже рюкзачок свой не взяла. Мама сказала, что нужна юбка ниже колен и платок на голову. Наташа не спорила. Альбина быстро ее одела, сунула в карман чистый носовой платок и сказала: «Когда Толя станет тебя фотографировать, ты не веселись, а то он на фото будет глядеть и думать, что ты в это время с кем-то развлекаешься. Он тебя другим ребятам будет показывать, и надо, чтобы обидных фантазий на твой счет не было. Не было ни у кого. Ты не понимаешь еще, насколько ревность сильное и дурное чувство. Будь умницей».

Люди прибывали медленно, по два-три человека, держались друг от друга на расстоянии и в общие разговоры не вступали. Призывников – не более двадцати. «Школьников», таких как Толя, – пять-шесть человек.

Остальные – старше. Один, в бороде и очках, совсем взрослый. Его никто не провожал. В ожидании построения бородатый столбом стоял в середине двора, и Наташе сделалось его жалко. «Хоть бы рюкзак свой снял, тяжелый же», – подумала она и вспомнила, зачем пришла, – обернулась и увидела Толю. У него был брезентовый, с кожаными ремешками рюкзак. Такие рюкзаки Наташа видела в кино и в советских книгах. Одет он был в черные брюки, белую рубашку, синюю безрукавку и старую куртку – во всё школьное, что уже не жалко и не по размеру. От этого он показался ей настолько знакомым и близким, что Тата вспыхнула и вместо приветствия сказала рвущиеся из нее слова:

– Я буду ждать тебя!

– Не торопись, не обещай без надобности, – остановила ее порыв мама Анатолия, Изольда Анатольевна. – И ты не проси, не мучай никого обязательствами. Что должно, то и будет.

– Да хоть сегодня не причитай. Я твою песню с детства помню: «Не верь, не бойся, не проси», – Рут обнял Наташу и тихо пояснил: – Я когда родился, громко кричал, громче всех в роддоме, и мама тогда решила, что я – бандит и зоны мне не миновать. Вот так, с самого дня рождения, она готовит меня к лишениям. За меня не волнуйся, я готов к любым испытаниям и не пропаду хоть где. Я верю в тебя, но боюсь, что бросишь, и прошу: не делай этого. Спасибо, что пришла.

Наташа хотела заплакать, чтобы правильно всё получилось, и не смогла. «Вот мать у него, она, верно, не плачет никогда. Толя говорил, что у него не мать, а железная Изольда! А моя? То ржёт, то плачет, то сутки моросит. Слякоть».

– Сфотографируй меня на память, – попросила она Толю.

– Встань здесь, на фоне таблички.

Наташа подошла к тамбуру, и скромные слезы увлажнили ее взгляд. Так и вышло, Рут сфотографировал ее на память и на горе себе.

– Толя, помни главную задачу. За двенадцать месяцев ты должен укрепить свое здоровье. Главное – спокойный длительный сон. Второе – спорт. Выполняй все распоряжения. Командиры – добрые люди. Не уклоняйся от физической работы. Тебе надо набрать вес. На сортировке запишись добровольцем во флот или артиллерию.

– Да помню я всё. Дед, уже прадед Судаков бился под Севастополем. Представляешь, там не все погибли, мой выжил, в концлагерь попал, в тюрьме год сидел, и оттуда его на фронт отпустили. И выжил. Другой, Степан, на «сорокопятке» воевал, это пушка противотанковая. На фронте она называлась «Смерть врагу – конец расчёту». Они в броне, в танке, а расчёт орудия в голом поле. Один на один, прямой наводкой! И что удивительно, Степан выжил, вернулся. И третий дед вернулся...

Наташа внимательно слушала Анатолия. Слезы высохли быстро, и чистый взор ее уже не выражал ничего, кроме спокойной гармонии и вызывающей восхищение красоты. «Здоровая девочка, ни черняков, ни мешков под глазами», – эта мысль примиряла Изольду Анатольевну с неизбежным. Свое имя она не любила с детства и представлялась всем Лизой. Одно время даже хотела поменять имя, но имя опередило события и отыгралось на ней. Изольда вышла замуж за Бирона. Мужу имя нравилось! Он представлял ее знакомым иностранцам без отчества, произносил: «Изольда Бирон...» – и оставлял многозначительную паузу в конце фразы. Супруг работал в торговой финской компании, и это обстоятельство погубило их брак.

Толя рассказал, что за границей нашлась разлучница. Мама надеялась на помощь от него деньгами, вещами, но сразу после развода отец ушел в отказ и пропал в Евросоюзе. Где он, с кем он – они не знали.

Во дворе комиссариата появился прапорщик, вышел на середину и требовательно трижды дунул в свисток.

– В колонну по три становись! – распорядился начальник.

Призывники его поняли и построились не по росту, а как случилось. Провожающие окружили колонну, вокруг которой образовалась необходимая для распоряжений тишина.

– Первое, по прибытию в пункт распределения все призывники будут поставлены на довольствие, – сообщил прапорщик. – Второе, после получения обмундирования личные вещи каждый должен самостоятельно упаковать в мешок единого образца и написать печатными буквами свою фамилию и фамилию получателя груза. Вещи можно будет забрать здесь через две недели.

Невидимая линия, которую никто не решался переступать, разделила призывников и провожающих. Толя повернулся к матери, и она поняла, что он напишет ее имя на мешке с вещами.

Когда автобус с призывниками выехал на улицу и скрылся за поворотом, Лиза заметила, что Наташа по-прежнему стоит возле нее.

– У тебя ЕГЭ в этом году?

– Да.

– Готовишься?

– Да. Нас в школе готовят.

– Что будешь сдавать?

– Географию.

– Странный выбор. Любишь путешествовать?

– Да, но не получается пока. С родителями в Кемере была, на море, там галька. В туризме буду менеджером или экскурсоводом, или в гостинице администратором.

– Это идея родителей или Толика?

– Что вы, так классная говорит. Говорит, что видит меня под пальмами, на рецепции шикар-

ного отеля. Кругом море и пляж. У них в отелях не жарко, там кондиционеры, люди играют на гитарах и поют. Я тоже умею немного петь, караоке...

Настроения для беседы у Лизы не было. В голове вертелась фраза Толика, которую он ей бросил на прощание, бросил в кухню из-за стены и совершенно не рассчитывая на ответ: «Ты еще не старая, подумай о себе».

– Ты беременна? – неожиданно спросила Лиза и даже отошла на шаг, чтобы посмотреть.

– Что вы, с чего?

– Ну, секс у вас был?

– Не было, не получилось ничего.

– Странно, что не получилось, у тебя да не получилось?

– Я что, я не против, Толя мне нравится, он умный и серьезный. Он говорит: секс бывает у всех, даже у дебилов, а любовь случается не всегда и редко. У меня, видно, любовь не получается. Я плохо понимаю его, когда он так говорит.

– Любовь бывает у всех, только она не вечная, а случайная. Это чудное мгновенье. Цена любви – слезы и боль утраты. Я это знаю. Жить можно и без любви, так даже лучше и спокойнее. Толя еще не понимает. Объединить любовь и счастье невозможно, у меня не получилось. Муж изменял и бросил меня, как бесполезную вещь. Хотя, на твой взгляд, я не совсем старая? Сорок один, это много или мало для женщины? Может быть, Толя прав, и мне действительно стоит попробовать, – Лиза уже вступила в разговор сама с собой и очнулась, когда поняла, что девочку ее исповедь не интересует.

– Тетя Лиза, вам какой автобус? Мне подходит четвертый и двадцатый, – спросила Наташа.

– Четвертый ближе, мы на нем приехали.

III

За три месяца до дембеля началась СВО. Анатолий Бирон начал терять вес и на все вопросы стал отвечать односложно. Причина нервного расстройства состояла в том, что Наташа перестала отвечать на письма и звонки. Командировка в зону боевых действий и героическая гибель в его положении были бы даже к месту. Так он иногда думал. Думал еще, что ее молчание не повод, чтобы звонить маме или ее родителям. Не ребенок, понятно: что будет, то и будет, но в том, что она жива, он был твердо уверен.

Дембель вышел под майские праздники, в срок. В поезд Анатолий откинулся в гражданке.

На вокзале его никто не встретил, он и не звонил, не сообщал.

– Форма, значки – всё в сумке, – сказал он маме и обнял ее. – Смотрю, замуж не вышла, или я не прав, и у тебя есть бойфренд?

– Не шути так, мне не надо. Я хотела на тебя в форме поглядеть и сфотографироваться. Ты заматерел, черняки под глазами пропали, красивый стал.

– Наташу видела?

– Нет. С того дня, как мы тебя проводили, не видела.

– Ну и ладно, – закрыл тему Рут.

Мама Наташи разговаривать с ним отказалась, позвала к телефону отца. Забили стрелку в пивной. Заказали по кружке. Еще не выпили ни глотка, а Леонид Васильевич выложил всё без обиняков, как есть.

– Толя, мы тебя уважаем, но Наташка паскуда, и виноват во всем я. Так мать говорит, Альбина, ты ее знаешь. После школы я устроил Тату к знакомой в бутик. Там сумки, рюкзачки и прочая дребедень. Место чистое, видное. Там она сошлась с азером. Как и что у них срослось – молчит. Очухалась она, когда поняла, что залетела. И матери не сразу сказала. Я ее с работы забрал и дома теперь держу. Сейчас мать Тату стережет.

– А что она, прямо рвется к нему? – спросил Рут.

– Да нет. И он не сватался, говорит, аборт и все дела, деньги на аборт предлагал. Я не взял. Наташка – между нами – она же девка глупая, про аборты не соображает, и сроки ушли. Альбина мне предъявила, говорит: «Ты во всем виноват. Выставил в магазине». Она хотела Наташу на склад оформить и права была: среди коробок, в синем халате ей бы самое место...

Принесли пиво. Леонид Васильевич выпил кружку. Толя не притронулся.

– Ты не молчи, раз приехал, пришел – думай, говори. Еще СВО эта, зверь непонятная. Что про мобилизацию думаешь?

– Кто он, откуда?

– Диаспора, они – черные лесорубы. Люди нехорошие, но как нехорошие, по нынешним временам успешные. Отец лесом торгует, сын при машине.

– Она с ним общается?

– Да нет, дома сидит.

– А по телефону?

– Не знаю. Боится, что увезет к себе. Дура, она не понимает: муслимы, у них закон: обманул – продал, вдул и забыл. Они замуж девок не берут, женятся на своих целках. Ты куришь?

– Нет, – Толя неторопливо тянул свою кружку.

– А я выйду, перекурю.

Когда отец Наташи вернулся, официант их стол успел освежить, принес еще пять кружек, черные сухари, выставил букетик фальшивых гиацинтов и, главное, за столом появились Альбина и дочь. Леонид Васильевич не удивился, они пришли вместе. И сигнал он жене дал, мол, всё рассказал и дальше действуй сама. Женщины за столом молчали и смотрели в пол. Рут понимал, что пришли они не говорить и оправдываться, а слушать его слово.

– Леонид Васильевич и Альбина Алексеевна, закон на нашей стороне, и я решил. Первое, вы сообщите кому надо, что Бирон откинулся со срочной. Второе, свадьба будет через две недели, в ЗАГСе предъявим справку о беременности, нас быстро за-

регистрируют. Третье, ребенок Наташи – мой ребенок, он будет в паспорте и свидетельстве зарегистрирован Бироном. Жить будем у меня. Наташу я заберу у вас. Муслиму можете передать: убью сразу, как пса. Он мой кровник по шариату.

Наташа утупилась в стол. Леонид Васильевич молчал. Сказано было так много, что он медленно примерял на себя решения Анатолия, шелушил каждое, тщательно разбирал слова, думал.

– А мобилизация, вдруг объявят? – спросила Альбина.

– Мобиком я не пойду. Только по контракту, у меня специальность есть и несколько значков.

IV

Родовые схватки начались в срок, но как обычно – внезапно. Толя определил Наташу в платную палату. Рут хотел присутствовать на родах с целью моральной поддержки и, потом, он стремился обрести ребёнка сразу, с его первых минут самостоятельной жизни. Наташа стеснялась его присутствия и навязчивой заботы, но переубедить его не пыталась. Последовательность и целенаправленность действий мужа стесняла ее в привычках. Он прокладывал дорогу, а она плелась в обозе, спотыкалась на кочках и утешалась мыслями о замужней судьбе, но когда начались роды, личные проблемы забылись. Толя стал для нее и надеждой, и опорой... «Дыши, работай. Дыши, работай», – слышала она голос Толи и тужилась, кричала, терпела, терпела и тужилась...

– О-о, сам вышел, вылез головой вперед, – сказала акушерка и показала ребенка Толе. – Поздравляю, хороший парень!

Семью Бироновых выписали из роддома на четвертый день.

– Через месяц вы ребенка не узнаете, – медсестра указала на плакат с изображением Богоматери с младенцем. – Красавчик будет, как на картинке.

– Я и не думаю ничего, отличный парень, – за три дня в роддоме Толя приноровился к младенцу и действовал уверенно, на одной руке держал сверток с ребенком, а в другой солидный букет и коробку конфет.

– Внизу вас ожидает фотограф... Он сделает первый альбом малыша.

– Да, обязательно, я альбомы его видел.

Толя убедил мать и родителей Наташи, что фотографироваться необходимо и не один раз, а по сценарию, чтобы получился альбом. Его поддержала Альбина Алексеевна. Дружно они реализовали сценарий фотографа в полном объеме. Ребенок переходил из рук в руки и ни разу не пискнул.

– Не сомневайся, – заверил мать Толя, – голос у него громкий. Он хороший, пока спит.

– Какое имя написать? Вы решили? – спросил Анатолия фотограф.

– Василий.

– Да, Василий, – повторила Наташа, – пишите полное имя – Василий Бирон.

– Мне нравится, – после некоторой паузы сообщила Лиза. – Честно-честно. Царское, редкое имя, звучит солидно.

На выходе из роддома их встретила группа мужчин во главе с отцом Муслима, в руках которого был шикарный букет.

– Его здесь нет, – успела тихо шепнуть Наташа, так что ее все услышали.

Отца Муслима она не знала, но догадывалась, по тому как старый бородатый косил глаза на нее, что это он.

– Вах! Девочка, покажи внука дедушке.

Ребенок был на руках у Анатолия, поэтому образовалась пауза, которой сполна воспользовалась Лиза. Она опередила сына, взяла букет, швырнула его на землю и ударила деда по лицу, раз, другой, третий. Хлестала, пока его не закрыли подоспевшие родичи.

– Вон с глаз моих, чтоб провалиться вам под землю, вор, предатель, старый развратник! Какое чудовище ты вырастил? Труса и насильника! Сын твой девочку изнасиловал и бежал, бежал от мобилизации, трус и дезертир твой сын! Чтоб ты деньгами своими подавился. Позор тебе вечный, муки в огне! Я, Изольда Бирон, проклинаю тебя, сына твоего и род твой!

На шум вышел персонал роддома и посетители. За спиной Изольды образовалась угрюмая толпа. Гости отошли к машинам, один из молодых оправдывался и кричал:

– Муса не трус, Муса не трус. У вас своя война, у нас своя война! Слава Украине! Украине слава! – но на этих словах его заткнули, заставили замолчать свои.

Изольда не молчала ни секунды, она неистово проклинала всех, пока машины не скрылись, и никто не пытался ее остановить.

– Ну ты дала им! Я со страху чуть не обсикалась, – хохотала Альбина. – Я так не могу, ой, не могу. «Чтоб деньгами подавился... муки в огне... я, Изольда Бирон, проклинаю тебя!» – ой, не могу...

Леонид Васильевич вел машину плавно, аккуратно объезжал ямки и сопел. Он настроился на драку, последний раз дрался в армии, бились стенкой с дагами и чехами, бились чем попало, камнями, палками... Тяжелое воспоминание вернулось, адреналин давил на глаза.

– Заклинания имеют силу. Меня отец научил. Он матерился не как зэки, ме-ме, ни дикции, ни звука, а громко, в голос, и при этом проклинал. Королёва на работе все знали и боялись. Уж этим от него бы точно досталось, матюгами он крепко народ гонял.

– И где он работал?

– В Оперном театре... не-е, не актером. Инженер по отоплению и ремонту. Пил, конечно, но алкоголиком не был... Фантазёр, вы-

думщик, хохмач – за это его все любили.

– Мама, а отчего ты решила, что Муслим – дезертир и бежал, ты точно знаешь?

– Не знаю, но догадалась. Если бы он был здесь, то сам бы пришел с букетом и телохранителями.

– Зачем ему, когда мы всё по закону решили.

– Что им закон?! Он бы пришел, чтобы унизить тебя и показать, кто в городе хозяин. И отец за этим пришел, но обломался.

– Здорово ты, но меня всё потряхивает... – вспомнила гостей Альбина.

– Не бойся. Как мобилизацию объявили, так которые с деньгами все за границу дунули, местные хвост поджали, – сказала Изольда.

– Приеду домой, фотки у себя выложу. Надо жить открыто, мы не воруем. Наташ, чего молчишь?

– Деда этого боюсь.

V

Служба в армии быстро забылась. А что там помнить? Двенадцать месяцев! Устав учили. Присяга была, на которую к нему никто не приехал. Потом боль в ушах от пальбы, Рут и не думал, что орудия так громко стреляют. С рождения его стихией было пламя. В огненную душу Анатолия более зашли реактивные системы. Он видел старт баллистической ракеты, вот это – да! Красота и мощь!

Рут не пошел в мастерскую по ремонту гаджетов, в которой работал прежде. У него имелись амбиции на карьеру в серьезном месте, но не было диплома и опыта. Личные трудности усугубляла системная проблема, упадок в оборонке. Завод резиновых изделий и эбонитовый, краса и гордость района, закрылись до его рождения. От эбонитового завода остался мемориал воинам Великой Отечественной, бетонная стела, а завод резиновых изделий снесли под корень. Застройщики вывезли мусор и затеяли на территории завода стройку жилого комплекса «Каменные палатки» по голландскому проекту!.. Желание приобрести квартиру в этих домах будоражило воображение Анатолия, но возможности и какой-либо идеи на этот счет не было. Тесть работал на заводе металлических конструкций, который усох до формата частной мастерской. Леонид Васильевич работал там сварщиком, экспедитором, кем угодно, и доходы его были скромными. Подспорьем в домашнем хозяйстве Евсеевых был сад и машина, на которой тесть иногда таксовал. Анатолий понимал, что оказать помощь молодой семье в приобретении жилья тесть не может.

По объявлению Толе удалось устроиться айтишником в поликлинику. Там не могли найти на маленькую зарплату настоящего специалиста, и его взяли «на пробу», но очень скоро он стал необходимым и востребованным в поликлинике человеком. У него появилась своя каморка, и Рут вернулся к практике частных ремонтов.

Говорят, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Издалека и сверху кажется, что граждан в ячейках можно перемешать, и от этого средняя температура по больнице не изменится. На первый взгляд – да, так оно и есть. Статистика неумолима, но существует и другое присловье: если кажется – креститься надо.

У Толи с мамой была двухкомнатная квартира и у Наташи с родителями двухкомнатная. У Наташи в кирпичной пятиэтажной хрущёвке с проходными комнатами. У Толи в девятиэтажном панельном доме с раздельными комнатами – «трамвайчиком». Последнее обстоятельство оказалось решающим при выборе места жительства молодой семьи.

Квартира Евсеевых походила на филиал садового домика. Площадь была перегружена коробками и банками, полезным инвентарем и запчастями для машины. В такой обстановке естественно выглядели тараканы, и из сложенных грудой частей велосипеда мог появиться комнатный уж... Мать и дочь держались на равных. Аля и Тата бурно дружили, ссорились редко и быстро мирились. Мелочи не пугали и не раздражали их. Альбина не пилила и не разъедала мозг мужу замечаниями и упреками. Это же качество передалось и дочери.

Наташа не сердилась и не ворчала на Толю. К Елизавете Анатольевне она относилась с уважением. По мнению Наташи, в доме свекрови хранилось множество лишних вещей, но в отличие от ее квартиры вещи Изольды не бродили по комнатам, а имели свое, строго определенное место.

– Смотри, наша квартира похожа на лес, – объяснял ей Толя. – Каждая вещь подобно дереву. Дерево растет и стареет на своем месте. Вот стул, он стоит здесь всегда. Фарфоровый оленёнок живет здесь на полке, моя фотография, книги в шкафу, их нельзя переставлять.

– И кто все вещи так установил?

– Не помню, наверное, мама. Она прибирается в квартире.

– А ты помогаешь, ты прибираешься в квартире?

– Нет. Моя задача не нарушать порядок и не разбрасывать вещи, тогда и прибираться не надо будет. Понимаешь, это просто, у нас – лес, а у вас в квартире – зоопарк. Вещи, как животные, гуляют и летают по комнатам, как хотят. Я в ванной нашел вилку, в кухне под столом видел носки...

– Это мама, она любит босиком. И я люблю босиком ходить.

– А полотенце на стуле зачем?

– Мое, я умылась, включила телек и повесила его сушиться.

– А теперь понимаю, почему у вас так: руки вымою, а вытереть нечем, полотенца вечно нет, потому что оно где-то сушится?

– Это Бирон у вас такие порядки установил.

– Нет. Отец любил, чтобы у него лично всё было идеально, а остальное его мало касалось. У него брюки всегда глаженые, сорочка чистая, мама стирала и гладила, брился по полчаса. Он поел, встал и ушел... как барин. Трудно с ним маме было.

Наташа и младенец Вася в квартире свекрови занимали комнату с балконом. Елизавета Анатольевна пыталась локализовать жизнь внука, точнее, ограничить положение его вещей, игрушек и бутылочек одним углом в комнате. Но этого не получалось. Она приходила с работы и первым делом собирала на кухне, в ванной, у себя в комнате вещи Васи и возвращала их в комнату Наташи. Происходило это не со зла. Внука она любила и ни разу не попрекнула Наташу, намека не дала, что неродной. Часами могла заниматься с ним гимнастикой, развивала речь, играла и приучала к хорошей музыке. «Хоть бы обругала нас или в сердцах шлёпнула Васю, как настоящая бабушка, а она сюсюкает, воспитательницу всё из себя изображает», – думала свое Наташа, потому что любви от свекрови не чувствовала, но училась у железной Изольды терпению.

Тата радовалась, когда с работы возвращался Толя. Она обнимала его и прижималась всем телом, и он обнимал ее, и так они стояли минуту-другую.

– Ты мое дерево, – говорила она или не говорила, и не в словах суть, Толя понимал ее потребность в опоре и старался соответствовать. После рождения сына Наташа изменилась, поправилась в бедрах, груди стали интереснее, животик округлился.

– Ну ты даешь, за вторым собралась? – изумилась мать.

– А что такого, Толя своего ребеночка хочет.

– Он тебе прямо так и говорил?

– Нет, не говорил, я сама понимаю.

– Да чего ты понимаешь в этих делах. Он не говорил, он берег тебя. Надо год-другой отдохнуть, прежде чем второго рожать! И матери не сказала, хоть девочка или мальчик, кто там?

– Я и не знаю, что будет, то и будет, – так говорит Изольда.

– Она, значит, знает, а мать родная не знает, что дочь беременна, дожила, – Альбина надулась и приготовилась плакать.

– На УЗИ говорят, что всё в норме, рост плода измеряют. Когда заранее знаешь кто будет, так уже неинтересно. Когда я с Васей ходила, то думала: хоть бы девочка, хоть бы девочка получилась, а вышло всё, как на УЗИ.

– Ах, бедная моя девочка, бедная девочка, – Альбина обняла дочь и дала волю слезам.

VI

Наташа родила девочку легко и быстро, в той мере, насколько такие слова достойно можно соотнести с непостижимым таинством милости Божией. Толя присутствовал, был рядом, помогал. Физиологические казусы его не смущали, крови он не боялся. Вторые роды Рут и Тата прошли уверенно, дружно одолели полосу препятствий и назвали дочь Леной, Еленой Анатольевной.

Вопрос о крещении детей возник, казалось бы, из ничего, и подняла его Альбина.

– Наташка крест не носит, но она крещеная. И я, и Лёня – мы крещеные, но крестов не носим. Я надеваю, когда в церкви бываю на Рождество или на Пасху, и то не каждый год, не понимаю я там ничего, и Леонид вряд ли креститься умеет.

– Не помню, не думал: крещеный или нет, – понял ее Толя. – Надо у мамы спросить.

Елизавета сообщила ему, что он некрещеный и она некрещеная, и добавила, что Бирону больше протестантские храмы нравились, где пусто. И строго прибавила, раз он на войну собрался, то креститься надо обязательно и детей крестить, хуже не будет, – но сама от участия отказалась.

Инициативу на себя взяла Альбина, купила всем рубахи, полотенца и кресты.

– Возьми, подруга. Носить не обязательно. Место не пролежит. Не дай бог, время настанет, хватишься, а он при тебе. У меня в коробочке лежит, я его иногда надеваю, когда беспокойство, депрессия, головная боль, вздутие и спазмы начинаются, и помогает, легче становится! – тонкий простодушный юмор иногда выручал Альбину от прямых столкновений и обидных недоразумений.

В Преображенском храме на обряде крещения Елизаветы не было, она готовила праздничный стол к приходу гостей. За столом все разговоры шли вокруг ипотеки и специальной военной операции. «А что крещение?» – спросила Елизавета. Впечатлений ярких и разнобоя в рассказах не было. Вася – храбрый мальчик, смело нырял в холодную воду. Лена – плакса, а в церкви гулко, ревела на всю Вселенную, но Наташа приложила ее к груди после купания, и она унялась. Для Анатолия купель оказалась мала. Священник уже хотел поливать его из ковшика, но он догадался, что можно сесть на дно. Рут спрятался, схоронился под водой с головой, чтобы вышло всё надежно, правильно, по Писанию, так как он знал, что обряд крещения символизирует похороны ветхозаветного человека и рождение нового, свободного от первородного греха.

Толя объяснял Наташе решение завербоваться материальными интересами семьи. Мол, Бирон – это воинская фамилия, все Бироны в России и в Европе воевали, и сейчас настал момент, можно подняться... Армия – его шанс, социальный лифт, жить он намерен долго, и у него есть план. По контракту он уйдет на

СВО, возьмет льготную ипотеку и купит новую квартиру в «Каменных палатках». У нее и детей будет свое жилье. Потом его, ветерана, возьмут в институт. В какой? По результатам СВО будет видно. Для начала надо попасть на хорошие курсы, чтобы звание хотя бы прапорщика получить, и тогда без училища он выбьется в офицеры.

– А я без тебя – одна, – начинала опутывать его сомнениями Наташа.

– Зачем одна? У тебя дети, самое ценное. Ты – не одна, дети маму любят, ты им нужна, потом, родители рядом. С ремонтом отец поможет. Учись терпению у мамы-Лизы, кроме тебя и малышей у нее никого. Ты уедешь на новую квартиру, и ей будет плохо, она реально одинокая. Я ей говорил: заведи себе мужика, встречать будет, сумки носить, я не в обиде...

Наташу изумляло спокойствие железной Изольды. Она совершенно не пыталась отговорить сына от участия в войне ради денег. И раньше, когда на срочную службу его отправляла, то при ней говорила: «Баллы по ЕГЭ не заржавеют. Сначала отслужи, потом будешь поступать. Служба плюсом к баллам пойдет». Наташа прочитала где-то, что Изольда – имя неправославное и нехристианское, в переводе с древнего немецкого означает «оружие». Девочка – меч, копьё или стрела, странное имя. Видно, отец спьяну ее придумал, дурную шутку произвёл и заколдовал. Вот она и мучается с поганым именем, или имя ее мучает. Еще в статье было написано: Изольда – жестокая, беспощадная, предателей не прощает, любит чувственно, страстно. Изольда – жадная женщина и ненавидит расточительных. «Всё сходится, – поняла про свекровь Наташа, – работает бухгалтером, туфли на каблуке. Толя прав, жить надо раздельно, иначе плохо всё кончится. Она Толю любит, а я – расточительная».

– У меня деньги есть, – неожиданно сказал Толе Леонид Васильевич. – На машину откладывал, хотел старую тебе отдать, а себе новую. Но если ты решился, то на первый взнос добавлю при условии, если Наташу и детей в договор возьмешь.

– Что вы, Леонид Васильевич, конечно. Мы и выплату на детей в квартиру вложим. Действовать надо натиском, решительно и быстро.

– Ты не думал квартиру в Москве взять? Там кредит дают в два раза больший.

Толя не ожидал от тестя такого разворота и задумался, но вместо квадратных метров и процентов возникло у него видение. Стоит он голый возле большой армейской палатки. Из-под полога палатки – пар валит. Там внутри – баня, мужики моются. Палатки в ряд стоят, их видимо-невидимо, и распаренные мокрые мужики туда-сюда ходят. Что к чему пригрезилось, Толя не понял.

– Так я не боюсь, – ответил он.

– Я не про то. Москва столицей была, а теперь метрополией стала. Матрёшку видел? Ее откроешь, а там другая сидит. Говорят, в Америке есть глубинное государство, так у нас не хуже места есть. Там и жить надо.

– В Москве я не был ни разу, – понял тестя Толя. – В Москве студия у чёрта на рогах немерено стоит. Мне здесь хорошо.

– А ты поезжай, осмотрись в Москве, там и завербуешься.

– В ЧВКа работать не хочу, они на соцпакетах и помощи семьям экономят. Я не про деньги, мне служба нужна. Я армии не боюсь. Звезду на погоне языком достать могу, полковником буду, вот увидите! И Наташа будет женой полковника и врачом. Хочу, чтобы она на врача выучилась, на обыкновенного доктора. Если не торопиться, со временем у нее получится. Будет полковник и жена – медик. Ладная пара. А работа по специальности где-нибудь на заводе нам не нужна, мы на службе у государства будем получать немного и достаточно...

Леонид Васильевич не спорил, слушал внимательно, его увлекала вера Анатолия в свои силы и напор. Он думал, видно, и Наташу подхватил этот ветер и понес в неведомую сторону, прочь от дома. В двадцать нарожала двоих, третий будет, как в новую квартиру заедут, так обещал Рут. Но в случае, если Толя погибнет, то вся поклажа навалится на него. От таких мыслей Леонид Васильевич легонько крякнул: «Велики честь и доверие? На меня надеется, что потянет воз старый металлист?» Невольно он посмотрел на свои черные ногти и грязные от ржавчины руки, которые не отмывались ничем, хотя Альбина предлагала ему косметический салон, там женщины чистили кожу на руках и лице за деньги, – и неожиданно сказал:

– На резинотехническом женщины работали. На штампах и порошковой химии много их... Мне предлагали, я не пошел. Бабский был завод.

VII

Рут приобрел квартиру на территории резинотехнического завода в «Каменных палатках», выбрал сразу над офисами – высокий второй этаж.

– Оно и дешевле, и безопаснее. На улицу можно пешком, и коляску, и велосипед в дом занести, а если что, то прыгать можно. Я прыгал уже, нормально. Напор воды всегда хороший и детям лифт, они без лифта могут дойти. Зачем наверх лезть, вид у нас всегда открытый. Под окнами – речка. Строить никто ничего не будет, негде, – так живописал Толя новую двухкомнатную квартиру, которая за счет большой кухни-столовой была фактически трехкомнатной.

Квартира и Леониду Васильевичу понравилась, особенно качественной отделкой. Толя взял

объект «под ключ», с плитой и роутером. На первый взнос наскребли друг у друга. Тесть выложился полностью. Он понимал, что свой ремонт обошелся бы в разы дороже, и осаживал женщин, когда они начинали ворчать. Квартира была отделана в стиле венге, модно и эффектно. Африканский палисандр на полу в сочетании с молочными стенами бодрил и восхищал Леонида Васильевича. Себе бы он такого покупать не стал, но считал, что дочери можно, молодая еще, и дразнил Наташу:

– Афра! Афра! Негритёночка вам надо. На шоколадном полу он хорошо бы смотрелся.

– Не болтай, беду накличешь, фантазии у тебя пустые. Карманы выверни и посмотри, может, там негритёнок завалялся, – Альбина бурного восторга не проявляла, лицо имела кислое и не могла скрыть зависти, что у Наташи квартира лучше, чем у неё.

– Никогда не думал, что можно жить в долг. Всё будет – ок, вот увидишь, – уверял ее Леонид. Он восхищался самоуверенностью Бироновых, и сына, и матери.

Елизавета ходила по пустой квартире, подняв нос, воображая, что это чудо совершила она одна. Когда казалось, что никто ее не видит, Лиза поднимала руки и изображала птицу.

Наташа без Толи куксилась, и квартира заменить его не могла. Хорошее настроение накатывало только тогда, когда Анатолий был рядом. А он сначала уехал на курсы сержантов, на четыре месяца. Оттуда Рут внезапно появлялся на день или на ночь. Вихрем врывался в квартиру, что радовало детей, они кричали и скакали от восторга, а ее такие набеги пугали. В минуту возвращения она не узнавала его. Муж казался чужим, посторонним, так быстро он менялся. Времени на пробуждение чувств и привыкание не хватало. Толя тормошил ее, а она не могла ему ответить взаимностью, дать газу до отказу, так, как он того хотел. Она чувствовала, что он становился сильнее физически и характером против того человека, кем был до службы.

Когда Анатолий выбыл в зону боевых действий, стало спокойнее. Наташа тщательно запирала дверь и чувствовала, что Рут жив, по банковской карточке, на которую поступали деньги. Сначала он звонил с пунктов связи. Разговор шел о детях, здоровье и шалостях. Рассказывать о своих чувствах Наташа не умела, а он не мог ей ничего рассказать о себе и своей работе. Без него в отдельной квартире ее мучал страх. Она постоянно ожидала вторжения отца Муслима и его родственников, ей чудилось разное развитие событий. Наташа жила не в обстоятельствах, а фантазиями, перебором ожидаемых несчастий, которые обступали ее и детей со всех сторон. То ей предлагали подарки и деньги в обмен на сына, то принуждали силой к отказу от ребенка. Более она боялась исчезновения, кражи родственниками. «Увезут Василька за границу, а ее обвинят в убийстве?!» – так ей мерещилось. Такой разворот вероятной судьбы душил ее невыносимой болью отчаяния.

Вася по-своему реагировал на состояние матери. Он был на удивление послушным мальчиком. Наташа никогда не кричала на него и не замахивалась... По факту рождения ребенок чувствовал себя виновным во всем и близко к сердцу принимал мамины страдания. Вася опасался шалить не от страха, а от рано развившейся в нем совести. Он подходил к маме, крепко обнимал ее за ногу и винился таким образом.

Наташа думала: «Хорошо, успели детей крестить до отъезда». Она надеялась на силу крестов, и было уже, что один раз они помогли им. Лена носила простой серебряный и грызла его вместо соски, а у Васи был толстенький золотой. Он гордился своим крестом и берег его. Наташа на жизнь родителям не жалилась и Толю оберегала от мелких домашних проблем. Всё хорошо и нормально у нее получалось. Но вышло, что к страхам ее добавилась тайна. Ума хватило смолчать, когда дети чуть не убились.

Она тогда на минуту в магазин зашла, сигареты у нее кончились, потом йогурты детям и творожок себе купила, вышла, а малышей нет. Коляска на месте, кругом будний день и пусто. Кинулась к реке на край, потому что природного берега у реки не было. Строители землю и мусор бульдозерами в воду сгрудили, получился крутой отвал высотой метра три-четыре. Лёд на реке вдоль берега оттаял, и вот в черной полосе Наташа увидела своих. Лена в реке, голова торчит, а Вася лежит у самой кромки и держит ее за комбинезон. Тата хотела крикнуть и не смогла, голос от страха пропал. Ноги ослабели, успела пуховик расстегнуть, сняла его... и тут чудо свершилось! Два школьника, один, за ним другой с разбега кинулись с отвала к воде, вытащили Лену и подняли на ноги Васю. Наташа помогла им выбраться, сунула в коляску Лену и ринулась домой. Мальчишки следом принесли Васю.

Дома у Лены открылся голос, она начала реветь. «Ну и хорошо, ну и слава богу. Кричит – значит, живая и жить будет», – уговаривала себя Наташа. Она отогрела детей в ванной, завернула в полотенца и уложила в постель возле себя. Лена успокоилась, и ее быстро сморил сон. Наташа пригляделась к Васе. Он молчал, смотрел мимо нее.

– Скажи мне что-нибудь. Я ругать не буду. Скажи, тебе больно? Где тебе больно? Вася, Василёк, ты испугался, сильно испугался? Что у вас случилось? Лена упала? Лена сама упала?

– Упала.

– Покатилась? Покатилась, как колобок по кочкам, дрын-дрын, – Наташа пыталась развеселить героя.

– Я прыг, и упал... – Вася не плакал, в пушистых ресницах стояли слезы, он достал ручку из полотенца и показал маме. – Вот, больно, щиплет.

– О-о, я подую, и всё пройдет, – Наташа увидела небольшую ссадину и принялась дуть на нее, как волк на соломенную хижину Ниф-Нифа, приговаривая при этом: – Хоть полсвета обойдешь, обойдешь, обойдешь. Лучше дома не найдешь, не найдешь, не найдешь!

И в этот момент Вася неожиданно заплакал. Заплакал по-настоящему, у него потекли и слезы, и сопельки. «Боже мой, – вспомнила Наташа край, с которого она не решилась прыгнуть, – а он прыгнул, такой маленький, крошечный. Прыгнул и спас сестренку – ужас!» У Наташи навернулись слезы, и она дала им волю. Они плакали вдвоем, дружно, как бывало прежде, она плакала и смеялась с мамой – громко, в два голоса.

VIII

Радость является следом за ожиданием, пусть иногда трудным и длительным, а горе никогда, никогда не бывает званным и желанным, оно вламывается, ставит человека на колени, и тогда кто может – молится, кто не может – стонет.

Изольда Анатольевна никогда не звонила невестке просто, просто поболтать, всегда по делу, поэтому Наташа невольно вздрагивала, когда видела ее имя в телефоне. Их отношения в значительной мере были административными. От Изольды в адрес невестки исходили в основном указания и предложения, от которых Наташе часто приходилось уклоняться. В этот раз тетя Лиза сказала, что надо идти с детьми в военкомат, она уже договорилась, и срочно. На все вопросы Изольда Анатольевна ответила сразу:

– Нет. Толя живой и даже не ранен.

– В плену, на той стороне?

– Нет. Здесь он. Ты детей собирай, покорми, воды возьми.

– Тогда зачем идти в военный комиссариат, еще и с детьми?

– Они реализуют меры правовой и социальной защиты граждан и членов их семей, я читала закон, знаю.

– Значит, погиб... или натворил что, – догадалась Тата.

– Да, собирайся, – оборвала разговор Изольда.

Наташа немного не узнала свекровь, когда та вошла в квартиру. Из нее будто стерженек выпал, уверенность в повадках и голосе убавилась, и на ногах кроссовки – под юбкой?! Васе она принесла трансформер, но не в коробочке, а уже собранный, сказала, что сама сделала по картинке. Лене – подарила пушистую мышку на веревочке, чтобы не убежала. Изольда просила не спешить, сказала, что время на дорогу есть, и добавила:

– Отец Муслима приходил, сказал, что Муслима убили. Толя его убил. Как? Я не знаю, и он не знает. Земляки какие-то донесли. Ему надо, чтобы мы срочно запрос по Толе в военную часть отправили и в прокуратуру запрос. Ему документы, свидетельство о смерти на Муслима надо... – от таких вестей Наташа потерялась. Что делать и говорить, она не знала и смотрела Изольде прямо в глаза, в надежде на помощь. – Сидел бы сейчас Муслим на зоне, так был бы жив.

– Я сама виновата, испугалась сильно.

– Не испугалась, а запугали тебя, преследовали, принуждали, хором драли. Вот что надо громко и уверенно говорить. По иностранному... «ха-рас-смент» называется, – на выдохе по слогам разложила чужое слово Лиза.

– А сам он что, не может запрос написать?

– Не может, потому что предателям и родителям предателей в армии доверия нет. Он у комиссара уже был, ругались они. Обидчик твой иностранцем стал, воевал за НАТО, наших пачками убивал, так отец его сказал.

– Он угрожал тебе?

– Нет.

– А про меня что говорил?

– Ничего, говорил: «Женщина, не бойся, мы тебе мстить не будем. Не будем судить мальчиков по нашим обычаям и закону. На войне свои законы».

– Я ему: «Какая я тебе женщина, женщины твои в ауле. Меня Изольда Анатольевна зовут. Забыл или язык не поворачивается?!» В общем, я поняла, что у них везде свои люди. Там, со стороны ВСУ, говорят, что пропал без вести. Здесь кто-то видел и достоверно знает, что Толя убил Муслима. У нас по пленным документы не дают. Он хочет, чтобы мы поехали и добыли уголовное дело или выписку об убитом. На основании этого документа он сможет получить свидетельство.

– Далась ему эта бумага.

– Его не бумага, его имущество, наследство интересует. У Толи за душой кроме долгов и тебя с детьми ничего нет, а у того умотаться, – Лиза указала рукой на кого-то там, наверху.

– Деньги предлагал?

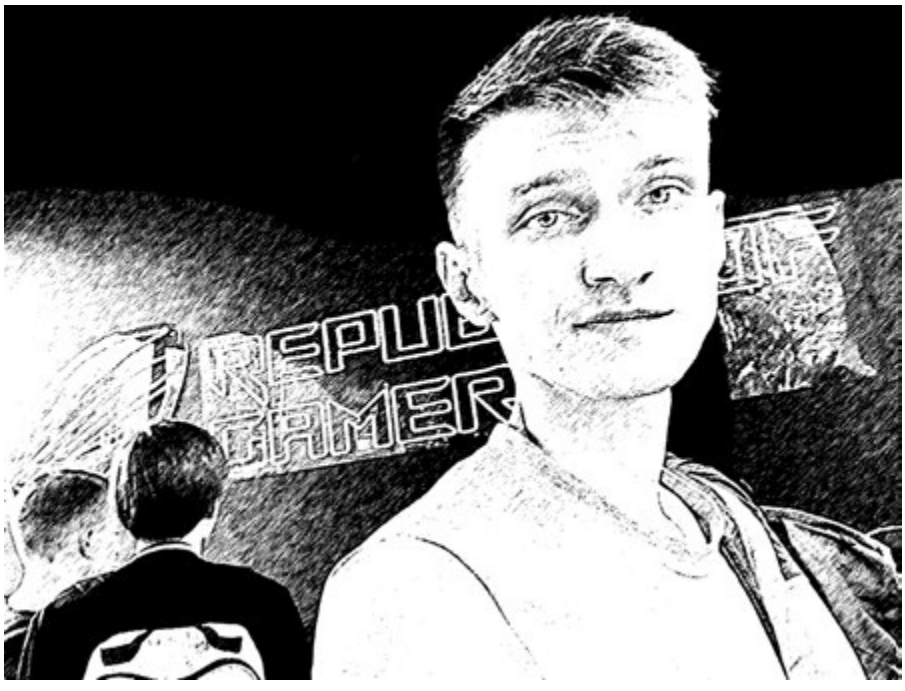
– Кому и за что?! Говорил, дорогу оплатит, машину с водителем может дать. Деньги они считать умеют лучше нас с тобой.

К зданию комиссариата Изольда с Наташей подъехали на такси. Вокруг тихо, пусто, все таблички на прежнем месте.

– Сегодня у них день работы с документацией, а нас примут, я договорилась, – пояснила Лиза.

Кабинет военного комиссара удивил Наташу крашеными салатной краской стенами, убогой мебелью и высоким, более трех метров, потолком. Она усадила детей на старый с прямой спинкой диван. На куртке начальника прочла фамилию «Старовойтов», имени не было.

– Характеристику из части на вашего контрактника я получил хорошую. Пишут: отличный специалист, исполнительный, бережно относится к технике,

Анатолий Бирон (Рут) – компьютерная графика, Сергей Мартьянов

направлен в гарнизонный суд, находится под арестом, за что именно, не пишут, – подполковник обращался к Изольде Анатольевне, как старшей по жизни и семейному званию.

– Вот нам туда и надо, в гарнизонный суд успеть на заседание, потому что у нас есть информация. Она открывает особые обстоятельства. Мы доберемся самостоятельно. Предписание нам сделайте, командировку и пропуск на территорию гарнизона.

– А взвод мотоциклистов с пулеметами вам не нужен? – шутка Старовойтова повисла в воздухе. – Пропуск на территорию вам может выписать только суд. Командировку, вы понимаете, я дать не могу, потому что вы не являетесь сотрудниками комиссариата. Но допустим, вас допустили до участия в суде. Что вы можете сообщить по существу дела?

– Валентин Судаков, Валентин Иванович, черноморский моряк, участвовал в обороне Севастополя, попал в плен, в концлагерь и бежал оттуда. Освобождал Берлин уже в составе штрафного батальона, – Изольда говорила стоя, представляя перед собой в лице подполковника гарнизонный суд. – Батальон на передовой оказался без связи. Командир послал одного бойца на линию. Он не вернулся. Послал второго. Он не вернулся. Послал Судакова. Валентин быстро двигался вдоль провода, и когда поднялся на пригорок, то в ложбинке увидел немцев, человек двадцать. Они его заметили. Деваться было некуда, и Валентин с криком «Ура-а!» бросился в атаку. Одного немца уложил из своего ППШ сразу, потом второго, который попытался скрыться, прошил вдоль спины, а остальные, сбившись в кучу, орали: «Гитлер капут!» Среди немцев была девушка с длинной косой. Немцы объяснили, что она и ее парень – жених и невеста, у них свадьба. В концлагере Валентин научился немного говорить по-немецки и объяснил немцам, что они его пленные, что за ним, за спиной идут войска и заберут их с линии фронта, а у него есть дела, приказ. Валентин восстановил линию связи, и так как он трое суток не спал, то уснул сразу возле провода. Когда он проснулся, настали сумерки. Судаков пошел обратно в свой штрафбат. На пригорке, под которым взял в плен немцев, окапывалась батарея. Валентин оглянулся и в ложбине увидел груду тел. Артиллеристы расстреляли всех его пленных. Валентин бросился с кулаками на командира батареи, мол, ты что творишь, расстрелял моих пленных, я им жизнь обещал! Командир достал свой пистолет и сказал, что застрелит его здесь, до кучи с фашистами... Фашистов надо давить, убивать... – Изольда остановилась от удушающего спазма.

– Ну и что, к чему это. О войне либо хорошо надо говорить, либо никак. Там такое случается, что люди всю жизнь пытаются забыть. Вы взрослый человек и меня понимаете.

– Я главное не сказала: рассказ я слышала от деда Вали, и его правнук Толя с детства знает от меня эту историю. Пленных он убивать не будет. Толя не из тех, кто убивает пленных. А его в этом обвиняют.

– Ну-у, вы и я, мы не знаем, в чем его обвиняют, и не надо гадать. Там могли не заметить несчастного случая или замять с понижением в звании. Проблема другая – странный он парень. Командир части сказал, что Рут пришел к нему и доложил, то есть признался в убийстве или оговорил себя? Надо разбираться.

– У него особые причины. Мы для этого и пришли, чтобы рассказать, – Изольда жестом показала Наташе, мол, вставай и выкладывай.

Из рассказа Наташи подполковник Старовойтов понял, что случай обычный, и жизнь в городе не меняется к лучшему. Хозяин торговой точки предъявил Наташе недостачу в немыслимом для нее размере. Муслим обещал уладить проблему, если она будет сговорчивой. Девочку развели на пустом месте и опустили до положения групповой девки. Спас Наташу отец, закрыл ее дома. Естественно, вышибать из отца несуществующие долги никто не пытался. Потом из армии вернулся Бирон, и жизнь у Наташи стала налаживаться.

Старовойтов посмотрел на детей. Девочка уснула на диване. Мальчик лежал рядом, не спал, глазами следил за комиссаром, взгляд колючий. «Чужой. Оберегает сестренку, ее сон», – понял подполковник и разговаривать с ребенком ему расхотелось, а любопытно Старовойтову было, понимает ли мальчик, кто его отец?

– Похож? – спросил подполковник.

– Не очень, на отца моего больше похож. Они дружат.

– Был запрос, и я отправил личное дело вашего сына в гарнизонный суд. Там написано, что его дед, Анатолий Александрович Королёв, судим за убийство вашего мужа... – Старовойтов оборвал фразу, оттого что Изольда энергично остановила его умоляющим жестом. Комиссар не сразу нашел поворот для продолжения беседы. – Я ищу убедительные зацепки для представления, чтобы вас допустили в процесс, но не советую ехать. Вы можете навредить сыну.

– А сколько ему могут дать?

– Во-первых, ваш сын и муж может потерять контракт. Для семьи это важно, потому что ипотека. Могут дать срок, что неплохо, жив будет. Или отправить в штурмы... В худшем случае выплаты по ипотеке возьмет на себя армия. Могут в дурку списать, многих такой вариант устраивает. У него есть выбор, а у вас нет. Родственники армии не указ. Повлиять на суд вы не сможете. Советую внимание не привлекать, не шуметь, в соцсети ничего не выкладывать. Само в срок образуется. Кто умеет – молится, кто не умеет – надеется.

– А этому, отцу Муслима, что надо? – спросила Изольда.

– Что надо, того нет. Он деньги пасет. За него не волнуйтесь, свое не упустит.

IX

Вернулись в квартиру к Наташе на такси. По дороге Изольда взяла бутылку крымского вина. Праздника невестка не ожидала. Фраза комиссара о том, что дед Толи убил его отца, крепко зашла в мозг, но она чувствовала дистанцию и задавать вопросы не смела. «Само собой в срок образуется», – слова комиссара ей запомнились, и Наташа решила: «Буду как он, на тормозах». Она приготовила сосиски с макаронами для детей и выставила на кухонный стол два стакана, детские, с красными ягодами. Наташа знала, Изольда сосиски не будет. Сама она обычно доедала за детьми, и ей хватало: мать так научила, сказала: «А ты ничего не готовь впрок, а то растолстеешь».

– У меня есть курица, она мороженая, и ее надо готовить, – сказала Наташа.

– Не надо, потом приготовишь, включи телевизор, – попросила Изольда.

Наташа включила телевизор и отдала пульт Васе. Он быстро нашел интересные для себя и Лены мультфильмы, и с тарелками дети ушли в другую комнату.

– Может кашу сварить, овсянку? Она быстро варится, – Наташа нарезала сыр, белый хлеб, стряхнула крошки в раковину и спросила: – Толя знает?

Вопрос сорвался неожиданно, но не для Изольды. Она знала ответ и не торопилась, размышляла. Лицо ее от этого потеряло подвижность. Мысли были столь глубоки, что не отражались ни в глазах, ни в уголках губ, которые сжались до состояния «куриной жопки». Наташе сделалось смешно, настроение скакало с черной полосы на белую до того резво, что по ногам побежали мурашки...

– Толя не знает. Я ему сказала: «Бирон за границей кралю нашел, но я думаю, он увел хорошие деньги и скрылся. Многие так делают. Зачем ему сын и жена? Мы для него обуза и хвост, по которому его можно вычислить». Я квартиру сразу на другую область поменяла и отношения с родней Бирона прекратила. Переехала и думала: «Детдомовские живут, и я такая буду». Здесь родственников у нас с Толей нет.

– И он поверил?

– Больше не спрашивал.

– А Королёв, ваш отец, правда в оперном театре инженером работал? – Наташа говорила тихо, боком и отвернувшись, а Изольда и не искала у нее сочувствия.

– Это правда. У нас сад был с домиком. Отец его из декораций собрал, на фасад щит с гербом прибил. В огороде щеголял в театральной шляпе с перьями. Домик с колоннами соседи «малым театром» называли. Там артисты собирались и куролесили... За убийство Бирона отцу одиннадцать лет дали. Он семь отсидел и умер. За него выпить надо. Я часто его навещала, посылки возила, тайно от Толи.

Изольда налила по второму стакану, выпила, подвинула к себе тарелку Лены с недоеденной сосиской и замолчала. Возможно, она потеряла сознание или, наоборот, ей открылась ослепительная бездна, в лучах которой Изольда не видела собственного тела и не стыдилась наготы. «Душа не имеет одежды, без одежды можно жить вечно», – это была надпись на воротах в бездну. Изольда очнулась, когда полностью очистила тарелку. В глазах стояли слезы, через минуту они потекли ручьем. Вывернутая, кривая улыбка перекосила лицо, которое стало детским и глупым. Лиза тужилась и не могла разродиться рыданием, и когда сквозь удушающие спазмы голос вырвался наружу, то Наташа услышала второй голос. С громким ревом в кухню явилась Лена, следом за ней Вася и они кинулись к бабушке, утешать ее и сочувствовать.

Ранее Изольда не плакала, во всяком случае, Наташа такого не видела. Утешать взрослых и старших ей не приходилось, поэтому проявить сочувствие к свекрови она не сумела и молча ожидала окончания эмоциональ-

ного срыва. Когда паузы в плаче стали увеличиваться, Наташа распорядилась:

– Дети, пора, надо одеваться. Мы пойдем Лизу провожать.

Солнце опустилось ниже облаков. Длинные тени умножали количество домов и деревьев. Перистое небо потемнело, сделалось сизым, сизокрылым. В ожидании вечера городской пейзаж загустел длинными, вытянутыми с запада на восток тенями. Время мягкой, влажной акварели ушло. Только яркое, вязкое масло, которым художники красят громкие, похожие на симфонический оркестр холсты, могло передать состояние Изольды. В часы пик количество пешеходов, машин и опавших листьев радовало сердце.

– Какая красота! Какая красота! А воздух, чистый, прозрачный, – сказала она.

– Да, – согласилась Наташа.

Они свернули с улицы на детскую площадку. Вася и Лена устремились на горку. Наташа присела на лавочку и закурила.

– Ну и что. Ну и ничего, – сказала Лиза.

– Что ничего?

– Не надо ничего делать. Пусть идет своим чередом.

– Мы не поедем на суд?

– В природе всё само собой стремится к равновесию. И не надо будоражить. В рублях и штуках мы не более опавших листьев под колесами. Мелочь.

– А я бы поехала. Помните, Толя говорил: как квартиру получим, третьего родим. Он так хотел. Я бы поехала за третьим, вдруг свидание дадут, разрешат. Там же нормальные люди.

– Про то, что в военкомате услышала, про отца моего, никому не говори. Не надо. Толя узнает, может погибнуть, сама понимаешь его положение.

– Он на суде из личного дела узнает, а может быть, уже узнал.

– Этого я боюсь, поэтому и ехать струсила.

– А что там написано?

– Написано обычно, что в таких случаях пишут. Во время распития спиртных напитков в садовом домике конфликт между тестем и зятем завершился убийством. Ну и прочее. Ну, ты не думай, что отец у меня такой. Я не могла тогда никому рассказать, о том, что произошло. Толя маленький был, и тяжело, ты не представляешь, как тяжело жить. То, что я тебе скажу, ты никому и никогда, ни родителям, ни детям, даже после моей смерти.

Дура я дура. Бирона любила, как сумасшедшая. Всё ему и для него. Толя, слава богу, на него мало похож, можно сказать, совсем никак. Бирон меня этим попрекал, когда ругались. Бирон красивый. Не так, чтобы модельная внешность. Нос короткий, щечки пухлые. Он брал манерами, одеждой. Крем, духи, брился тщательно, в салоны косметические ходил. Бирон работал в маркетинге, я в бухгалтерии. По должности ему надо было соответствовать генеральному уровню. Я ему сорочки на каждый день, брюки гладила, ботинки мыла, как президенту. Представляешь, Бирон научился с акцентом разговаривать, как европеец, чтобы фамилию оправдать. Вилку в левой руке держал. Сама понимаешь, женщинам холеные нравятся. Хорошего о нем скажу: не матерился и не дрался. Что на выездах творил, одному богу известно. По слухам, он там на проститутках в основном упражнялся. Ревновала без меры и сцены устраивала, по карманам шарила и следила. Соседи по саду тогда сообщили, что он с девкой в домике. Я нагрянула, и правда! Девка огородами бежала, а у меня всё внимание на нем. Попался, подлец! В белый спортивный костюм вырядился! Задушила бы гада, так во мне всё вскипело. Схватила палку какую-то, хотела огреть, а в домике не развернуться, и я пихнула его в грудь. И тут только почувствовала, как оно о пол брякнулось, что я не палкой, а железным ломом его пырнула. Он лежит, изо рта кровь, сказать ничего не может, захлебывается. Я отцу позвонила. Папа приехал и сказал, мол, у тебя сын и еще молодая, я на зону, а ты скажешь, что я Бирона со дня свадьбы не любил, хотел долбануть, а получилось, что пырнул ломом, а ты нас разнимала. Отец всё так точно разложил, что оно так и сложилось...

Наташа глядела за детьми, вполуха слушала и молчала. Вася играл в догонялки с мальчиками, а Лена копалась в песочнице. И когда Елизавета замолчала, она не обернулась на нее, но подумала: «Зря Толя говорит, что Бироны – солдатская фамилия, она – благородная. Он человека убил и защитил мою и свою честь. Мать мужа не пожалела, хотя она всего-навсего – биронша».

Темное синее небо без звезд и Луны наполняло надеждой и верой в силу круговорота и грядущее возрождение голых ветвей октября. Изольда глазами отыскала детей на площадке и добавила:

– После Бирона я зареклась – больше никаких мужчин. Он мой единственный, и с меня хватит, буду верность ему хранить. Перед ним и отцом я виновна. Отмыться мне уже никто не поможет. Две души загубила и свою, – Изольда показала Наташе открытые пустые ладони. – Забыть не могу. Думаю, он умер оттого, что захлебнулся... Надо было его на живот повернуть...

– Пора идти, темнеет и песок сырой, холодный. Лена может простудиться. – Наташа поднялась со скамейки. – Я хочу к Толе, увидеть его, сказать, что я рядом и его люблю. Это важно и необходимо, остальное нас не касается.

АЛЕКСЕЙ ШИХАЛЁВ

Инженер по специальности «Проектирование, сооружение и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ». Работал в нефтегазовых компаниях (Ямал – строительство объектов ПАО «Газпром», Удмуртия – ПАО «Роснефть»). В данный момент работает ведущим инженером в Центральном банке РФ. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях. Живет в Ижевске.

РЮКЗАК

Я в рюкзак соберу облака
Светло-синих июньских небес.
Будет небо внутри рюкзака.
Синий купол и звезды вразвес.

Будет море и будет река.
Над рекой разводные мосты,
Чтобы ближе сошлись берега.
Будет сердце.
А в нем будешь Ты.

Мне не страшно с таким рюкзаком
Пыль топтать на чужой стороне.
В нем тропинка в родительский дом,
Старый садик при полной Луне.

А еще, по секрету скажу,
Что давно, аккуратно, любя,
В рюкзаке этом счастье ношу.
И кусочек звезды для тебя.

ДЕТСТВО

Старый бревенчатый дом.
Пол, потолок, завалинка.
Кот полосатым хвостом трется о дедовы валенки.
В небе за дальним холмом кони с волнистыми гривами.
На лисапеде верхом детство промчалось счастливое.
Ходит по дому кот.
Чешет боками валенки.
Мир у моих ворот.
Я на пороге.
Маленький.

ОСЕНЬ НА ДАЧЕ

Дремлет пёс у старой ванны.
С веток капает вода.
Желтый месяц плащ туманный
Расстилает у пруда.

Спит оранжевый барбосик
В полусне и наяву,
Загребает в рыжий хвостик
Пожелтевшую листву.

На ходулях деревянных,
Посреди болотных круч
Я иду сквозь плащ туманный,
Я увижу первый луч.

Мне сегодня восемнадцать.
И впотьмах вставать не лень,
Чтоб среди туманов вятских
Встретить новый, добрый день.

НЕ СУДЬБА!

Несли людей автомобили.
Звенел квартирный ключ в руке.
Мы разговоры говорили
На непонятном языке.

Стучались буквы в перепонки,
Летели в уши напрямик.
Бежал трамвай по рельсам звонкий,
Но непонятным был язык.

Ты говорила об искусстве.
Я о машинах говорил.
О том, что радостные чувства
Рождает стотридцатый ЗиЛ.

Что у него стальная шея
И симпатичные бока,
А что из этого милее,
То я не выяснил пока.

Ты говорила про пастели.
Я про цилиндры отвечал.
Вещал о том, какие трели
Поет осям карданный вал.

Свистел о том, какие шпонки
Вставляют нынче в воздухан.
Бежал трамвай по рельсам звонкий,
И ты уехала в туман.

МОЛИТВА УСТАВШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Верую!
Во единого Бога верую!
И город Рим на семи холмах,
Всё из праха и во прах.
Обратится.
Превратится в землю серую!
Верую!
Смоют волны и Венецию, и Геную.
И Троя старая покорится,
Незнакомою единицей.
Тоже ляжет в землю нашу бренную.
Верую!
Истинно верую!
Во вторую очередь и в первую,
Что пошлю работу эту нервную,
Прямо завтра уже наверное.
И хандру,
И настроение скверное,
Навсегда из себя извергну я.

ОКТЯБРЬ

Октябрь переехал в мой дом над рекой,
Раскинул осеннюю грусть.
Стихи шелестит пожелтевшей листвой,
И ветром поет наизусть.

Октябрь переехал и в дымке речной,
На склоне холодного дня.
Туман, собирая в рукав дождевой,
Настойчиво манит меня.

Он эхом заплачет в окрестных лесах,
На ветках сосны вековой:
«Пойдем погоняем задумчивых птах!
Сыграем, Алёшка, с тобой!»

КРИСТИНА ДЕНИСЕНКО

Поэт. Родилась в 1983 году в Донецкой области УССР. Печаталась в поэтических сборниках, литературной периодике, в литературно-художественных журналах. Автор девяти книг. Победитель, лауреат, дипломант ряда поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей. Живет в городе Юнокоммунаровск (ДНР, Россия).

ЯБЛОНЬКА

— Ба, скажи, о чем ты грустишь порой
даже летним днем?
Белых облаков табор удалой
нем, как ты. О чем
говорить нет сил, и молчишь навзрыд
с яблоней в саду?
Отчего рука тонкая дрожит?
Плачешь почему?

Между вами связь? Яблоня, июль,
солнечная гладь...
Я под старый ствол ей попить налью,
буду потакать,
слушать, как листвой ясный день шуршит
в нежности лучей...
Грустная моя, я ее, как ты,
научусь беречь.

Яблоню. Весь сад. Вымерзший орех
во второй листве.
Иву у реки. Сосны вдалеке.
Славного славней
тихое село Родины в красе
буйных красок дня...
Ба, скажи-ка мне, где соседи все,
правду не тая.

Их крыжовник цел. Я пойду сорву.
И бегом назад...

— Не ходи туда, не топчи траву.
Сколько повторять?
Там снарядов рой затянул пырей
сетью накидной.
Родина в беде... Яблоньку полей,
битую войной.

НЕПРОШЕНЫЙ СНЕГ

Отражение тянется к солнечным бликам,
К запорошенной снегом картине двора.
Даже снег возвратился и заново выпал,
Будто я по зиме тосковала вчера.

Будто свечи палила из желтой вощины,
Чтобы снег возвратился живым с СВО,
Или кот грустных глаз не сводил благочинно
С хлопьев снега, штурмующих наше окно.

Снег вернулся. Ворвался метелями в город.
Будто с минных полей отпустили на час,

На рассвет, на апрельское утро, в котором,
Будто слёзы на стёклах, снежинки скользят.

Отражение смотрится призраком в душу,
И молчит громче взрыва кассетных ракет.
Почему ты, как снег, с СВО не вернулся?
Почему сообщений две вечности нет?

Не сойти бы с ума, не писать бы стихами
Про непрошеный снег и незваную боль...
Возвращайся живым. Я тебя умоляю,
Будто снегом, тобой любоваться позволь.

ТЫ ВАРИШЬ БОРЩ

Осенних листьев в мокрых стеклах
Горит садовая вуаль.
Ты режешь кубиками свеклу
— тебя на кубики печаль.

В немом упрямстве тесной кухни
Кипит былой привычкой борщ,
А взгляд, в пустое место рухнув,
Как небо черное точь-в-точь.

Пустые дни, пустые ночи
Опали золотом с берез.
Ты варишь борщ, а есть не хочешь,
И целый мир ни то, ни сё.

Сера и скатерть, и салфетки,
И сжатый воздух в доме сер.
И я здесь появляюсь редко...
У взрослых много всяких дел.

А борщ твой, правда, самый вкусный...
И я приеду как-нибудь
— в свекольной памяти погрузнуть
И душу в детство окунуть.

ВЗРОСЛЫЙ МАЛЬЧИК С ВИШНЯМИ

Жжёт церковная свеча пальцы воском огненным
мальчику с медалями.
Смотрит он, как ласточки приземлились дронами,
и лучами алыми
мёртвый город тешится в тишине расколотой
на покой с волнением,
и закат передовой почерневшим золотом
в дрожь бросает нервную.

Мальчик в мамины глаза окунает горести,
окунает радости.
Видит в пламени свечи, как из снега строили
крепость, и как прятались,
как играли в снежный бой на соседней улице
в вечно мокрых варежках...
А теперь война войной, и в окопах углятся
эпизоды страшные.

Он герой своих времен, взрослый мальчик с вишнями,
человек с оружием,
и известно, как он спит, одному всевышнему,
на ночь взрывы слушая.
В осень канули леса, в непроглядность фениксы,
в бездну перемирия...

Мама тоже свечи жжет, и прижать надеется
к сердцу чадо милое.

МНОГО СВЕТА В МАЛЕНЬКОМ ФУТЛЯРЕ

Не буду говорить о лужах с летними дождями!
О розовых туманах с бренной холодностью гор...
Мой мир как маленький футляр янтарным светом занят,
Когда твои объятия в желании немом
И пламенный июль, и дрожь осеннего шафрана,
И тонкая вуаль зари на иглах белых яхт,
Когда волна, как блюз, то стихнет, то опять нагрянет,
И сонные причалы ноты волшебства хранят.
Когда старинные качели караулят утро,
И южному этюду не помеха мелкий дождь,
И льется свет, и маленький футляр открыт как будто,
Лишь потому что ты по мокрому песку идешь.
Безмолвно. Беспечально. Тенью опустились чайки,
Лавандовую дымку с крыльев обронив на пирс.
Я в крымских кипарисах и в тебе души не чаю,
И если хочешь, завтра в Кафе... тоже мне приснись.

НЕ ЛЮБОВАТЬСЯ КРАСОТОЙ Я НЕ УМЕЮ

Жара безлюдных улиц кажется невинной,
Внезапной шалостью оранжевых лучей,
Танцующих под куполом безбрежно-синим
Шальное танго на канатах циркачей.
То без страховки вниз срываются на город,
Сбивая со святых ромашек аромат,
То замирают в шелковых объятьях кленов,
То достучаться до блаженства норовят.
Лучи! Танцоры вымощенной сеном сцены!
Горчит полынь и клевер медом на губах.
Не любоваться красотой я не умею,
А лето самое красивое — в родных краях.
Где каждый камень мне знаком до сладкой боли,
Где с каждым годом всё тенистей тополя,
Где золото полей пшеничный ветер холит,
И возвращаюсь в детство маленькая я.
Как на маяк. На свет. На эхо летней саги...
И прыгают кузнечики над чередой,
И на оранжевых качелях день качает ангел,
А я... как околдована окрестностью родной.

АЛЕКСЕЙ СЕРЁГИН

Родился в 1973 году в г. Воронеже. По специальности резчик по дереву. Член воронежского клуба поэтов «ЛИК». Стихи печатались в местных изданиях, в литературных альманахах «Пегас», «Мост», «Образ» и др. Лауреат Международной поэтической премии «Образ». Автор книги стихов «Полутени».

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Весь день дождем пропитан,
пронизан и пробит,
Как огненный напиток,
вода в ручье кипит.
И туч кровоподтеки
бросают капли вниз,
В бурлящие потоки
упавших с неба брызг.
Слезинки настроенья
нахмурившийся день
Роняет на строенья,
на лес — куда не лень.
Оплакивают землю
небесные жильцы.
И книзу гнутся стебли
от водяной пыльцы.
День, никому не нужный,
потерянный, ничей,
Из поднебесной лужи
Уносит прочь ручей.

ЕЩЕ ОСЕННЕЕ

Полит дождем, гонимый ветром,
Угрюм осенний пешеход —
Насупленно, нетерпеливо
Своей дороги с каждым метром
Конца с теплом и светом ждет.

А я походкой торопливой
Шагаю весело за ним,
Поскольку мной сезон дождливый
За что неведомо, любим.

Идем сквозь взвешенные капли,
Что будто ягоды рябин,
Он — рысью, я — шагами цапли...

Идем и истины не ценим,
Что льется нам дождем осенним.

ПОДРУГА

Внутри меня живет она —
Моя подруга.
Пусть нет ее вокруг меня,
Но в центре круга
Она, пульсируя, живет
И внутрь себя меня зовет.
Моя надежда
Везде — куда б я ни пошел —
Владеет всей моей душой.

Снаружи «я» — одежда...
И мной себя обременя,
Без спора или боя
Она собою делает меня,
Меня — собою...

Внутри меня живет она —
Моя невеста.
Теперь другим вокруг меня
Нет места —
Она, глиссируя, скользит
И легким ветерком сквозит,
Моя навеки,
Всегда во мне, всегда со мной,
Я ей принадлежу одной.
Сомкнувши веки,
Ее вовнутрь запустив,
Хожу по кругу,
Баюкаю под свой мотив
Ее — подругу...

ХРУПКИЕ СЛОВА

Мягко ложится снег.
Твердой корочкой — наст.
Тверди земной нет,
Лишь ледяной пласт.

Первый несмелый след
В белый впечатан мех.
Тусклый дневной свет —
Как невеселый смех.

Слышится каждый день,
Лишь упадет тень,
Тонкого льда хруст.

В небе, среди туч,
Бледного солнца луч —
Слово немых уст.

ГРАВИТАЦИЯ

Сними очки, и тут же ровная дорога
К ногам твоим подобие порога
Или поребрика подставит сей же миг...
И только шел — а уж к земле приник.

Кто их придумал? Приключений враг!
Очкарик зряч — не упадет в овраг,
Он избежит препятствий и преград,
Не научившийся — чему он будет рад?

Влюбись в паденья и разбитые носы,
Расплывчатости посвяти часы,
Воспринимай паденья как сюрприз
И воспаряй душой, упавши вниз.

***
И вот все зимние настройки
Летят вперед похлеще тройки,
Вдали уж зимний облучок,
По мостовой бьет каблучок.

Вмещает воздух марта звуки,
Не мерзнет нос, не зябнут руки,
Острей весной и зорче взгляд,
И легче шаг и дам наряд.

И снежные бинты и ваты
Забыты будут, ибо сняты,
И совершенно без труда
Любовь нахлынет, как вода...

ЛЕТНЯЯ ЗАРИСОВКА

Дождусь дождя, до жажды жадный.
Пусть небо нити Ариадны
Для теплых капель тихо вьет,
Хоть столь недолог их полет.

Приятна воздуха прохладца...
Нельзя тут не залюбоваться:
Июль — и тучи слезы льют,
Храня под крышею уют.

Ведь летом дождь необычайный
Наполнен ароматом тайны...
Пусть неба нити их хранят:
На рану — йод, но рано — яд...

***
Тебе не до меня — медовая истома
Меняет цвет небес, пленяет дном теней
Мрак ночи ясность дня. Я ухожу из дома
И вижу цвет невест, но белизна темней.

Не до меня тебе — до кренделей небесных
Тебе (не то что мне) теперь и дела нет —
До маленьких побед героев неизвестных,
Планет среди камней, каменьев средь планет.

АВГУСТ

Он тронут увядания огнем.
В нем осени рождается начало.
Им желт цветок, им сойка прокричала.
Он становился меньше с каждым днем...

А утром август рвался прямо в окна
И говорил со мной наедине,
В глаза бросался, чтоб застыть на дне,
И в жизни ткань вплетал свои волокна.

Он начался — я не заметил как —
И вот кончается — а я и не заметил...
Ночами черен был, а днями светел,
Но будто бы в себе нес тайный знак.

И августу — периоду жары,
Сезона летнего венцу, апофеозу —
Пишу стихи, а не слагаю прозу,
В обмен на щедрые его дары.

ФОРТЕПЬЯНИЦА

День — пьяный музыкант — на фортепьяно жизни
Играет кое-как и путает лады,
Хоть инструмент в его руках безукоризнен,
Да только в голове его сегодня дым.

Он бьет по клавишам бесстрастно и бесцельно,
Но — воля случая — он гениально бьет.
Ах, фортепьяница, куда тебя ведет
Дорога пьянства и похмелья?
Что в музыке твоей — паденье или взлет?

***
Не суете, но звуков сонму
Отдать себя в дождливый день...
Неспешным, даже полусонным,
Блуждать совсем в иной среде,

Иного вторника наполнясь
Строением, в иной четверг
Вторгаться, ощущая вольность
Непребывания нигде...

Но — с кем-то, а не в одиночку...
Но — с кем-то, пусть не в такт, дыша...
И непоставленную точку
Найти концом карандаша...

***
Солнце заглядывает в прогал меж туч.
Если задуматься, каждый из нас летуч,
Если задуматься, каждый и бел, и ал,
Каждый из нас заглядывает в прогал.

Что же мы видим? Если смотреть с небес,
Всякие мелочи приобретают вес,
Но притяжение действует, лишь пока
Мы не поймем, что глядим чересчур свысока.

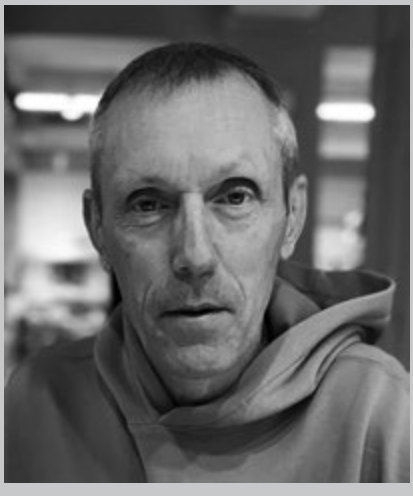
Если же нам меж туч поглядеть с земли,
Если задуматься, что бы мы сделать смогли,
То притяжение будет тянуть нас вниз,
В сумрачный мир поднебесных — земных — темниц.

***
Теперь четыре лишь недели,
И год опять себя разделит
На ту же зиму и весну,
И холод отойдет ко сну.

И снова с наступленьем марта
Мне в руку ляжет счастья карта,
И посулит успех игра,
С плеч снова свалится гора...

Растает снег, исчезнут тучи,
И головная боль не мучит,
Событий бурная река,
И смысла верная рука...

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

Стихи начал писать после школы, когда создал с другом музыкальную группу «Кристобаль Хунта». Родился и живет в Кишинёве.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Каждый день ровно в полдень,
Будь то в жару или в слякоть,
Она ждет в китайском кафе напротив —
Над предсказаниями шутить и плакать;
Из печений, что еще не преломили мы.
Принимая свое бессилие.

А затем гулять, маршруты меняя,
По тропам знакомым и снова неведомым.
Представляя, как в прошлом были у края.
И после сна вспоминая обеденного,
Что в будущем с нами сталось.
Принимая как есть усталость.

Ночь всё расставляет по полкам
Меж книг пророческих и сказок о Боге,
Просто бросив сны, как осколки,
Под наши танцующие в ритуале ноги.
А утром похмелье со сроком давности
И отделение сна от реальности.

СНОВА ЗНАЮ

А может, просто поговорить о вечном?
Выкурить трубку, заварить вкусного чаю.
Побыть сегодня слегка беспечным.
Я в этом, признаться, души не чаю.

Не ходить сегодня туда, в люди.
Не использовать это пустое «здрасьти».
Положиться снова на «будь что будет».
Только это, пожалуй, в моей власти.

Подперев щёку, подождать чуда.
Зажмурясь, подставить лицо моменту.
Повернуть вспять — из «никуда» в «ниоткуда».
Тот же смысл. В смысле, смысла нету.

Чай остыл, трубка — тоже. Вечер.
На полу солнца лужа тает.
Тишину в сердце крыть нечем.
Да и не за чем. Снова знаю.

***

Не под влияньем крепких вин,
И не банально утром в душе,
Когда не для того, чтоб слушать,
Поешь ли ты, когда один?

Когда от прошлого руин
Наутро только дым и пламя.

Когда в тазу стираешь память,
Поешь ли ты, когда один?

Без смысла и первопричин,
Тебя за руку вдруг приведших,
А так. Как будто сумасшедший,
Поешь ли ты, когда один?

БОГ ВОЙНЫ

Явился мне ночью Бог.
Войны, если быть точным.
Без рук явился, без ног.
На Бога похож не очень.

В разводах дерьма и мочи.
На шее петлей знамя
Войны. И молчит, молчит.
Как будто о чем-то знает.

Как будто он, если б мог,
С пронзающим суть звуком
В молитве сложил руки —
Войне подвести итог.

Но рупор беззубый молчит.
Пустые молчат глазницы.
Лишь только фонарь в ночи
Порой освещает лица

Прохожих. Кто свой, кто не свой.
Бредущих без мысли, без слова.
Мы с Богом за ними. И снова
Я — мертвый. А он — живой.

КАПЛЯ

Я — капля и океан.
Волна, прилив и течение.
Водоворота дней караван
По дороге из тьмы в забвение.

Я шторм, и цунами я.
Слеза между дней ладонями.
Соленая, как океан.
И такая, как он, бездонная.

Я — ливень. И я — роса
На краю ресниц сновидения.
Испаряюсь на небеса
Без прошлого высохшей тени.

Я лужа, и брызги я.
Разбитый на отражения.
Где подлинник, а где копия?
Я — сам себе опровержение.

Сок древа и липкий пот
Контролю я неподвластный.
Хотел, чтобы наоборот,
Но лежа мечтать опасно.

Я айсберг и хрупкий лед.
Не факт, что к весне растаю.
Кто там, под водой, живет,
Затерянный в рыбьей стае?

***

Тянутся зимы дольше.
Город у окон дремлет.
Где-то уже над Польшей
Птиц щебет треплет ветер.

Утром весна на крышах
Нежится до полудня.
Держит как можно выше
Время спускаться к людям.

Улицы — гончих свора;
Город ведет охоту.
Только уткнутся скоро
В собственные ворота.

Кошкам известно больше;
Мудрость немного злая.
Свита из певчих кошек
Март бережет от лая.

Птицы пропавшим паззлом,
Где-то на видном месте
Вдруг запоют все разом.
Та еще будет песня.

МЕЛЬНИК

Я понимаю... вроде,
Росточком по голень птице.
Мыслями-то уродлив,
Но мысль с мечтою разнится.
Хочется в робу мельнику
Водкой слегка поплакать.
Не то чтобы рвать тельник...
Правда, она не плакатная.
Правда — она простая,
Прячется в животе и
Ждет, чтоб с попутной стаей
Слов и слогов бездетных
Снег заблевать изватный
Бешеной пляской шланга.
Мельник, он ведь не Ванга,
Ему настоящего хватит.

***

Может, еще обломится
Мне хоть краюха счастья...
Кротость уж за околицей
Вертит слюнявой пастью.
Ночью случайным путникам
Да перелетным птицам
Мысли кричит распутные —
Эхом опохмелиться.

Я не питаю домыслов
Временем и удачей.
Плюну судьбе без совести
В рыло свиное смачно.
Вором возьму заветное,
Ножичком жизни к горлу.
Нынче разбойным методом
Мне веселиться впору.

СЕРГЕЙ ПАГЫН

Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Автор шести книг стихотворений. Лауреат и дипломант Международных поэтических конкурсов. Лауреат премии журналов «Дружба Народов» и «Наш современник. Родился и живет в г. Единцы (Молдова).

***

Стали птицами скорбные свечи,
улетели в далекие сны.
И теперь — угасание речи,
и широкий наплыв тишины.

Но и в ней затаились до срока
вьюги шум и ночная гроза.
В тишину залетает сорока,
обживает ее стрекоза,
прорастает в ней яблони семя,
и ручей принимается течь...

Возникают пространство и время,
и опять начинается речь.

***

Я говорить пытаюсь всё ясней...
Но если, смолкнув, заглянуть в начало,
то сколько было жизней и смертей,
чтоб речь моя сегодня прозвучала.

И сколько было отчей тишины
и шума в кроне древа родового,
чтоб смутные наития и сны
прозрачней стали, обратившись в слово.

Я говорю, смотря на зимний сад,
в движенье веток различая лица.
И мертвые со мною говорят
травой под снегом,
горлицей,
синицей.

***

Л.Б.

Это жизни сквозняк продувает меня.
Я — как дверь посреди потускневшего дня,
посреди опустевшего поля.
Прошмыгнула синица, солома летит...
И предчувствием чуда так остро сквозит
и так сладко, что даже без боли.

ЯБЛОКО НА ВЕТКЕ

Опушённый инеем зрачок,
воздуха живая роговица.
Что ты видишь, яблоня?
Молчок.
Мне потом, наверное, приснится:

зимний ветер, полуспящий сад,
я, с охапкой хвороста стоящий,
и вот этот из иного взгляд,
яблочную косточку таящий.

***

Насыплю синичкам корма.
Поставлю на плитку чайник.
Сегодня всё так весомо,
значительно, неслучайно.

И кажется — смотрит кто-то,
и ширится это зренье.
И словно я жду чего-то —
прощания ли,
прощенья.

***

Пространства всё больше, и строже
молчанье большое его.
И бездны заполнить не может
летящей листвы вещество.

И щебет синичий стихает
меж голых ветвей без следа,
когда к ним порой приближает
внимательный лик пустота.

Так песню, бывает, затянешь,
хлебнув по дороге вина,
и тут же замолкнешь, и станешь —
такая вокруг тишина,

что голос твой здесь неуместен,
как в снеге предутреннем гром,
как легкое платье невесты
за скорбным и длинным столом.

***

Если долго сидеть у окна,
можно с ним потихоньку сродниться,
стать прозрачным...
И будет зима
сквозь тебя всё смотреть, и дивиться

раскаленной печурке в углу,
молоку и домашнему хлебу,
прислонившись к живому стеклу,
словно лбом, приомороженным небом.

УТРЕННЕЕ ПОДВЯЗЫВАНИЕ ВИНОГРАДА

Красная лента, белая лента...
Это движение неба и света
в зыбких прорехах листвы виноградной.
Это сплетение лоз над оградой.

Усики щупают воздух и вьются,
тонкие, нежные — страшно коснуться....
Это начало огромного лета —
белая лента, красная лента.

Мама нашла на досуге занятье —
их нарезала из ветхого платья —
платья в полоску, слезу утирала,
может, тихонько отца вспоминала,
может, другое прекрасное лето...
Красная лента, белая лента.

Ну, а теперь они словно из сказки —
эти ее дорогие завязки,
словно из праздника давнего это —
белая лента, красная лента...

***

Какая даль стоит за веществом!
Вот яблоко на блюдце жестяном...
Уже совсем не яблоко — зиянье,
а если ближе, то округлый вход
в широкий сад, где яблоня растет,
и всякий лист — открытость и дыханье.

***

Господи, среди каких ветров —
огненных, пронзающих, звенящих —
я латаю ненадежный кров,
груши перекладываю в ящик.

И не знаю, что уже горю,
что на треть из воздуха и света...

Господи, Тебя благодарю
за незнанье будничное это.

***

Лист пролетает по краешку взгляда...
Мне ничего уже, осень, не надо —
птиц голосящих твоих,
долгих дымов, уплывающих в небыль,
снов шелестящих и горького неба...
Я удивительно тих.

Я удивительно пуст и спокоен,
словно зимою бесснежною скроен,
иглами инея сшит.
Строгая даль
и бестрепетность сада.

Лист пролетает по краешку взгляда...
Как же он долго летит!

***

С.Т.

Парижский дождь в молдавском захолустье...
И лето движется к мерцающему устью —
туда, где лес нищает на ветру...
Скамейки у гостиницы районной.
И кажется, что дождик полусонный,
но к нашему слетается двору

Париж, Париж — с платанами Монмартра,
с мостом влюбленных,
с «Тошнотою» Сартра —
реальность расползается опять...
Коктейль в бокале (сок с дешевой водкой),
Камю, Корта́сар — вот модель для сборки...
Но нам теперь лишь камни собирать.

Беречь живых.
Умершим ставить свечку.
И глиной мазать дедовскую печку,
не собираясь в дальние края,
хотя их много, кто туда уехал...
Ты помнишь строчку Се́сара Вальéхо:
«Единственное, что уходит, — это я»?

И мы уходим... меж деревьев вечных,
среди дождей, идущих бесконечно,
бессмертных птиц, поющих поутру,
над бездною несущихся без страха...

И чем мы будем? Пением и прахом
на светлом
несмолкающем
ветру.

ЛИЦОМ К СВЕТУ

ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВЕ

Нина ГАБРИЭЛЯН

Поэт, прозаик, художник, культуролог. Живет в Москве.

(Окончание. Начало на стр.1)

Юрий Александрович Александров (1946–2011) родился в геологической экспедиции, возглавляемой его отцом. Произошло это где-то в степи, на границе Молдавии и Украины. «Свидетельство о рождении» родителям выдали в городе Ананьеве Одесской области. После трагической гибели отца в 1948 году (уже в следующей, дальневосточной, экспедиции), семья вернулась в подмосковный Калининград (ныне Королёв), где Юрий прожил практически всю жизнь, (а последние годы, с 2006 по 2011– в поселке Загорянском, неподалеку от Королёва). В юности, в поисках своего призвания, Александров сменил множество профессий: был учеником слесаря, работал в Московском зоопарке, егерем в Кандалакшском заповеднике, за Северным Полярным кругом... Живописью он занялся в 1971 году, под влиянием сильного впечатления от выставки работ импрессионистов в ГМИИ им. Пушкина. В 1972 году знакомый художник посоветовал ему показать свои работы Отарову. Юрий стал учиться у него частным образом и вскоре стал одним из ближайших учеников.

Это был человек трагического мировосприятия, остро и болезненно ощущающий разрыв между «высоким», как он его понимал, и «низким». Не потому ли в ряде его картин так много разрывов и диссонансов? Особенно, в работах, написанных маслом. Как правило, они мощно «офактурены»: их поверхность слоиста, краска наложена густо и изобильно. Но их цветовое решение нередко таково, что оно как бы «взрывает» картину изнутри, а из этих разрывов и разломов вырываются на волю огненные протуберанцы, рушащие привычные представления о целостности художественного произведения. Поначалу эта особенность александровской живописи меня смущала и даже вызывала ощущение сильного дискомфорта как физического, так и психологического. Хотя у него были и другие работы, тонкие, нежные, гармоничные... Однако со временем, я стала ощущать огромную силу, исходящую именно от «неудобных» и «несгармонизированных» работ Александрова.

Он был человеком идеи. В частности, большим поклонником Владимира Соловьева и Даниила Андреева. Помню, как он чуть было не поссорился с одним нашим общим другом из-за того, что тот позволил себе высказаться о Соловьеве не самым восторженным образом. Он счел это чуть ли не за личное оскорбление. В другой раз, жалуясь мне на телефонный разговор с кем-то, он возмущенно сказал: «Позвонил, переливает из пустого в порожнее. Разве люди общаются не для того, чтобы вместе искать истину?» И был очень удивлен, когда я ему ответила, что люди общаются друг с другом с разными целями – для энергообмена, эмоциональной разгрузки, для того, чтобы получить от собеседника психологическую поддержку...

Бывали случаи, когда он очаровывался человеком, приписывая ему (или ей) многочисленные достоинства. Тем сильнее было его разочарование и яростнее гнев (далеко не всегда справедливый) на того, в ком он вдруг обнаруживал несоответствие своим представлениям об идеале. Подозревал ли он о том, что и сам не идеален? Думаю, что да. Помню, однажды он мне сказал: «Я все время падаю. Но падаю лицом к свету. Может, и в последний раз упаду, но головой в ТУ сторону». Наверно, в ту сторону, куда тянулись сосны на его картине. Нередко он бывал остроумен, артистичен, обаятелен. Его устные рассказы были настоящими театрализованными представлениями. Но за всем этим ощу-

щалось, что в его душевной глубине постоянно совершается какая-то важная и мучительная работа, будто внутри него вращаются какие-то тяжелые жернова, перемалывающие грубую действительность.

Он очень любил и понимал природу среднерусской полосы и легко находил с ней контакт. Слово «стихиалии», то есть одушевленные стихии, почерпнутое из любимой им «Розы мира» Даниила Андреева, было для него одним из ключей к пониманию природы. Писал он исключительно с натуры и в разговорах о живописи непреклонно отстаивал именно этот метод, пренебрежительно отзываясь о работах, написанных «по воображению». Это был один из важных пунктов наших с ним разногласий. Однако высокие травы на его картинах, цветы на длинных стеблях, устремленные в высоту, создавали впечатление, что пишет он всё же не просто физическую реальность, но запечатлевает в цветопластике свой собственный порыв вырваться за земные пределы. Лучшие его работы, по цветовым и композиционным решениям, приближаются к метафизическим, несут на себе отпечаток какой-то вселенской скорби. Таковы, например, его гениальные «Пионы под тучами». В пейзажах Александрова очень много деревьев. Чаще всего они расположены на переднем плане картины: написанные грубо и жестко, они как бы преграждают доступ к тому многоцветному сиянию и мерцанию, которое находится в глубине полотна. Там – рай, здесь – препятствие, решетка.

Это был настоящий мученик идеи. Он страстно жаждал чего-то идеального, лежащего за пределами актуальных возможностей человека. Его жажда «высокого» по силе могла сравниться только с тем отчаянием, которое взрывало его в те моменты, когда он остро ощущал невозможность такой высоты «здесь и теперь». В такие минуты общаться с ним было тяжело. «Мир во зле лежит! – кричал он. – Во зле!» Спорить с ним было бесполезно, лучше было промолчать и подождать, пока он успокоится.

В работах последних лет он всё чаще обращался к образу неба. Но что это было за небо! Грозное, в густых клубящихся облаках, заполняющее собой почти всё пространство полутораметровых картин. Только в самом низу – узкая полоска земли, как бы придавленная этой навалившейся на нее тяжестью. Небо – это была та ноша, под которой он изнемогал.

Он был приверженцем колористического направления в живописи. Испытывал тягу и к экспрессионизму. Его любимыми художниками были Ван-Гог, Сезанн, Нольде. Иногда он резко отвергал живопись вполне достойных художников, которые работали в ином направлении. «Они же ничего не понимают в цвете!» – возмущался он. Доказывать, что понимают, но по-другому, чем он, означало попусту тратить время.

Он был очень чувствителен к тому, как к нему относятся люди. Вспоминается такой эпизод. Мы ехали на машине в Троицк на выставку картин Нади Казачковой и Марины Сергеевой. Машину вела Марина, рядом с ней, на переднем сидении – Юра. Мы с Володей Казачковым – сзади. Юра был в дурном настроении, он сидел, нахохлившись, и мрачно молчал. Понимая, что его лучше не трогать, мы с Володей тихо о чем-то разговаривали. И вдруг Юра резко повернулся ко мне и выкрикнул: «Нина! Ты меня любишь?» Это был настоящий вопль. «Конечно, Юра, люблю», – успокаивающим тоном ответила я. Он повеселел, оживился, подключился к общей беседе. Он очень хотел, чтобы его любили. «Он (или она) меня любит», – говорил он иногда о ком-то из своих знакомых, когда хотел сказать, что с этим человеком у него хорошие отношения. Не просто «ценит», «уважает», «симпатизирует», но именно «любит». В этом ощущалась какая-то глобальная недолюбленность, идущая то ли из его детства, то ли из каких-то иных глубин. Думаю, что ту любовь, которую он искал в людях, ни один человек не способен дать другому.

Сам он порой бывал очень отзывчивым. Где-то в конце девяностых мне пришлось лечь в больницу. Настроение у меня по этому поводу было весьма минорное. И вдруг открывается дверь, и на пороге палаты стоят Юра, Лена (его вторая жена, талантливая художница и поэтесса) и годовалый Максим. Юра тотчас начал рассказывать что-то смешное, Максим отправился обследовать палату, а Лена стала выгружать из сумки продукты. Настроение у меня резко улучшилось. Когда они ушли, кто-то из находящихся в палате женщин сказал мне: «Какая у вас хорошая семья!» И ведь не поленились, приехали в Москву из Королёва. На электричке, с маленьким ребенком!

Он был замечательный портретист. Но особенно поразительны его автопортреты. Он писал их часто, как бы пытаясь познать себя в собственной множественности. Особенно сильное впечатление на меня в свое время произвели два его автопортрета. Один, написанный углем. Или, может быть соусом. На большом листе – вихрь пятен, линий, штрихов, черно-белый хаос, образующий собой человеческое лицо. На лбу, чуть выше бровей – крест. «Где крест? – удивился он, когда я сказала ему об этом. – Действительно. Но я его не писал. Само как-то получилось, мимические морщины так сошлись». Наверно, и вправду, «само получилось». Хотя, возможно, рука художника знает то, что неведомо рассудку. Кстати, он неоднократно рассказывал мне, и не только мне, сон, якобы приснившийся ему в молодости. Будто его распинают на кресте.

Другой автопортрет называется «На просеке». Абсолютно «стихиальная» работа, где лицо художника написано почти в той же колористической гамме, что и береза за его плечом. Только чуть светлее. Человек предстает здесь как часть природы: он то ли проступает из нее, то ли растворяется в ней...

Было бы неправильным сказать, что Александров был напрочь лишен практичности. Иногда он умел завести полезные знакомства. Но не всегда был способен их поддержать. Наш общий друг художник прислал ему коллекционера, потенциального покупателя. Накануне этого визита мне позвонила расстроенная Лена: «Поговорите с ним. Он собирается всё отдать по дешевке, чтобы показать, что он выше денег».

Как я уже сказала, он очень любил природу. Нет, не так! Он не мог жить без природы, вне природы! У него были немало тонких, лирических, светящихся пейзажей... Но были и буреломы, корчащиеся, сражающиеся друг с другом деревья, которые сплетаются, дерутся, бодаются друг с другом. Так и он «бодался» с некоторыми людьми. Возможно, это был его способ ощутить полноту своего присутствия в этом

мире. А, может, сказывался и его бойцовский характер, который требовал реализации и даже в случае отсутствия реального «противника» мог создать его почти на голом месте.

– Вернусь в Королёв, с Ван Ванычем (имя условное) поругаюсь.

– За что?!

– А, найду за что!

Иногда объектом «бодания» оказывалась и я. Правда, это случалось редко. Я занялась живописью достаточно поздно и осваивала ее самостоятельно, без чьего-либо руководства. Живопись стала для меня очень интимным процессом, возможностью удовлетворить свой (свой, а не чужой!) цветовой голод, глубже понять себя, сгармонизировать свои состояния при помощи тех пластических средств, которые были необходимы именно мне в тот или иной момент жизни. У меня не было потребности в учителе. Я не хотела, чтобы кто-то, даже очень талантливый, вставал между мной и той реальностью, вибрации которой я улавливала на интуитивном уровне. Однако Александров, весьма благосклонно воспринявший мои первые опусы, с какого-то момента стал радостно рваться мне помочь:

– Давай я с тобой позанимаюсь. Руки тебе развяжу, глаза промою.

– Хорошо, что не фэйс начистишь! – отшучивалась я.

Но Александров не унимался. У него периодически появлялись ученики, некоторые из них до сих пор с благодарностью вспоминают его уроки. Но я категорически не желала какого бы то ни было вмешательства в мою внутреннюю жизнь. Художники «отаровского круга» частенько приезжали друг к другу в гости, чтобы посмотреть новые работы. На стол ставились скромная закуска, бутылка сухого вина. Мои картины пробуждали у Александрова наставнический пыл:

– У тебя неправильно дано освещение. Здесь у берега должно быть темнее.

– У меня вообще нет освещения, – отбивалась я, – я не работаю со светотенью, у меня другая традиция.

– Какая такая другая?!

– Я иду от восточной миниатюры, там совсем иной принцип!

Чувствую, он начинает заводиться:

– Ты игнорируешь опыт, накопленный человечеством!

– Так! Человечеству больше не наливайте!

И убираю со стола бутылку. Он возмущенно смотрит на меня:

– Я понял, кто ты. Ты... ты... ты – постмодернистка, вот ты кто! Ха-ха-ха!

В его устах «постмодернизм» был одним из самых страшных ругательств.

– Впрочем... – он лукаво смотрит на меня. – Поставь бутылку на место, и я возьму свои слова обратно.

Позже он написал о моей живописи замечательную статью, особо подчеркнув ее отличия от европейской традиции.

Александров высоко ценил дружеские связи. Но нередко дружил и «против кого-то». «Был на выставке такого-то. Так мы с Ван Ванычем ему такого перца задали». По всей видимости, источник раздражения был ему необходим, необходим вызов извне (реальный или воображаемый), он давал ему возможность отструктуривать свою личность.

Иногда мне казалось, что он – какой-то стихийный дух, быть может, дух леса, завороженный открывшимися ему надприродными пространствами и пытающийся прорваться туда наскоком, штурмом, минуя человеческое измерение как недостаточно «высокое». Впрочем, он был весьма начитанным. Мог цитировать наизусть не только стихи любимых поэтов – Пастернака, Бродского, но и целые страницы прозы.

Сколько я его помню, он всегда был в хроническом безденежье. Одет был более чем скромно, почти что бедно. Если даже деньги у него появлялись (а такое случалось, бывали вполне солидные продажи), они у него как-то не задерживались. Как-то раз мы готовились к коллективной выставке. Встретились, чтобы обсудить концепцию. День был холодный и мы – я, Юра и Володя Казачков – решили зайти в кафе, выпить по чашечке кофе.

– Не знаю, как работы оформлять. Совсем нет денег на рамы, – пожаловался Александров.

Я достала из кошелька тысячу рублей. На тот момент это была для меня существенная сумма.

– Юра, возьми.

– Спасибо, – обрадовался он. – Три солянки и графинчик водки. Угощаю!

И замахал моей тысячей. Я лишилась дара речи. Потом отмерла:

– Но я не пью водку!

– Да, – поддержал меня Володя, – мы не пьем.

– А, ерунда, – отмахнулся Александров, – хорошо сидим!

Александров был единственным из моих друзей художников, кто писал картины больших размеров: 150х100, 200х150... Видя их на выставках, я каждый раз недоумевала, где же он их дома держит? Квартирка в Королёве была крохотной. И однажды я это узнала. Он пригласил меня и еще нескольких художников посмотреть его новые картины. В ту пору он работал в городе Юбилейном (соседнем с Королёвым) директором историко-художественного музея. «Я там иногда и пишу, – сказал он, – когда время свободное выпадет. Так что приезжайте туда. Чайку попьем, картины посмотрим». После просмотра картин и обильного чаепития мне понадобилось заглянуть в туалет. Это оказалось довольно-таки просторное помещение, выкрашенное зеленой масляной краской, с одиноким старомодным унитазом времен моего детства, жмущимся к стене: деревянное истертое сиденье, наверху – смывной бачок с железной цепочкой... Не рискуя усесться на сиденье, я осторожно пристроилась над ним и вдруг уперлась взглядом в надпись «Юрий Александров. Весна». А затем увидела и другие картины. Это были огромные холсты, выстроившиеся плотными рядами вдоль стен. И хотя поза моя не располагала к патетическим размышлениям, однако... «Нда, картины в сортире – это весьма символично...» – подумалось мне.

На операцию Александрову скидывались всем миром. Больница, куда его положили, располагалась недалеко от моего дома. Вечером он позвонил мне:

– А меня уже прооперировали, я в палате! Здесь хорошая компания подобралась, такие интересные люди. Только вот я полотенце забыл с собой взять и кружку. Принесешь?

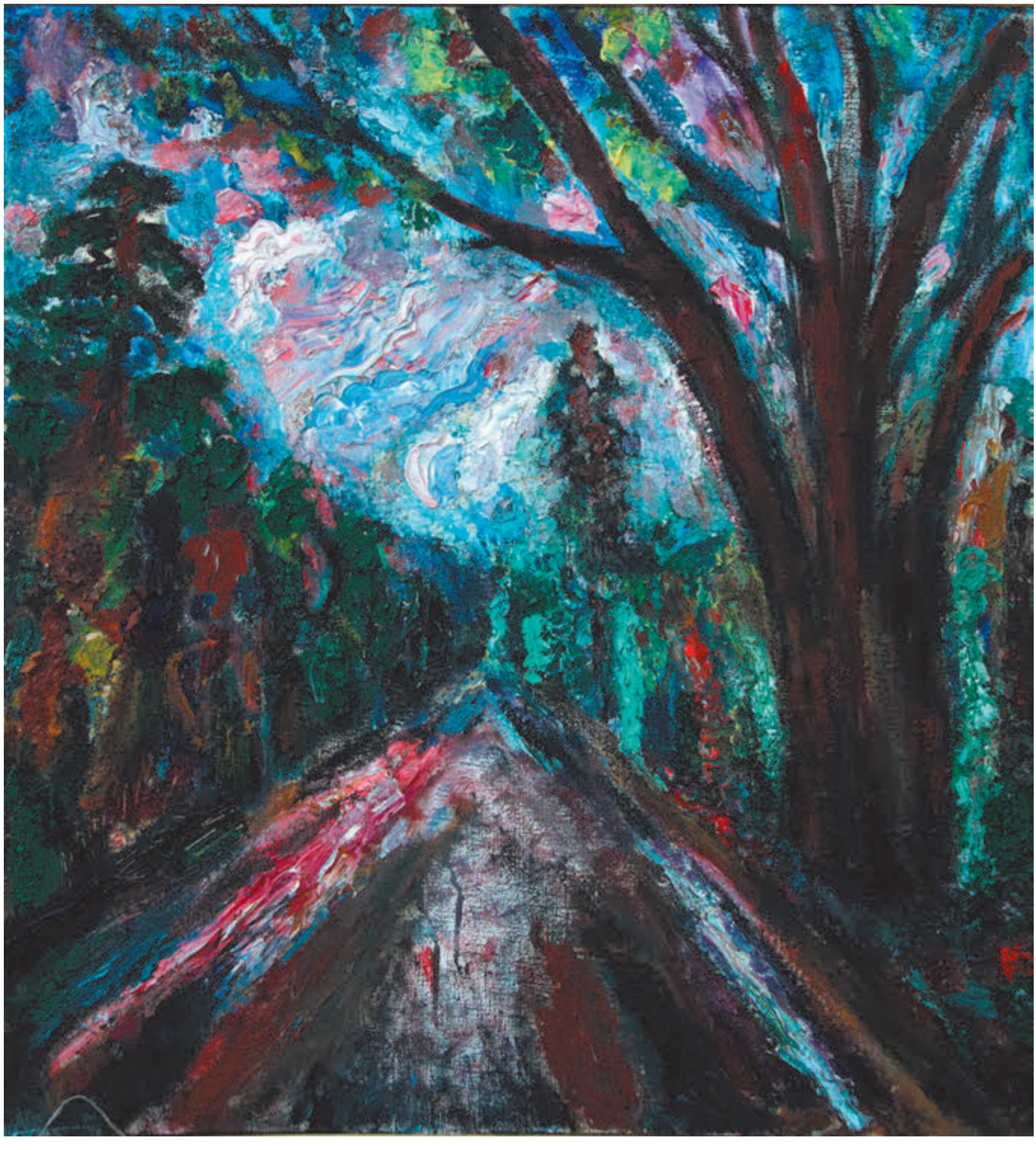
– Юра, без проблем! Завтра принесу.

А наутро позвонила Лена:

– Не надо его навещать, он умер.

Как выяснилось, оторвался тромб, целых сорок минут его организм сопротивлялся смерти. А потом сердце остановилось.

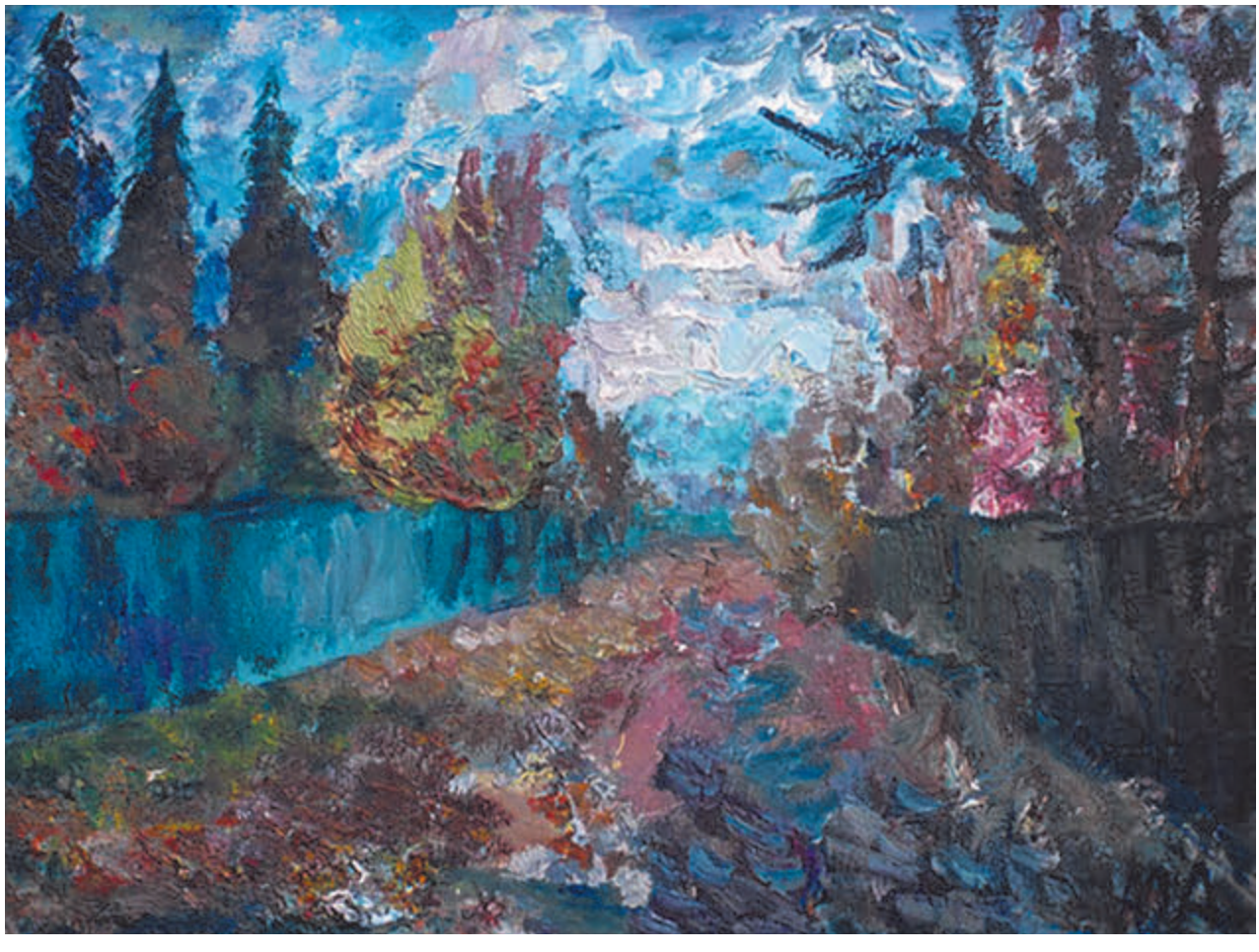
Живопись и пастели Юрия Александрова

Осенняя дорога

Золотой сосняк

Осень в Загорянке

Клязьма у Болшева

Красный март

Вазуза зимой

В Лосином Острове

Туман. Никольское

Пионы под тучами

Март. На канале

Октябрь в городе

СЕРГЕЙ ТЕНЯТНИКОВ: СТИХИ КАК МГНОВЕННЫЕ СЛЕПКИ

Геннадий КАЛАШНИКОВ

русский поэт, переводчик поэзии, литературный редактор. Член Союза писателей СССР , Союза российских писателей, член правления Союза российских писателей. Лауреат премий и конкурсов прозы и поэзии.

Широкоплечий, статный богатырь с уверенным взглядом, крепким рукопожатием. Таков он – Сергей Тенятников, сибиряк, красноярец, поэт.

Таково первое впечатление после знакомства с ним.

Все правильно, первое впечатление не обманывает. Только вот сибиряк-то оказывается непростой. Сергей долго жил в Германии, прекрасно знает немецкий язык. Не удивлюсь, если знает еще какие-то языки. А на немецкий он переводит русские стихи. Это уже высший переводческий пилотаж! Шутка ли – переложить на другое наречие стихи Мандельштама. Сам Осип Эмильевич писал о своих переводчиках:

«И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник».

Не сомневаюсь, что Сергей проникает в душу стихов, которые он переводит, ибо и сам он своеобразный, непохожий ни на кого, поэт, открытый всем ветрам и наречиям. В одном из своих стихотворений он со свойственной ему иронией, лукавой усмешкой пишет:

«Полиглот
утром слушаю африканских птиц.
днем болтаю с персидской кошкой.
перед сном разгибаю пальцы,
считаю по-русски немецких овчарок».

Сергей хорошо усвоил опыт и уроки отечественного авангарда, не оставил без внимания и дальневосточную поэзию.

Разве не слышны отзвуки японской поэзии в его «Бабочке»?

«одно крыло цветущая весна,
другое как увядшая осень.
лишь только чиркнет бабочка
головкой о лепесток –
сгорело лето ее».

Поэтика Сергея Тенятникова сложна и легка одновременно. Больше всего это похоже на рождение плода: цветок, опыление, завязь, созревание и, наконец, сам плод во всей его красе. Все стадии, предшествующие его появлению, остаются за кадром, но они есть, и они работают. В результате стихи – мгновенные слепки с окружающего, слепки мысли, словесные копии впечатлений.

«Железо

«из этого куска железа
получился бы превосходный нож», –
говорит кузнец.

«нет, из этого куска железа
получился бы отличный орден», –
возражает генерал.

«из этого куска железа
уже получился обыкновенный
метеорит», –
молчит небо».

Вот такой стихотворный импрессионизм, явленный нам легко, вроде бы и без особых усилий. Но такая легкость дается только после упорной сосредоточенной работы над словом. А поэт, тем более переводчик, обязан слышать слово, знать его удельный вес, его цвет и запах. И Сергей прекрасно это знает и чувствует.

А главное – он верит: «От нас останутся стихи...» Без этой веры, неважно, оправдается ли она или нет, любое творчество не имеет смысла.

«Я СТАНОВЛЮСЬ СТАРШЕ»

Сергей ТЕНЯТНИКОВ

Поэт, переводчик, видеопоэт. Член Союза писателей России, Академии Зауми и Клуба писателей Кавказа. Победитель фестиваля «Эмигрантская лира», Лауреат литературной премии Фонда им. В.П.Астафьева, Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Автор книг стихов «Остров Гутенберга», «Щекотки», «Граффити в Троянском метро», «Век прошлогодний» и двух книг стихов на немецком. Редактор литературно-художественного журнала «Веси». Организатор конкурса прозы памяти В.П.Астафьева «Здесь вам не Сибирь». Живет в Москве.

* * *

я вышел на улицу,
но на улице никого не было.
и пошел я сам себе навстречу.

* * *

я ехал на такси в таежное село,
в душе моей было предпразднично светло.
я ехал навестить тех дорогих гостей,
не будет больше от которых
ни подарков, ни вестей.
таксист рассказывал то анекдот, то быль,
его слова искрились в солнечных лучах
как пыль.
в тайге сушили медведи мухоморы,
на поле падали зерна пшеницы точно
метеоры.

услышал я: «смотри,
как медленно взлетают свежие гробы...»
они летели в разбитое окно земли,
точно космические корабли,
где межгалактические пчелы разбавляют пустотою мертвый мед,
и бога ослепляет взорвавшегося солнца
черный лед.

СРЕДНИЕ

когда еще не существовало французов
и барокко, не было немцев и романтизма,
и тем более никакой Америки
и капитализма.
когда плешивые путешествовали по суше,
бородатые по воде, рыжие по воздуху.
когда дети играли в Апокалипсис,
а взрослые мазали их сказочной сажей...
книги спали вповалку, дышали пылью
и цитировали рассуждения Еврипида
о богатстве. «и средние будут первыми», —
повторяли книги в полудреме.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

«а вы не могли бы сочинить стихи
о любви?», —
спросили одного поэта
после творческого вечера.
«легче легкого», — ответил тот,
и выплюнул на головы спросивших
тонны лавы и пепла.

* * *

старый ученый аббат
не засеивал рыжую землю.
он дышал. он книгу листал
и молился без свечей:
«поэзия чиста и виноградна.
и богатым будет урожай».

* * *

я снова учусь говорить,
слова повторяю ясно-голубые —
«слова: цветок, ребенок, зверь».
и сознаюсь себе, как перед книгой,
что овес, овчарка и овца
попадут на небеса без пастуха.

* * *

«немного снега и чуточку света».
«чуточку снега и немного света».
«чуточку света и снега чуток», —
переписывал я,
в сотый раз переставлял слова,
наводил порядок,
искал смысл
в неповторимой красоте снежинок,
сиявших на солнце,
и не находил тряпку,
которой можно было бы
протереть эти запылившиеся слова.

АХИЛЛ И ЧЕРЕПАХИ

от кого бежите вы, черепахи?
в прошлое?
в райские кущи?

убежать от Ахилла
в золотой кучерявый век
еще не значит выиграть гонку.

ты же, Ахилл, ходи осторожнее
в сумерках, не споткнись
о задремавшего над книгой читателя.

В ОГОРОДЕ

лопата
устала и сломалась,
в то время как
я пытался придать Земле
правильную форму.

«Сергей Тенятников по-современному немногословен, как будто он предлагает читателю дописать уже про себя своими словами стихотворение, своим взглядом поверить видение поэта, наконец, оценить положение, в которое его, читателя, втягивает автор. Положение на первый взгляд, простое, но чреватое парадоксом, как в первом же стихотворении, где обычное для поэта одиночество прокладывает дорогу навстречу себе. И там, где поэт, нашедший себя, находит себе читателя, там совместными усилиями медленно, но верно, происходит накопление культурного слоя, который состоит из таких простых вещей, как «немного снега и чуточку света».

Вячеслав Куприянов
писатель, поэт, переводчик.
Член Союза писателей России. Лауреат Бунинской премии , премии «Слово».

ПОДАЧА

люди на набережной наблюдают,
как вторая ракетка мира, выигравший
за карьеру сто двадцать миллионов
девятьсот пятьдесят пять тысяч
девятьсот четыре доллара,
выходит в море на своей яхте титанового цвета.
в кафе девочка лет пяти елозит на стуле.
бутылочка падает. лимонад проливается.
человек с кольцом на безымянном пальце бьет
ребенка наотмашь, как профессионал, по голове.
туристы на набережной смотрят на яхту.
головка девочки летит над заливом.
вторая ракетка мира следит за подачей:
«жаль, что бога не существует, он бы точно принял».

ИГРУШЕЧНЫЙ МИР

говорят,
земля вышла из берегов
и затопила всё небо.
и теперь, что не назови,
у всего привкус камня и песка.
куклы треплются
без умолку в своем домике,
грузовики стоят в пробках к холодильнику,
и только плюшевый медведь
дрыхнет в обувной коробке —
ему нет дела до взрослых дел.

ДОМ

что было человеческим существованием,
станет культурным слоем.
что было словом,
станет загадочным иероглифом.
что было домом, останется домом.

что видит эта птица, отдыхая на проводе,
натянутом между многоэтажных домов?
культурный слой?
иероглифы?
родной дом?

АНГЕЛЫ УСТАЛИ

мир был огромный.
а мальчик копался в песке.

океан был тихим.
а юноша клал камень на камень.

на горизонте виднелись миражи.
а мужчина столярничал и стеклил.

небо было такое звездное.
а старик крыл крышу.

«что тебе надо от меня, Луна?
зачем ты просвечиваешь всё до дна?» —
спросил мертвец.

и мир исчез.

Я СТАНОВЛЮСЬ СТАРШЕ

я становлюсь старше,
я становлюсь страшнее,
поле меня уже не вспашет,
одуванчик не сломает мне шею.
старение — моя малость.
запах овечьей шерсти.
острый воздух режет мой голос,
поцеловать торопятся губы
папоротника вечнозеленую ересь.

ЖЕЛЕЗО

«из этого куска железа
получился бы превосходный нож», —
говорит кузнец.

«нет, из этого куска железа
получился бы отличный орден», —
возражает генерал.

«из этого куска железа
уже получился обыкновенный метеорит», —
молчит небо.

ДВОРНИКИ

дворники на работу выходят —
будто дворники на охоту выходят.
дворники мусор собирают —
будто дворники чьи-то останки собирают.
дворники вдали от цивилизации рождаются —
будто дворники деревьями рождаются.
дворники в урны заглядывают —
будто дворники в человеческие души заглядывают.

ДИАЛОГ

я говорю, от нас останутся стихи.
ты говоришь, всё чепуха —
детям звезды светят ярче.

я говорю, кругла земля лишь для живых.
ты яблоко сорвешь с моей головы,
и станет как в августе жарко.

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах: «Подъем», «Невский альманах», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Дальний Восток» и др. Стихи публиковались в Германии, Литве и Латвии, Абхазии. В 2023 г выпущена первая книга – сборник стихов «Три ипостаси весны». В 2024 году вышел сборник стихов «В синем шаре хрустальном» Лауреат литературных премий и конкурсов. Живет в Воронеже.

ТРИ ЭТЮДА НА УСПЕНИЕ

1.
Из темнот ночных на Божий свет
Выведено пасмурное утро,
Серой пылью дождевой испудрен
Ряженый под солнце бересклет.
Паутинной мнимостью блестит
Ткачество узорчатое смерти,
Но вовек опутать не суметь ей
В небо — неподвластные пути.
Порванные, скинуты долой
С плеч — марионеточные нити,
Трав живых — горячечные листья,
Стяжелев, повисли над землей.
Мокрый дуб очнулся налегке —
Улицы столетняя главизна,
Ветхим солнцем стылый дух пронизан,
И лучом набросок — древа жизни —
Выжжен на пергаментном листке...

2.
Отскрипывает маятник качельный —
Из древности забытой, запредельной —
Последние бесценные деньки.
И солнце долгим взглядом антиквара
Под вечер озаряет дворик старый —
Меднеющего хмеля завитки,

В садовой вазе — плюшевые астры,
И шарики в траве — из алебастра,
Скатившиеся с яблони легко,
Лепнинность роз на каменной ограде
И золоченых листьев винограда —
Над окнами — резное рококо.

Во всем покой и драгоценность тайны,
И было бы немыслимым прощанье,
Но будущая радость — велика,
Скрипят качели — ровно, мановенно,
И каждое рожденное мгновенье —
На вес бесшумно павшего листка.

3.
На небе — равно как и на земле —
Воскресным духом дышит это утро,
Над купольным огнищем, осмелев,
За лето окрылевшая вполне,
Рассыпалась ватага сизогрудых.
Мазками света перепятнан свод —
Палитра белокаменная — солнца,
И не преминув собственных угод,
Паук иконный, наловчась, плетет —
На мысли суетливые — тенётца.

Из приоткрытых — в тайны — царских врат
Цветами тянет и сосновым раем,
И ангелы успенские трубят,
Восточный, всеуслышный аромат
Из медно-желтых лилий выдувая.
По обожженным травам золотым
Порхают дети стайкой пестроцветной —
В невидимой ограде царства света,
Которое — вовеки — таковых...

***

Ну, что за дождь — засуховеть
Не даст дорожкам листопадным,
Пролита на скамейки желть,
И сада вековая твердь
Воде с небес уже не рада.
У обедневших — в осень — клумб
Облекли бархатные рюши,
Но снова день на солнце скуп,
И так угрюм и нерадушен.
Мой теплый дом — мой здешний рай —
Дождливой серостью измызган,
И — вытирай не вытирай —
На окна набегают брызги.
В семи омытая водах,
По веткам яблони дрожливым,
Бывает, вскатится звезда
Прозрачно-белого налива,
И снова темень — спасу нет,
И сердцу — известись неволей,
И было б так, но этот свет,
Восходу тихому — в ответ,
Но это краткое раздолье...

ЕДИНСТВЕННОЕ НЕБО

Посвящается всем покинутым деревням
Все предано воспоминаньям тут —
Изрыв дороги — узкий, крупновязый —
И сосен искривленные балясы
У мостика, обрушенного в пруд.
Седых тропинок — реденький пучок
Под свалянным волосником осочным —
Судьбы моей забытое источье,
Души невосполнимый уголок.

Кругом быльё — и есть ли кто живой
Среди домишек, дышащих на ладан,
Как Божий перст — для дней последних спрятан —
Чернеет храм с пробитой головой.
Осины чутко приклонили слух
Над чьей-то вытлевшей от горя крышей —
Но слышен лишь невнятный скрип налишный,
Да от иконы — тихий святый дух.
Всё предано воспоминаньям тут —
Скривлённые сосновые балясы,
Просвет дороги — узкий, крупновязый
И вспыхнувший прощальным блеском пруд.
Я оглянусь — и улыбнется мне
Из пыльного оконного киота,
Вечерним солнцем — изголуба-желто
Единственное небо на земле...

Великий русский ученый Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981) – один из создателей современной биологии, основоположник радиационной генетики, биофизики, радиоэкологии, соосновательсинтетической теории эволюции, учения о биосфере молекулярной биологии, ядерной медицины, генной инженерии, – ученый с мировым именем. Он является героем повести Даниила Александровича Гранина «Зубр» (1987), кинотрилогии режиссера Елены Саркисовны Саканян «Рядом с Зубром», «Охота на Зубра», «Герои и предатели», многочисленных воспоминаний друзей и учеников. Николай Владимирович был репрессирован в 1945 и реабилитирован в 1992 году. Его супруга Елена Александровна Тимофеева-Ресовская (1898–1973) – выдающийся генетик и радиобиолог, основатель радиобиологии водных экосистем. С 1947 по 1964 год они жили и работали на Урале: сначала в Челябинской области, около города Касли, в Лаборатории «Б» Атомного проекта СССР, а с 1955 по 1964 год – в Свердловске (ныне Екатеринбург).

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский – одна из самых ярких фигур естествознания XX века и, безусловно, мировое имя уральской науки. Благодаря Николаю Владимировичу возникла знаменитая уральская радиобиологическая школа; его усилиями на Урале генетика, поруганная в СССР, была восстановлена в правах, а он сам давно стал критерием значимости и эталоном нравственности для целой армии современных отечественных биологов и не только биологов.

Его влияние нашло отражение в духовной жизни представителей не только уральской и отечественной науки, но и в среде представителей ключевых школ мировой науки, в частности, в «Круге Бора» – самом высокочтимом иерархическом звене создателей современного естествознания. Свидетельством колоссального научного авторитета Николая Владимировича и признания его заслуг стало избрание его в состав академий и самые престижные научные награды в разных странах, кроме Советского Союза. В мировой науке он относится к великим ученым XX века.

МАРИНА САВВИНЫХ

Член Союза писателей России. Автор более десятка книг стихов, прозы, художественной публицистики, множества статей о творчестве современных русских писателей. Лауреат многих литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2011). С 2007 года – главный редактор красноярского литературного журнала «День и ночь». Награждена орденом имени Достоевского I степени и несколькими медалями за литературную и общественную деятельность. Обладатель высшей награды Всеславянского литературного форума «Золотой Витязь». Живет в Красноярске.

***

Кача-голубушка, братец Бугач,
Татышев остров... Расея!
Сопки, тайга, серебро да кумач.
Вольный разбег Енисея!

Царскому слову дерзить не моги!
Так ведь – столица далече!
Эй, казаки! Не робей, казаки!
Судит – народное вече!

Мимо столичных разборок и дрязг,
Встречь восходящему свету –
В красной землице ты встал, Красноярск,
Краше которого нету!

Встал – развернулся огнём маяка,
Солнцем родного подворья.
Жизнь – коротка, да любовь – глубока,
Чести и долгу подспорье.

И поднимаются из глубины
Крепкой породы Саянской
Лики и речи седой старины,
Гневной, лихой, атаманской...

И поднимаются грозно, в века,
Правдой, чей пепел неистов,
Гимнами строек, и стоном зэка,
Скорбным путем декабристов,

Страстью шараг, штурмовавших зенит
Волей космических бдений,
Мощью турбин, что подмяли гранит,
Мыслью, что выносил гений,

Горем, пожарами, всем, что любовь
Смелет на мельнице вечной –
Дымом отечества, тайной гробов,
Счастьем весны бесконечной...

Так поднимаются в вихрях зимы
Стойкостью первой заставы...
Так – на крыло – поднимаемся мы,
Дети великой державы!

Так поднимаются наши сердца
И возвышаются силы
С тем, чтоб с тобой разделить до конца
Всё, что здесь будет и было.

С тем поднимаются, чтобы с тобой –
Праздник в дому или тризна –
Не расставаться – душой и судьбой,
Город, надежда, отчизна!

ВСТРЕЧА

В.П.Астафьеву

I

Именины, тяжкие годины...
Только и мучений – дух и плоть.
Для души живой, не для скотины
Претерпел страдания Господь.
Отзовись во мне, душа живая,
Мыслями деревьев и коней!
Для чего я сердце отрываю
От ему завещанных корней?
Чтобы обожгло его сиротство,
Чтобы эта прерванная связь
Правдой жизни, а не ложью скотства
В совести моей отозвалась...
.....
Тяжба или жадное сближенье –
Дышащее мира озерцо,
Где мерцает в каждом отраженье
Человека вечное лицо?

II

Всего на свете проще и покорней
И далее от наших зол и смут –
Землица, облепляющая корни
Деревьев, что на кладбище растут.

Ее тепло настолько плодотворно,
Что, отзываясь на неслышный труд,
Зенит объемлют ели – и просторно
Их кроны запредельные гудут!

За тот предел не прянет даже ястреб,
Преследуя серебряную дичь...
Лиловой ели треугольный раструб,
Тоннельный гул и лебединый клич, –
Душа уже своей не помнит муки,
Легчайшая, как облака лоскут,
Подземные невидимые руки
Её ласкают, гладят и влекут,

Как будто нет ни страха, ни смятенья,
В которых мы сгораем без следа,
А только непрерывность тяготенья, –
Оттуда и туда.

III

Без рук, без ног, слепая и немая,
Душа жила, дыша и понимая,
И пониманья слюдяной пузырь
Теснил ее, растягивая вширь:

Видения, созвучия и строчки
Давили на живые оболочки,
И разрешалась бедная душа
Стихийным проявленьем мятежа,
Когда она свое тупое тело
О прутья койки размозжить хотела,
Разбить, размыкать, чтобы кровь и крик,
Чтоб кровью крика вылепить язык,
Кощунственный, как жалоба паяца, —
Сказаться, обнаружиться, впаяться
В безликую объемлющую глушь,
Таинственных исполненную душ...

19 ЯНВАРЯ 2024 ГОДА

Там Иордана теплая купель.
Здесь Енисея прорубь ледяная.
Моя неувядаемая ель
Бросает тень на южный склон Синая
Своим крестом... Провидит Моисей
В пустыне странствий путь Салах ад Дина,
Поскольку в Божьем мире всё едино —
И тень креста, и свет призывный сей...

***

Крещенская стынь. На старуху — проруха.
А младости — радость. На том и стоим.
Приветствуешь кожей присутствие духа
Под строго взирающим небом своим.

И свет — на прирост, да жесточе мороза
Как будто еще не случалось и встарь.
Над городом ёжится желтая роза —
Смотритель огня оттирает фонарь...

Я вижу сквозь инея жесткие складки,
Сквозь морок, сквозь злобу текущего дня, —
Высокое солнце топорщит в распадке
Шершавые лапы живого огня...

Давай же, Фонарщик, свети человеку!
Возьми мое топливо — ради Христа!
... иду босиком по крещенскому снегу...
... схожу в обжигающий контур креста...

***

Тополя в поре плодоношенья —
Мир по кромке блага и беды
Заполняют в легком мельтешенье
Их неуловимые плоды.
Небо дышит Троицыным духом
Над великой пахотой Руси...
А земля — до ливня! — будет пухом...
Тополиным, Господи спаси!

***

Мир ловил меня, но не поймал.
Григорий Сковорода
У него — палатища из палат,
Пол — смарагдовый, в золоте — потолок.
У меня над ночлегом — тумана плат,
И постель — душистого сена клок.

У него — из всех нарядов наряд:
Бархат, вышитый серебром.
А на мне лохмотья огнем горят,
И хохочет смерд над моим добром.

У него — из челяди челядь: что раб — то князь.
Смотрят важно, умело падают ниц.
Мне никто не кланялся отродясь,
Кроме псов бродячих да вольных птиц.

То-то — силою славный среди людей —
Не имея зелия от тоски,
Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.

Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остаётся ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.

А меня — молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает,
Бескрайний кров,
И ведёт по дороге бессчетных благ...

21.12.12

Памяти Саши Петрушкина

1.
Невыносимый свет струится от земли,
Из белой темноты, желанной и колючей,
И крест серебряный — как будто грудь прижгли
Между ключиц — на самый крайний случай.

Спасительным тавром беспамятных клеймят.
Беру огонь в рукав — как принимают схиму...
Скит станет дом. Дом раскрылится в сад.
И ласточки заблещут по Кыштыму.

Штрихами быстрых крыл очертится зенит,
И выпадет из уст кощунственное слово —
Но Бог простит меня, поскольку храм — стоит,
И звонница к заутрене готова.

2.
Пламя мое встает —
лиственницей, куницей...
Рыжею головой,
гулкою булавой...
Цифрой сторожевой...
жесткою власяницей...
Падающей водой...
жалящею травой...

Нет бы его стряхнуть!
Нет бы в него взглянуть!
Нет бы его обнять —
и обратиться разом!
Но предаёшься — путь;
Но отвечаешь — суть;
Но припадешь — и в грудь
Входит нездешний разум...

Боже! Еще огня!
Радуйся сквозь меня!
Воля Твоя, что я —
Искра Твоих усилий,
Что в душегубке дня
Пепел — моя родня,
Что отдаю — огня! —
Больше, чем испросили...

***

Река и речь — от корня одного.
В мерцании значения былого
Присутствует их древнее родство...
Так в громком «слава» проступает «слово»,
Так «слово» расцветает в «соловье»
И в «солнце» — благодатно и сурово.
А «речь» живет и в ласковом ручье,
И в отреченье схимника святого.

Отражены «начало» и «конец»
Друг в друге прорастаньем вечных зерен.
«Кров» — «крови» прирастающей венец,
И «черт» не зря и чопорен, и черен.
«Род» в «радости» и в «гордости» гудит,
И в «раде», вести вольного совета...
А в «стаде» спрятан «стан», и слышен «стыд»,
Как в песне — птица, а в полете — лето...

***

Творец устал и улетел
В свой запредельный край,
Оставив много важных дел,
Включая ад и рай.
А ты — всего лишь человек.
Ты вплавлен в белый свет.
И то ли пепел, то ли снег
Сквозняк сдувает с век.
Так дует изо всех щелей,
Выветривая путь,
Судьбы единственной твоей
Таинственная суть.
А ты стоишь на берегу,
Следишь бегущий свет...
И нестерпимую тоску
Сквозняк сдувает с век...

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

Поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик. Член Союза писателей России. Автор 13 книг стихов и сборника переводов поэзии Башкортостана. Публиковался во многих литературных журналах. Лауреат всероссийских литературных премий, победитель всесибирского конкурса сказочников. Стихи переведены на алтайский, кабардинский, хакасский, испанский, португальский языки. Награжден двумя медалями новосибирской мэрии «За доблестный труд на благо города». Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Сибирскому федеральному округу. Живет в Новосибирске.

ЗАВЬЯЛОВО

Пятилетний Витек увязался за мною на берег.
И весь день в тишине мы сидим совершенно одни.
В голове у меня — Чарли Чаплин, Феллини и Бергман.
В голове у Витька — кто бы знал, но пока не они.
Как себе объяснить, почему вдруг за августом осень?
Поплавок утонул — но его почему-то не жаль.
Чешуя облаков не счищается ежиком сосен.
Почему грибники на рыбалку идут без ножа?
И смешаются мысли со скоростью восемь в неделю,
Удивительно, но ни одна не спешит на язык.
И в раздумьях судак перед голым крючком самодельным...
И вернуться домой хорошо бы успеть до грозы...

ОБСКОЕ МОРЕ

Солнце спрячется в завтрашний день —
И вода моментально остынет.
И словам станет попросту лень
К нам протиснуться сквозь запятые...
Дочитаю бутылку вина.
Откажусь от вишневого сока.
Если волнам давать имена,
Будет ночь. И не так одиноко.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Перебьет духоту аромат растворимой лапши,
А потом, как всегда, кислым пивом потянет под вечер...
И уже полчаса отправление дать не спешит
Непонятно, кто именно — то ль машинист, то ль диспетчер.
По вагону снуёт мальчуган — от горшка два вершка,
И блестит аксельбант на груди у хмельного морпеха...
За окном Мариинск. И в блокноте четыре стишка.
И в висках Петербург — перестука ритмичного эхо.

КОНЕЦ ОКТЯБРЯ

Из Братска написать родному брату
Логично вроде — только вот о чем?
О том, что ночь подобна реферату
«Как разводить кусачих белых пчел»?
О том, что двадцать первый век — советский,
Но только без учебников и книг?
С вахтовиками выпить по-соседски
Уговорил нетрезвый проводник.

ПЛЯЖНОЕ АДАЖИО

Горячий песок. Полупальцы. Поклоны.
Вот был бы доволен месье Петипа...
И учатся чайки не сдерживать стоны,
Отвергнув твое предложенье поспать.

Гордится футболка разводами соли.
На завтраке очередь. Новый заезд.
И море старается впитывать солнце,
Пока облакам это не надоест.

В САНАТОРИИ

День играет соснами.
Сумрачный ампир.
Волны бьются сослепу
О бетонный пирс.
Мы живем привычками.
Но в июльский зной
Лермонтов не вычеркнул
Парус, край родной.
На обед — баранина.
Страсть в одном носке.
На груди царапины.
Буквы на песке.

30 ИЮНЯ, ЗАКАТ

Покашливал прибой.
Июньская простуда.
И паруса вдали —
Чужой парад планет.
Песок в моей руке
Возник из ниоткуда.
И замышлять побег
Ему резона нет.
На сердце нет степи.
Зарос проулок к морю.
И чайка носит звук
В соседскую кровать.
И солнце в облаках
Кривит слепую морду.
И я не вижу нас.
Июль. И наплевать.

НОЧЬ НА ПЛЯЖЕ

Июль... Огни погасли в доме.
И хочется смотреть туда,
Где между небом и водою
Не километры, а года.
И вдруг под крышею оконце
Сверкнет капканом на звезду —
И по песку канатоходцем
Вокруг тебя я обойду.
Увы, но лунные ходули
Пошли ко дну и в этот раз.
Когда-нибудь, в другом июле,
В другом раю окликнут нас.

ОКТЯБРЬ. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Семь часов до Читы.
Все вагоны пусты.
Наполняется кружка «Тархуном».
Не тревожить руды.
Просто жить вдоль воды.
Синева — то, что делает юным.
Обогнули Байкал.
Водки просит рука.
Сопки требуют криков с вершины.
Поезд молча идет
Мимо слов, мимо нот,
Мимо плача пожарной машины.
За окном Селенга
Не пустилась в бега.
Поседела до снежных повесток.
Все готово к весне.
И до кладбища мне —
Пара сотен недельных поездок.

ЗАТИШЬЕ

В зимнем парке холодно словам
И квадратам сетки волейбольной...
И снежинки липнут к рукавам
И к воротнику. И все довольны.

Парк от стадиона далеко.
Заболел учитель физкультуры.
Потому у всех снеговиков
Очень не спортивные фигуры.

Зная все на свете наперед,
«Яндекс» потепленье обещает.
И никак в отставку не уйдет
Телевизионное вещанье.

И сойдутся стыд и ремесло,
Глупость, миллионы и Кокорин...
И зачем-то девушка с веслом
Аккуратно спилена под корень.

ОТПУСК В СИБИРИ

Обеднеет июнь —
На прощальный концерт соловья.
И прибавится синего
В небе над городом Бердском.
В чемодане моем
Вдруг найдется расческа твоя.
Ну, а в книжном шкафу —
Мемуар об актере Хабенском.
Деликатно шуршит
На ветру от конфеты фольга.
От моторки безбашенной
Волны спасаются бегством.
Станет меньше воды —
На моих два широких шага.
И прибавится синего
В море под городом Бердском.
Нестабилен вайфай —
И в сердцах задремал ноутбук.
Всю неделю жара —
И с тарелок сошла позолота.
Вдоль заката и волн
Улетит смска на юг.
И окрасятся синим
глаза голубые на фото.

ОБИТЕЛЬ

Рассыпать яблок полное ведро —
И оживить чердак. И затаиться.
Дрожат страницы в томике Дидро.
Прищепку терпит платьице из ситца.

И на лице сухое большинство.
Одну слезу удочерит газета.
Дождливый август только для того,
Чтоб вспоминать, не зажигая света.

В чужих стихах искать свое нутро.
Положен белый шарф под поясницу.
Позавчера я вышел из метро —
И в голове все стало проясняться.

Чем пахнет убегающий трамвай?
Похоже, улетающей ракетой.
Солоноват на улице вайфай.
Гордится урна розовым букетом...

Месье Дидро, я нездоров, неспа?
Вдруг неразборчив стал страничный шелест.
И все болит — от горла до пупа.
И все болит — от пояса до шеи.

ПРИТЯЖЕНИЕ

В Тюмени всегда луна.
В Барабинске вечна рыба.
Приехали, пей до дна.
Я понял, за все спасибо.
А поезду жить да быть.
И ветру собой гордиться.
Она ждет его любым.
Его ждет назад столица.
Из школы вернулась дочь.
Таджики стригут газоны.
В России повсюду дождь
И счастье за горизонтом.

СУМЕРКИ

Отважно сосны охраняют
Обского моря побережье.
И песню чуешь обоняньем —
Да, «Из-за острова на стрежень».
Легко, как после медовухи.
И пусто, как в открытом сейфе.
Здесь паучок боится мухи,
А паутина — фон для селфи.
Песок остынет. Стихнет ветер.
Исчезнут вопли, войны, ворды...
И только вечер, вечер, вечер.
И только волны, волны, волны.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Всю жизнь работаю в сфере, связанной с телевидением и кинопроизводством. 38 лет не выпускаю из рук видеокамеру. Снимаю документальные фильмы, музыкальные видеоклипы, детские телепрограммы в качестве режиссера и оператора. Первая публикация состоялась в поэтическом альманахе «Мой мир» в 2025 году. В том же году вышел мой первый поэтический сборник «#самсебепоэт».

***

В ауру панельных стен
Вплетены и боль, и радость,
Здесь — многоэтажный плен,
Как награда за усталость.

Разделительный эффект —
Лишь минутная условность.
Долгожителям — респект
И забвения возможность.

В этих стенах напролет
Время крутит циферблаты,
Стрелок медленный полет
Отмеряет день зарплаты,

День рожденья, смерти час —
Всё торжественно и важно.
Эти стены держат нас
Цепко и многоэтажно...

***

Когда уныния ты раб,
И окружен печалью важной,
Объят тоскою эпатажной,
Увы — безрадостный этап...

В твоих глазах немой укор,
В душе царит опустошенье,
И все греховны наслажденья,
Вся жизнь — суровый приговор.

Когда душа твоя поет,
И жизнь наполнена любовью,
Откроются врата раздолью,
Растопится сомнений лед!

Сбываться будут все мечты.
И воспарив над облаками,
Взмахнув, как крыльями, руками,
Поймешь внезапно — это ты!

***

Среди бабочек и васильков,
Среди яблонь отцветшего сада,
Я избавлю тебя от оков!
И пусть будет Любовь нам — награда...

Пусть смеются над нами ветра,
Разгоняя все тучи и грозы,
Мы с тобою поем до утра,
И любовью окутаны грезы!

Мы танцуем на желтых листах,
На осенних, нескошенных травах,
У тебя и меня на устах
Привкус счастья в вселенских забавах!

***

Смеялись огненные рыбы
В пучинах горных чистых вод,
Хвостов и плавников изгибы
Сплетали танца хоровод.

Они смеялись и взлетали,
И вновь, уйдя на глубину,
Из водной безысходной дали
С тоской смотрели на луну.

И смех, и танцы, и полеты,
И разговоры до утра...
Всё это — лишь круговороты...
И красно-черная икра...

***

Ромашки, васильки и незабудки —
Плеяда самых искренних цветов,
И опьяненье вами от минутки
Растянется на тысячи часов!

Нет в запахе гламурного налета,
Свободы дух и чистота полей...
Возможно, простоваты для кого-то,
Ну, а кому-то — свежесть ярких дней!

Вы не продажные, как сумрачные розы,
Из вас плетут веночки по полям
Девчонки в легких платьишках, чьи грезы
Маячат ало-красным кораблям...

***

Ах, как еще раным-рано,
И ничего-то нет в помине,
И время, собственно, равно
Всему несбывшемуся в мире.

Ах, как еще белым-бело,
И март всё тянет срок капели,
Судьба, взмахнувшая крылом,
Мечтает сладко в колыбели...

Ах, как наполнена душа
Предчувствием и ликованьем!
И восторгаясь, не спеша,
Играет в прятки с мирозданьем!

МАРИНА СОКОЛОВА

В 2019 году в качестве гостя была приглашена на детский конкурс чтецов. Там и познакомилась с руководителем местного литературного клуба «Лира» и оказалась в кругу талантливых писателей и благодарных читателей. Автор более двухсот стихотворений. Принимала участие во многих литературных конкурсах: «Решетовские встречи», «Прикамские зори», г. Березники, «Геликон» в Соликамске и др. Живет в Соликамске.

ОСЕНЬ, КАК ЛОШАДЬ РЫЖАЯ

Осень, как лошадь рыжая
С яркой кудрявой гривою
С норовом и бесстыжая,
Но до чего ж красивая!

В яблоках и подсолнухах
Осень резвится весело
Скачет на полусогнутых
Или поклон отвесила.

Дождик стучит по улицам
Словно подковы звонкие
Фыркает осень, хмурится,
Ноздри вздымая тонкие.

Жмурит глаза бездонные
Цвета небесно-синего
Лошадь, породы огненной
В золоте вся и в инее.

БЕССОННИЦА

Что знаешь о бессоннице? Скажи.
Я не услышу твоего ответа...
Как тают наважденья миражи,
Когда не спишь от света и до света.
И крутится, как странный кинофильм,
Сознанием поставленный на реверс,
Одна и та же мысль, как едкий дым,
Что сон украв, в мой мозг усталый въелась.
Как хочешь провалиться в пустоту,
И жаждешь снисхождения Морфея...
Но, как солдат на боевом посту,
Ты и на миг глаза сомкнуть не смеешь.
А мглы кромешной грубое сукно,
Стирает все границы и пределы.
И тем страшнее на стене окно —
Зимой всегда закрашенное белым.
В постели мягкой, словно на досках —
Ломает боль измученное тело.
А сердце, словно дрель, свербит тоска,
Она свое прекрасно знает дело...
Как ночь длинна, когда не видишь снов,
И тянутся секунды бесконечно...
Бессонница — наш разговор без слов,
А тишина — прощание навечно....

НОВЫЙ ДЕНЬ...

Вечер алой скатертью заката
Застилает синий небосклон,
Чтоб из печки вечности ухватом
Новый день достать. И будет он
Трудным хлебом или легкой сдобой
Никогда не знаешь наперед.
Ведь рецепт его всегда особый,
То в нем горький хмель, то сладкий мед.
Кто-то просто съест и не заметит,
Даже вкуса толком не поймет...
Кто-то с маслом. Ну, а кто-то светом
и теплом намажет бутерброд.
Угостит собаку и соседа...
День разделит с кем-то, весь отдаст,
Кто-то свой ломоть вернет на небо,
Кто-то все оставит про запас...
Дня былого пахнут счастьем крошки...
Их лишь горсть осталась у меня.
А стряпуха-ночь в огромной плошке
Ставит тесто завтрашнего дня.

По трафарету...

На черном фоне белые цветы —
Закончи натюрморт по трафарету.
Души своей печатные листы,
По номерам закрашивая цветом.

Эскиз готовый, есть и свет, и тень —
На первый взгляд обычная картина —
Ромашки, розы, лилии, сирень,
Пионы, незабудки, георгины...

Но оживает кисточка в руках...
Мне ни к чему привычные шаблоны —
И в даль плывут сиренью облака,
По небу восхитительных пионов.

И в берегах ромашковых река
Вздымает незабудковые волны.
И тает георгиновый закат
Надеждами и вдохновеньем полный.

И манят горы — лилий лепестки,
И звезды расцветают словно розы...
Рисую я шаблону вопреки
Пейзаж из рифм по натюрморту прозы...

Дождь-чудак

Вот дождь-чудак, весь день гулял по лужам,
И брызгами прохожих осыпал,
Он был докучлив, никому не нужен,
Но он чудак, он этого не знал...

Он так звенел, хоть надевай беруши,
И весь асфальт раскрасил в мокрый свет,
Набрел на сад и перемыл все груши
И пару кем-то брошенных штиблет...

Он шлепал по траве и хлюпал грязью,
И прятался в густой листве берез.
Он был чудак и озорной проказник,
Но полон был невыплаканных слез...

СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВА

Врач высшей квалификационной категории. Работает участковым педиатром и детским кардиологом. Член Союза писателей России. Лауреат и призер ряда поэтических конкурсов. Автор пяти книг стихов. Лауреат Международной поэтической премии «Образ». Живет в г. Клин Московской области.

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ

Уходит дом с поверхности земли,
Стирается из памяти и с карт.
Душа у самосвала не болит,
Когда вывозит он убогий скарб.
Разбит асфальт, подъезда больше нет —
Руины в слое грязи и белил.
Здесь я чертила крестик на стене
Ножом, который дед с войны хранил.
Ковшом бульдозер сносит погреба,
Столбы в хвостах веревок бельевых,
Песочницу, лишенную гриба
Еще в начале сонных нулевых,
Заборы, чей-то дряхлый драндулет...
Бульдозер раздражен и неуклюж.
Взъерошенная кошка средних лет
Разглядывает небо в толще луж.
И кажется, что это я сама
Пытаюсь что-то в прошлом увидать.
Здесь скоро будут новые дома,
А нас уже не будет никогда.
Но нечто от незыблемости мест,
Пространство проверяя на излом,
Упрямо не дает поставить крест
На доме, на дворе и на былом.

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ НА СЕЛЕ

Вот ехать бы и ехать сквозь майское тепло,
Как земский доктор Чехов, в далекое село.
Водитель балагурит, гремит на кочках «ВАЗ»,
Небесные лазури плывут, лаская глаз,
Горчит зеленый ветер — палили сухостой.
Трястись моей «карете» еще часок-другой.
Не будет помощь скорой — обычный
профосмотр,
Где пьян любой четвертый, но каждый
первый бодр.
Там желтые пеленки, рахит и гепатит,
Запущенное онко, и так: «Душа болит!
В аптеку? На какие! И ехать-то куда!»
«Ну, фитотерапия: ромашка, череда,
От грыжи — почки вербы, инфаркт — ложись
помри...»
Какой тут двадцать первый?! Всё врут календари!
Не верится, что где-то — за пару сотен верст —
В стерильных кабинетах томографы, наркоз.
А впрочем, умирают там тоже день и ночь.
Я — врач, я — понимаю, но горько — не помочь.
Мне ехать бы да ехать вне времени и мест,
Вне суетного века. Пока не надоест.

ПЛОЩАДЬ НА БУКВУ С

Выхожу под навес небес,
Пирожок с ананасом треская,
Прямо в площадь на букву С —
То Соборную, то Советскую.
По ее четырем стенам
Жмутся здания беспокойные.
Церковь старая снесена...
Ладно, вру! Просто пе-ре-стро-е-на.
У почтамта облезлый вид,
У торговых рядов сумятица:
Тащит рябчиков индивид,
Индивидиха тянет платьице.
Вот проносятся, хохоча,
Гимназисты, цигаркой пыхают.
Где ж пожарная каланча —
Погасить закат облепиховый?!
Облепила меня мошка,
Прогоняет к шоссе просторному.
Версты, версты... а там — Москва —
То советская, то соборная.

ПАТЕФОН

Из детства в коммуналке четко помню
Ковер с оленем, холодильник «ЗИЛ»
И то, как я мечтал о патефоне —
Сосед его на кухню выносил.
Окурки со стола небрежно скинув,
Он хвастался: «Трофейный! Немчура!»
И гордо заводил одну пластинку,
Плеснув себе «наркомовских» сто грамм.
Пока старик под марши Первой конной
Курил табак и хряпал самогон,
Я залезал на грязный подоконник,
И слушал,
слушал,
слушал патефон.
И отступали стены тесной кухни
И сквозняки растрескавшихся рам,
Казалось, мир унылый скоро рухнет,
И будет жизнь, открытая штормам!
Мы в коммуналке прожили недолго,
Мчат годы, словно кони по степи...
Я видел патефон на барахолке,
Стоял, смотрел, вздыхал... И не купил.

ЛЕТО ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА

Желтое солнце, желтое платье,
Желтая бочка с надписью «Квас»,
Мальчик смеется, девочка плачет,
В зное июньском город увяз.

Плавится воздух, жаркие тени
Вязнут в асфальте, солнце впитав,
Мальчику восемь, девочке меньше,
Слезы утерла, ищет пятак.

Звякает кружка, булькает бочка,
У продавщицы скиснувший вид.
Пена воздушна, запах щекочет,
Квас убывает, мальчик грустит.

До половины девочка выпьет,
Кружку протянет: «Хочешь? Допей!»
Пух тополиный, сладкие липы,
В тонкой косичке круглый репей.

ЗИМНЯЯ КАПУСТА

И где именно росла та капуста, в которой родилась Аля, ведь она-то родилась зимой, а не летом?
Хелена Побяржина

Искристые прожилки ледяные,
Холодное звенящее стекло.
Когда мне разрешаться довелось
От бремени, в окне смотрела сны я...
Бабуля в школу на краю села
Без валенок, в обмотках, шла учиться,
А бабушка другая из больницы
В военный год захватчиков гнала.
Ушедших деток поминала с грустью
Прабабушка моя, молясь тайком.
Прабабушка другая с Колчаком
Боролась в ссыльном городе Иркутске.
В платке и шубке с фото улыбалась
Мне вовсе не знакомая свекровь.
В светящийся и ласковый покров
Сливались лики дальние. Казалось,
Склонялись харьковчане и чухна,
Тарханцы, смоляки и новоторы
К похожим на капустный лист узорам,
Что на стекле февральского окна
Переплели прожилки всех кровей.
Еще чуть-чуть, и боль уже отпустит,
И я скажу: «Тебя нашли в капусте»
Новорожденной дочери своей.

МАЙ СОРОК ПЯТОГО

Брату моей бабушки

В мае под Вязьмой наряд у черемухи бел,
Раны земные, омытые талой водой,
Снова травой заросли. Одуванчик успел
Враз повзрослеть, и трясет головою седой.
Перед грозой в перелесках сгустится тоска,
Словно горячим железом распорота грудь.
Первого грома звучит отдаленный раскат
Это салют, я уверен, победный салют.

В мае под Клязьмой ликует и мал, и велик —
Пала Германия, кончились годы войны,
В окна стучатся зеленые веточки лип,
Радостным басом приёмник хрипит со стены.
Мама и сестры внимают победным словам,
Смотрят с надеждой на пыльный большак
за двором...
Я в сорок пятом под Клязьму вернулся бы
к вам,
Только остался под Вязьмою в сорок втором.

ЕЛОВАЯ ДОРОГА

Откинут борт, ковром застелен кузов —
У «похоронки» здесь такой дизайн.
Шофер — детина в ватнике кургузом —
Протянет руку: «Внучка? Залезай!2
Мне выжигает слезы холод едкий,
Присяду рядом с гробом на ковер.
Охапку веток сунет мне соседка:
«Кидай пореже, путь у нас не скор!»
Перекрестясь, махнет шоферу: «Трогай!»,
Чихнет машина гарью выхлопной...
О чем молчит еловая дорога,
Что мягкой хвоей стелется за мной?
О светлом детстве в бабушкином доме,
Где в летний полдень пили мятный чай?
Что взрослый мир волнующе огромен —
И недосуг звонить, и навещать?
О том, что путь последний не окончен,
Но бытия земного не вернуть,
И веткам, что ложатся вдоль обочин,
Не разделить невольную вину?
Что, слыша траур в клекоте вороньем,
Ворота сторож отомкнуть спешит?
Так в городах теперь уж не хоронят,
Но бабушка преставилась в глуши.
И эта глушь с провинциальной грустью,
Не тронутой столичным холодком,
Ее в могилу, словно в душу, впустит,
Припорошив январским снегом холм.
А я уеду. Чтоб когда-то снова
Из суеты мирских перипетий
Своей дорогой — призрачной, еловой,
Смолчав о многом, к прошлому прийти.

ХРОНИКИ ДОЖДЯ

Ты мне пишешь о том, что в Макондо опять
дожди,
И, пока не закончатся, мне приезжать нельзя.
Без меня в тростниковых болотах туман чадит,
Без меня серебристые нити в листве скользят.
Отсыревшие книги похожи на спитый чай,
Механизмы ржавеют, ветшает сукно надежд,
Попугаи в прогнозах о солнечных днях молчат.
Мутный студень зари хоть трофейным мачете
режь —
Не добудешь ни искры. Туземцы зарылись в ил,
Даже скупщики снов растеряли былую прыть.
Ты не помнишь, чтоб раньше так сильно
по мне грустил,
И клянешься, что будешь до гроба меня
любить.
Ты по несколько писем за день сочиняешь мне,
Но размыло ведущие в наши края пути...
За кого ты воюешь в дождливой чужой стране?
Я ведь даже на карте ее не смогла найти.

В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ-КАМЧАТСКОМ ПОЛНОЧЬ

Край земли. Темно и сыро,
Время горьких интонаций.
В суете большого мира
На часах твоих — пятнадцать.
Сердце спит, а больше нечем
До небес мне достучаться,
Ворох писем не отвечен
В Петропавловске-Камчатском.

Тучи — гордые чавычи —
В океан гурьбой ныряют.
Бесприютно, непривычно
У воды ходить по краю.
Завтра кончится ненастье —
Так в прогнозах накропалось,
И откроем души настежь
Утром — я и Петропавловск.

Словно блюдечки в коробке,
Переложенные ватой,
В облаках слоистых сопки,
Горы в дымке клочковатой.
День-шаман в плаще рыбацком
Мглу развеял: солнце — в помощь!
В Петропавловске-Камчатском
Не всегда бывает полночь.

СВЕТЛОГОРСКАЯ РАПСЧОДИЯ

Поехали на море в декабре!
Балтийское так редко замерзает
Прибрежной вязью ледяных мозаик.
Там солнце — золотое курабье —
Неспешно погружается в закат,
На горизонте в сумерках размокнув,
Но отсветы его застынут в окнах
И Светлогорск уютно озарят.

Поехали на море, это блажь!
Напрасно огоньки кофейни манят,
Скорей на берег, избранный штормами,
Где снежных дюн причудливый пейзаж,
Где, скинув суету былого дня,
Вдыхая соль, прохладу и свободу
Утратившего солнце небосвода,
Сумеем что-то важное понять.

Поехали на море, нам пора!
Балтийское не строже, чем другие.
На страже хрупкой зимней ностальгии
Срывая тучи, бесятся ветра,
А ночь садится в лунную ладью,
Чтоб отыскать к утру иное солнце.
Там янтарем обида обернется,
И сердце я твое не разобью.

БИНТУЯ ДУШУ

Когда-нибудь за горизонт земной
К незримой — но влекущей властно — цели
Потянутся накопленные мной
Мгновения, минуты, дни, недели,
С меня снимая, как витки бинта,
Недуги, седину, морщины, страхи —
Всё, что успело время намотать
Поверх крестильной ситцевой рубахи,
Стирая память, без разбора вех,
В ускоренной обратной перемотке,
Но четко позволяя вспомнить всех
И озарить на эпизод короткий.
И кто-то распеленатой душе
«Лети!» прикажет и скользнет навстречу,
И осознаешь, что вот-вот уже...
А может быть, всё будет проще, легче.
Пора уже принять года свои,
Принять себя: и в прошлом, и в грядущем —
И продолжать накапливать слои,
Которыми бинтует время душу.

АНАТОЛИЙ АРЕСТОВ

Родился 19 июня 1985 г. в городе Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА (2003–2007). Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Роман-газета», «Волга – 21 век», «Приокские зори» и других изданиях. Автор двух книг.

ПОКОЛЕНИЯ

Попрощавшись, летят облака
За рубеж одинокой скалы,
Отстоявшей гранитом века,
Приютившей на склоне стволы

Убиенных лавиной берез,
Зеленевших когда-то листвой.
Затрещал новогодний мороз
И послышался сдавленный вой –

То, прощаясь, летят в облака
За рубеж одинокой скалы
Деревянные души. Века
Сохранят под лавиной стволы.

Разменяли полтысячи лет
Те места. Зеленеют листвой
И ветвями танцуют балет
Те березы под сдавленный вой.

СТЕПНЫЕ СУМЕРКИ

Сердцевина лета. Июльская пустота поля.
Поспевшая рожь пригибает под ветром колосья.
Костер догорел. Пастухи выступают на волю.
Покинут шалаш. Ковыля заостренные остья

Летят в безымянные земли подальше, чтоб выжить,
Упасть, прорасти, вопреки окаянному зною.
Как птицы парят одинокие выше и выше.
Задумчивый грач прогорланил: «Летите за мною!»

Смотрю на июльское небо над чашею поля,
Где рожь золотистая клонит по ветру колосья.
Знакомое чувство родное – крестьянское что ли?
– Пронзительно колкое, словно ковыльные остья.

Надменно полынь отряхнула пыльцу из корзинок,
Осыпав меня желтизной предзакатного неба.
Пойду по дороге, присяду я возле осинок
Смотреть на поля уходящего в сумерки хлеба.

***

С крыши сбегает вода,
С неба срывается снег.
Может случилась беда?
Может закончился век?

Просто весна во плоти
Шла проторенной тропой,
Но прослезилась в пути,
Временно стала слепой.

Коркой упала на снег,
Брызгами талой воды...
Нет, не закончился век!
Нет, не случилось беды!

СИНИЙ ПАРУС

Морские дали небу шепчут:
— О, дивный синий парус, где ты?
Тебе достану алый жемчуг
И шторма радость, и рассветы,

Морские звезды дам в подарок,
Дарую клад лихих пиратов:
Монеты, слитки, горы чарок
И бриллианты в сто каратов!

Одно прошу: не нужен танкер
Огромный, что с мазутом едким.
Его сгублю! Его останки
Ко дну пущу, где стынут предки:

Эсминцы, крейсеры, линкоры...
О, дивный синий парус, где ты?
Придешь ли в даль морскую скоро,
Где шторма радость и рассветы?

ПТИЧЬЯ БОЛЬ

Погорела трава в той степи,
Погорели и птичьи гнезда.
Разбуянились воды в Оби,
Потускнели от боли звезды.

Но распелась с зарею она,
Мы подумали: «Вот же птаха!»
Только птице уже не до сна,
И не жизнь у нее, а плаха.

Не принять черноту той степи,
Не найти погоревшие гнезда.
И несет птичью боль по Оби,
И рыдают мерцанием звезды...

ПЕСОК ВДОХНОВЕНИЯ

В потоке поэзии тонут поэты,
Писатели в прозе находят приют,
Нелегким таинственным делом согреты
И чистой бумаге себя отдают!

Себя отдают без остатка и денег,
Без фальши, намека на легкость пути,
В стремлении жадном ступают на берег
Реки неизвестной с желаньем найти

Песок вдохновенья — и так ежечасно!
Реальность бросая, стремятся уйти
На берег реки, где предельно всё ясно
Без фальши, намека на легкость пути...

ДУХОВНАЯ ТКАНЬ

В сильный ливень пойду, пусть промокнет рубаха!
Отстирает дождем мне духовную ткань,
И в раскатах услышу я музыку Баха,
В ослепительных стрелах увижу я длань

Всемогущего. Нет. Пошутил же конечно!
Не родился святым, так не буду и впредь,
Ведь поэзия вся упивается грешным,
Пропадающим миром, который стареть

Каждый день, каждый час окончательно будет,
Наслаждаясь любовью, тоской и войной,
Где несчастьям чужим улыбаются люди,
Где за «кэш» продадут и тебя за спиной...

И не злюсь я на мир, на людей, на «системность»,
Просто чуть сомневаюсь во многих вещах,
Принимая душой безусловную бренность
Неподкупных идей, где морально зачах

Разработчик, стремившийся сделать во благо,
Набивая при этом бездонный карман.
Что-то я разболтался... Но стерпит бумага
Пару строчек моих. Не двухтомный роман

Я пишу... Я пойду, пусть промокнет рубаха,
Под дождем отстирает духовную ткань,
И высокое небо — священная плаха
Мне поможет найти совершенную грань,

Чтобы честно прожить на землице родимой,
Восхищаясь закатом до старости лет.
И пускай всё богатство проносится мимо,
Я душой незапятнанной встречу рассвет...

* * *
В пути идущему,
В небо смотрящему,
Малоимущему
— что же обрящем мы?

В пути идущий —
Единственный путь!
В небо смотрящий —
Вселенскую суть!

Малоимущий —
Конечно же смерть.
Ныне живущий?
Не бойся, ответь...

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ

Поэт и прозаик. Кандидат филологических наук, доцент, работает в системе подготовки кадров для водного транспорта. Член Союза писателей России, автор десяти книг стихов и прозы, лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия, Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова», Республиканского конкурса-фестиваля «На крыльях Стерха и Жар-птицы», лауреат Международной поэтической премии «Образ». Публиковалась в журналах: «Север», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Дружба народов», «Простор», «Роман-журнал XXI в.» и др. Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия). Живет в Якутске.

* * *

Это просто странно, просто дивно:
Как усну, до самого утра
Снится почему-то город Мирный,
А я в нем ни разу не была.

Словно вижу улицу чужую,
Тусклый свет в зашторенном окне...
Может, в этом городе тоскует
Человек, не встретившийся мне?

* * *

Я птенец, отбившийся от стаи,
Мне самой придется выживать.
Только я уверена, я знаю:
И без стаи я смогу летать.

Если стая превратилась в стадо,
Если смысл и дальше с ним плестись?
Нет мне места в стаде — и не надо,
Я летать хочу, а не пастись!

* * *

Мне Чукотка не машет платком,
И дождем не приветствует Питер.
В окружении вовсе ином,
Я не в славе, в сомненьях в зените.

Но спасибо судьбе и на том,
Есть надежда средь грустных событий:
Мне Чукотка помашет платком,
И дождем поприветствует Питер.

ТВОЙ ДОМ

Вот он, твой дом в четыре этажа,
Второй подъезд, тридцатая квартира.
По лестнице ступала чуть дыша,
Чтобы любовь мне двери отворила.

А, может быть, никто меня не ждет,
Не помнят там давно о встречах прежних,
И он решил, что ныне не придет
Та женщина, что обещала нежность.

Она, хотя и не умеет лгать,
Но в жизни нашей всякое бывает:
Беда, болезни могут помешать,
Или в пути заблудятся трамваи.

Или к другому подойдет спеша,
Протянет руки, поцелует в губы...
Вот он, твой дом в четыре этажа,
В котором жить я никогда не буду!

* * *
Я возрастаю, возрастаю
От нет — до да, от да — до нет.
И возрастая, может, таю,
А может, излучаю свет.

Вам, окружающим, виднее
Весь позитив и негатив.
Мудрее стала я, сильнее
Или ослабла, голос стих?

На спаде или на подъеме —
Вы разглядите за версту.
Кто принят мной, кто мной не понят,
Не обижайтесь, я расту!

ТАБУРЕТКА

Всю жизнь сижу на шаткой табуретке,
Боюсь, что упаду, не удержусь.
Но чтобы успокоиться, таблетки
Я принимать пока не тороплюсь.

Судьба не предлагает мне ни кресла,
Ни стула, что с комфортностью иной.
Я без раздумий и на трон бы влезла,
Но та же табуретка подо мной.

А, может, к счастью, это положение,
Пусть длится уже сорок с лишним лет,
Что мне дает возможность для служения,
Не дьяволу, а Богу — табурет!

* * *
Вот кто-то по дороге разбросал
Листы календаря на снег, на белый...
Весь старый год передо мной лежал,
Смотря глазами дней свои несмело.

Я вглядываюсь в желтые листы,
Как в фотоснимки прожитого нами,
Былого, затуманенного снами,
В котором навсегда остался ты.

Остался март. На улицах огни.
Тепло июля. Помнишь то свиданье?
И телефонов скромное молчанье,
И будни все, и праздничные дни.

Чернеют цифры белою зимой,
По ним проходят, топчут их ногами.
А я к листку, словно к цветку губами,
Прижалась к дню, когда ты был со мной.

* * *
Враги мои ночами снятся,
А я давно их не боюсь.
Они, конечно, удивятся,
Узнав, что я о них молюсь.

Что я прошу опять у бога
Их лучшей доли не лишать.
Зачем? Они и так убоги,
Грешили как, так и грешат.

А я сполна им всё простила,
И, встретив, прочь не убегу.
За то, что обретаю силы,
Спасибо другу и врагу.

* * *
Ну, вот и дождичек в четверг,
А ничего не изменилось,
К тебе попала я в немилость,
И помощь ты мою отверг.

А я, наивная, ждала,
Что поспособствует природа
Искоренить частички зла,
Но, видно, такова порода

Души и тела твоего,
Они жестокой жаждут мести.
Четверг и дождь. А мы не вместе,
И не осталось ничего,
Что свяжет нас с тобой навек.

В судьбе моей сегодня снег.

* * *
Бесповоротно мчатся дни.
Сбежал январь, февраль кочует.
В предвосхищении весны
Не спит герань, тепло почуяв.

Уткнулась листьями в стекло,
На свет не может насмотреться.
И я на миг вернулась в детство,
В свое давным-давным-давно.

* * *
Снова осень. Холодно в квартире.
За окном стучит бродяга-дождь.
Верилось с трудом, что где-то в мире
Обо мне мечтаешь ты и ждешь.

В этом сером мокнущем пространстве,
Где хозяин ветер и сентябрь,
Сладко думать, что от постоянства
Не устал еще и не озяб.

И читать твой аккуратный почерк,
Что невзгоды все привел к нулю.
Я любима, мне сказали строчки,
Я любима тем, кого люблю.

ФОТОГРАФИЯ

Ты спросишь, как живу я без тебя?
А точно так же, как жила с тобою...
Проснусь. И окна настежь все открою,
И посмотрю в глаза твои любя.

Они следят за мною со стены,
Не надо притворяться перед ними.
Глаза живые заняты другими,
А эти только мне одной верны.

С ГОРОЧКОЙ

Дмитрий КРИУШОВ

Писатель, краевед

С ГОРОЧКОЙ (МИХАЛЫЧ)

Сергей Михайлович, будучи человеком, с младых ногтей вскормленным и вышколенным советской властью, можно даже сказать – выдрессированным ею, очень любит свою нынешнюю незамысловатую работу, доволен он ею. Причем – ничуть не меньше, чем той, когда он был начальником цеха, или же мастером участка; работа всегда доставляла ему радость, она придавала его жизни осмысленность, законченность и завершенность. Как ни в чем другом, именно в работе он видел то самое воистину сакральное, торжественно-жертвенное, что выжимает слезу не по суетной любви, а вопреки страстям и желаниям человека и гражданина; одним словом, для него это был подлинный, единственно неложный и радостный ритуал, в котором находило выражение его активное служение коллективу, обществу и родному государству.

Сейчас Михалыч – пенсионер, но, как и в лучшие свои годы, он, как может, так и приносит пользу людям, и это ему сладостно-приятно. И пускай в руках у него сегодня не логарифмическая линейка со штангенциркулем, а всего лишь лопата и метла – ценности собственного труда в его глазах это нисколько не умаляет, и Сергей Михайлович со скрупулезной нежностью прибирает вверенный ему участок города – ведь это его любимый город, его родной двор.

И ему, положа руку на сердце, совсем не важно, что живет он в нем не с самого своего рождения, а всего-навсего с войны, зато всё самое доброе, самое дорогое и светлое связано именно с этими тихими домами, с этими вот деревьями, кленами да липами, которые он сам когда-то, еще при Сталине, и посадил. Вроде и прошло-то времени всего ничего, а вы посмотрите сами, какие они красавцы, и как они вымахали!

А еще он тихо и светло, как умеют одни лишь старики, радуется тому, что наконец-то в город пришла весна, а всякая весна возрождает к жизни только самое лучшее: лучистое солнышко, мягкое, слегка припудренное нежными облаками, небо, и радостных, попрятавшихся на всю зиму, горожан.

Да-да, именно что так: те, зимние – это и не горожане вовсе, это их зыбкие копии, с которыми и поговорить-то толком не удается: скажут тебе на бегу «здравствуйте» – и в подъезд, как в нору. Или же – в машину, как в берлогу. То ли дело весной: весной даже самый ворчливый сосед, навроде Зиновьича со второго этажа, тебе улыбнется, да о здоровье вежливо поинтересуется. А еще – сегодня за ночь выпало на редкость мало снега, можно сказать, совсем ничего, и надо лишь немного почистить дорогу, да убрать мусор за вчерашними студентами – и можно идти домой, чай пить. Слегка портит настроение тот факт, что сегодня Восьмое марта, но ведь даже и к этому можно относиться, пускай с грустью, но всё же светлой?

Всё дело состоит в том, что Сергей Михайлович – именно то несчастливое исключение из правила, что, дескать, женщины живут дольше мужчин, однако за четыре года одиночества он вполне к этому привык, и о своей жене всегда вспоминает с улыбкой. Наверное, ежели бы кто попросил его рассказать о ней что-нибудь плохое, он сперва бы крайне удивился, затем задумался и, наконец, виновато

развел руками: «Не было ничего такого».

– Здравствуйте, дядя Сережа, – останавливается возле него женщина с букетом в руках. – Не узнаете?

– Как же, как же... – постепенно озаряется лицо дворника улыбкой. – Здравствуйте, Оленька, давненько я вас не видел. С праздником вас, здоровья и всего такого... – смущается он, не зная, что сказать еще.

Из него плохой рассказчик: вот сделать что-то – это пожалуйста, а насчет того, чтобы рассказать – увы, не по адресу. Зато он отлично помнит, как Оленька, вся в кудряшках такая, много лет назад (или вчера это было?), вместе с его сыном Димкой пекла в песочнице куличики, да поверх каждого насыпала еще горсточку, деловито приговаривая: «С горочкой, да? Надо, чтобы было с горочкой».

«Горочка» у нее звучало как «голоцька», но со временем это прошло, и Оленька, как это сейчас говорят, стала настоящей бизнесвумен, да много еще чего разного про нее во дворе рассказывают. Тот же Зиновьич, к примеру, утверждает, что она в последнее время совсем разорилась, и поэтому Сергей Михайлович слегка в растерянности:

– Хорошие у вас цветы, Оленька. Муж подарил?

– Да какой там муж! – коротко усмехается Ольга. – Скажете тоже... Дядя Сережа, а давайте я вас украду! На часок! – и она пристально, вдруг посерьезнев, смотрит на долговязого старика.

– Ку... куда? – опешив, прижимает тот, как древко флага, к груди черенок лопаты.

– Ко мне домой: у вас здесь и так уже всё чисто, – уверенно берет она дворника под локоть. – Уделите, прошу вас, женщине в ее праздник немного времени. А лопату вашу мы в тамбур поставим, никуда она от вас не денется. У меня и ликерчик сладенький есть, поговорим, а? Зачем же вам отказываться? Вы же у меня и дома-то никогда не были, а еще сосед называется, – и она вдруг вздыхает, потупив взгляд. – Продаю я эту квартиру, вот. А я в ней выросла, понимаете?

Как тут не понять? Сергей Михайлович и с ее отцом, Борькой, дружил, и с ее матерью, Жанкой, тоже. Они еще потом в конце восьмидесятых в свой Израиль уехали, а перед этим... Многое что было, а теперь ни слуху, ни духу – не звонят и не пишут. А спросить у Ольги, как там у них сложилось, язык не поворачивается: а вдруг они уже померли? Неудобно получится. О чем же тогда разговаривать?

– Вы извините, что не прибрано, – наконец-то справляется с замком хозяйка. – Сами знаете, около двух лет тут не была. Проходите, прошу вас. Да не разувайтесь же вы! А помните, как вы нас с Димкой застукали? Ой, смех... Как у него дела-то?

– Нормально у него всё, в Нижневартовске сейчас живет, на двадцать третье звонил, поздравлял, – робко проходит на кухню вслед за хозяйкой Сергей Михайлович.

– Поздравлял – это хорошо, – кивает Ольга и достает из недоукомплектованного кухонного гарнитура бутылку ликера и пару фужеров. – Рюмок у меня, похоже, нет, так что придется из этого. За вас! – мечтательно улыбается она и наполняет фужеры по полной, с горочкой.

– За нас, – одним пальцем, осторожно, чтобы не расплескать, придвигает к себе напиток Сергей Михайлович и, касаясь лишь губами, делает глоточек. – За наш дом. За наш двор. Эка ты меня любишь, Оленька: аж с горочкой налила.

– А у нас всегда всё с горочкой, – по примеру соседа наклоняется к бокалу Ольга. – У нас, в России, иначе нельзя.

Сергей Михайлович смакует сладкий ликер и любуется своей соседкой; он счастлив оттого, что есть она, и есть этот дом, и этот город, в который наконец-то пришла весна. А еще он счастлив потому, что знает: и у этой женщины, и у этого города, несмотря ни на что, все еще будет хорошо, всё будет «с горочкой».

С ГОРОЧКОЙ (СОСЕДИ)

Очень это непросто – любить чужие цветы. Мужчины, как правило, и к превеликому сожалению, этого не понимают, и дарят их женщинам в исключительных случаях: на День рождения и на Восьмое марта. Бывает, что дарят еще и на годовщину свадьбы, но это, скорее, исключение из правил: мужская память еще короче девичьей.

Неведомо, недоступно мужчинам, этой, мягко говоря, не во всем сильной половине человечества, чувство обладания, нет – единения со своими цветами. И ведь никак не объяснишь им, толстокожим, что букет, пусть даже самый скромный букетик – это ключик к почти что интимному, по-женски сладкому чувству гармонии и нежной красоты, нуждающейся в материнской ласке и нежной опеке. Даже самый записной селекционер в штанах только о том и думает, любуясь своим цветком, какой он молодец, но не суждено ему понять, прочувствовать его так, как это может пропахшая молоком доярка, и как это умеет очкастая, уставшая, не по моде одетая учительница.

Ольга же Борисовна не та, и не другая: она хозяйка двух парикмахерских, совсем даже недурных, но... Но перед самым кризисом она рискнула, взяла кредит, а люди вдруг отчего-то стали стричься в два раза реже. Нет у нее денег, чтобы вернуть кредит, и теперь она идет прощаться со своей квартирой. Квартирой, в которой она выросла, в которой она вместе с родителями клеила обои, красила подоконники, да двери. Из всех дверей в доме оставляли недокрашенной одну, туалетную дверцу: на ней отмечали, как Олечка растет. Папа подводил ее, малышку, к косяку, и химическим карандашом (простой писал плохо) проводил черточку, ставя дату измерений.

Девочке нравилось, что она всё время растет, ей очень хотелось побыстрее вырасти, дотянуться до той черточки, которую она сама для себя определила: та пролегала где-то посередине между папиной и маминой отметками. И Оля, как ни странно, выполнила свою детскую мечту, и даже слегка с горочкой: то ли воспитали ее так, то ли она сама себя так воспитала.

Однако сегодня дарить цветы, несмотря на Восьмое марта, ей было некому – жизнь так сложилась. Оттого-то она сама и купила букет для себя, и пусть это немного не то, что надо, но ведь можно и помечтать? С душевным трепетом войдя в свой милый-милый двор, она увидела... Как же его зовут? Ах, да! Сергей Михайлович, их сосед. Хороший такой старичок, незлобивый, разве что с папой они за что-то лет тридцать назад подрались, и потом до самого Нового года не разговаривали.

– Здравствуйте, дядя Сережа, – радуясь встрече, улыбается она старику. – Не узнаете?

– Как же, как же, – похоже, обрадован встрече и тот.

Ольга Борисовна, что ей несвойственно, слегка тушуется: а вдруг о семье начнет спрашивать? О здоровье – пожалуйста: она, как говорят врачи, в прекрасной форме, однако же, что касается жизни – ее ни в каком фитнес-центре не исправишь. Ну вот, так и есть, спрашивает:

– Хорошие у вас цветы, Оленька. Муж подарил?

Да разве такие цветы муж, путь даже и самый чуткий и распрекрасный, может подарить? Они же печальные, посмотри на них, дядя Сережа, где же твои глаза? Они великолепны, как осень, грустны, как облетевший лист, неужели ты не видишь? Кто же ирисы рядом с белыми хризантемами ставит? Только она, Оленька, и ставит.

– Дядя Сережа, а давайте я вас украду! На часок! – просыпается в ней надежда поговорить по душам с кем-то близким.

Может, потому, что мужчине и самому скучно, или же оттого, что бразды правления взяла в свои руки настоящая женщина, дядя Сережа соглашается и, шмыгая носом, робко следует за ней. Ольга тихо, как будто боясь спугнуть родителей, открывает квартирную дверь и оглядывается: никого нет, даже мух. Одна лишь гулкая тишина нежилого пространства и повсеместная пыль чуть ли не в палец толщиной.

Хозяйка проходит на кухню и озадаченно осматривается: это уже далеко не та, привычная с детства кухня – с четырехконфорочной газовой плитой «Сталинград» и вечно урчащим холодильником «ЗИЛ»; это то, что она три года назад начала обустраивать, но так и не закончила: итальянская (или немецкая?) мебель, пустующие, разверстые зевы в ней, давно и напрасно алчущие поглотить предназначенную для них встроенную технику.

Итак, где-то тут, в шкафчике, должен быть ликер, который они почали с бывшим мужем (впрочем, ни слова о бывших – не стоят они этого). Разыскав напиток, хозяйка, мечтательно прищурившись, наливает фужеры до краев, и ей в компании с дядей Сережей становится совсем хорошо, по-детски тепло и надежно:

- За вас!

Дядя Сережа что-то говорит в ответ, но не слышит она сейчас бывшего лучшего шахматиста района (надо же, вспомнилось и такое!), она с тоской взирает на голые стены, и представляет, как хорошо было бы, ежели вот сюда повесить фотографии родителей, сюда – бабушек и дедушек, а здесь – свою с детишками, почему нет? Глядишь, всё стало бы красиво, уютно, и по-домашнему бесполезно. Бесполезно потому, что послезавтра надо к нотариусу, а там.... Всё, не будет у тебя, родная Оленька, семейного гнездышка. Под горку жизнь покатилась, как ни крути.

– Эка ты меня любишь, аж с горочкой налила, – улавливает она краем уха.

– А у нас всегда всё с горочкой, – тепло улыбается дорогому гостю хозяйка. – У нас, в России, иначе нельзя.

«Это ничего, ничего... – поглядывая на соседа, твердит она сама себе, и делает целый глоток. – Я буду не я! Если я... Да хоть новую парикмахерскую в моем доме открою! Куплю на первом этаже квартиру и переведу ее в нежилое. Это мой родной дом и мой двор. Вот возьму точку на Большакова продам, а здесь – куплю! От начала и до конца ее построю! А дядю Сережу бесплатно стричь стану»!

Они еще долго сидят вдвоем в уютной кухонной полутьме, лишь немного рассеиваемой голой лампочкой, свисающей на пыльном проводе, но не лампочка – улыбки и смех создают этот теплый уют, да возгласы: «А ты помнишь?..», «Ой, ну и отчудил же тогда...», «А вот еще...» Кажется, что даже букет, позабытый в кухонной мойке, и тот от воспоминаний вдруг окреп, помолодел и начал благоухать по-особому нежно.

Не будем же им мешать, ведь они – соседи. А это, согласитесь, навсегда.

С ГОРОЧКОЙ (ЗИНЬКА)

Если характеризовать нашего героя кратко, то, пожалуй, лучше будет начать с обратного, то есть с того, чего не любит он сам: он не любит сладкого (ежели раньше от сладкого зубы просто ломило, до животиков скручивало, то теперь этот вкус даже в малых дозах напоминает лишь об одном: о зубном враче); а еще он, мягко говоря, недолюбливает семечки, прогноз погоды и бюрократов, но не в этом суть.

Самое главное и страшное, чего он не любит, просто напрочь не переносит – так это то, чтобы кто-нибудь именовал его Зинькой. Так-то, по паспорту он – Витя, то есть – Виктор, а еще точнее – Виктор Зиновьевич. Причиной же тому – родной отец, которого и за глаза, а порою и в глаза многие мужики ругали Зинкой, причем – Зинкой с разными матерными прибавлениями; вот вслед за ним, выходит, и он, Витька, по прозвищу вдруг оказался Зинькой. Это звенящее прозвание его, как током, бьет по нервам до сих пор, хотя сегодня уже почти никто и не помнит, что его когда-то так звали. Однако же память – репейник цепкий, она осталась: ее не сотрешь ластиком, как с листа, и не приласкаешь, как кошку: безжалостная она.

Да, согласимся: Зиновьич – брюзга, и с этим смирились все окружающие, кроме, пожалуй, не вполне умственно созревших внуков и одного правнука, который и переоткрыл для своего прадедушки старую, уже позабытую правду, произнеся, пошатываясь на маленьких неокрепших ножках:

«Зиня – Зиня», и всё тут же встало на свои места. Вывод один: даже внуки, и те промеж себя именуют деда «Зинькой», от них-то правнук и узнал о том позорном его прозвище.

Несомненно, Зиновьич, – да что там! – Зинька! – не в восторге от своих чад, а те, соответственно, от него. Но что далось им в имени его? Тем более, что оно совсем не его, а отца! Вон у Вити в классе даже Эля, то бишь – Электростанция, училась, так и что с тем поделаешь, коли раньше за революционные имена детишек их родителям по три рубля в месяц доплачивали?! А еще шибче, чем Эле, приходилось Трактору Щукину, которого порой даже учителя, то ли позабывшись, или же намеренно, кликали «Раком». А всё потому, что его отцу, Ивану Фаддеевичу Щукину, вечно не хватало денег на удалую комсомольскую жизнь.

Так что Зиньке, выходит, в общем-то и целом, не так уж и не повезло, и теперь он, усмехаясь, сверху вниз смотрит в окошко на своего заклятого дружка (соплякa, на целых десять лет моложе!), который каждое утро, зараза, орудует у них во дворе то лопатой, то метлой, в зависимости от времени года. И, как ни странно, ничего, никакая лихоманка того не берет. Двужильный он, что ли?

Ага, а это там кто идет? Что за цаца такая? Ишь ты, цветы с собой тащит, словно бы на свидание собралась. Никак, Олька, эта кучерявая обезьяна из первого подъезда, топает?! Давно, ой как же давненько не было видать et здесь, прохиндейки! Зиновьич чуть ли не прилипает носом к стеклу и что есть силы пучит глаза: очки уже, как и вставные зубы, почти не помогают: понимают, видимо, что всему свое время. Но Вите-то сейчас очень хочется рассмотреть то, что происходит там, внизу, между этим зарвавшимся шкетом Сережкой и Олей. Скажут же тоже – Оля! Оленька, блин! Золотко, елки-палки! Припомнить бы ей сейчас, как она ему снежок за шиворот засунула! Брр!! «Подарок от Снегурочки на Новый год»! Ух, и натолкать бы тебе, Снегурке кучерявой, под твою дорогущую шубу снега, знала бы, как над старшими, да пьяными, издеваться! Порыпалась бы ты у меня!

«Так-так, и куда это они там вместе пошли? Неужто старого топтуна вход перед своим подъездом заставила почистить? – злорадно думает Зиновьич. – Нет, лопату возле дверей оставил, входит. Вот ведь долговязая кобелина! Неужто Олька такую прыгучую блоху, как Серёга, и к себе домой повела? Что-то будет?!» – и Зинька еще плотнее... нет, уже ничего не видно.

Разочарованно оторвавшись от окна, наблюдатель подслеповато нащупывает на столе чашку чая и делает глоток, взамен жажды любопытства утоляя жажду естества; но кто ответит, которая из них первичнее? Так и не дождавшись за чаем, что дверь первого подъезда вновь распахнется, и из нее пулей вылетит с позором изгнанный Серёжка, Виктор Зиновьевич переводит рассеянный взгляд на стоящий чуть наискосок старый двухэтажный домик, отчего в его голове закрутились тонкие, как нити паутины, сюжеты развития его собственной жизни. К примеру, родился бы он не вон в том самом неказистеньком домике, что как ни странно, не снесен до сих пор а, допустим, возле казарм, что, увы, уже не существуют? И появился бы на свет не в семье горного инженера а, к примеру, оказался бы сыном красного командира? Генералом, верно, мог бы сейчас быть. С денщиком, да... Так ведь нет – пошел по стопам отца и стал горняком, разве что на горы эти, будь они неладны, всю жизнь смотрел изнутри, снизу: шахтеров спасал и, пожалуй, даже не одну сотню спас.

Кхм... и себя, выходит, тоже: бронь, броня у него была на время войны. Но да что теперь об этом говорить, ему за себя не стыдно: бывало, по трое, и по четверо суток из шахты всем спасательным отрядом не вылезали, лишь бы из-под земли ребяток живыми достать. А случалось такое в Берёзовском, этом Богом, но не партией забытом городишке, где золотишко добывают, увы, слишком часто: едва отоспишься, как опять авария, и беги, Зинька, выручай рабочий класс. Он, как и ты, инженеришка свежевыструганный, житеньки хочет, но, в отличие от тебя самого, безусловно верит в тебя, безусого. Словно бы в Господа Бога верит в тебя, неверующего. Тогда – еще неверующего, а теперь... теперь пора пододвинуться к окну поближе: вот уже часа три, как за ним, по поговорке, «ни Прошки, ни картошки».

Но где же эти негодники, не мог же он их проглядеть?! Не выходили они из подъезда, Зиновьич зуб за то готов дать. И пускай тот последний, зато память у его хозяина длинная, как солнечный луч: вроде бы и ухватил его за хвост, так ведь нет, вот он, меж пальцев просочился, на песочке возле твоих ног пылью балуется. Фу ты, опять не о том... Но пол подмести все-таки надо. Так-так, наконец-то выходят, целуются (тьфу ты, охальники!), шлепают обидно губами, противно улыбаются, и вот уже Ольга, на прощание помахав букетом, скрывается за углом. Нет, но что ей здесь было надо? Чего они там с Серёгой столько времени делали?! Зиновьич, не выдержав, открывает форточку и кричит вниз:

– Ну что?

– А, это ты... – щурится против солнышка дворник, прикрывая глаза ладонью. – Что – «Что»? Что за глупые вопросы ты вечно задаешь? – звякает он лопатой о металлическое ограждение детской площадки. – Слышь, как звенит? Прямо как твоя голова! Дзынь! Всё-всё, шучу я! Выползай уже! На лавочку, вон, я ее ради тебя почищу! Не хочешь? Ну, тогда может, хотя бы завтра? Весна же на дворе, благодать! Чего опять башкой трясешь – не выйдешь? Тогда вот ты кто, – вновь звенит он лопатой по трубе. – Так и знай! Кесарю – кесарево! А мне – государево!

Такие вот странные игры в «подкидного дурака» у них, но отчего-то они чувствуют себя сейчас именно так, как в молодости: один – Сережкою, другой же – Зинькою.

«Зинь-зинь!»

Владлен КОЗИНЕЦ

Родился в 1947. Работал слесарем на заводе, бетонщиком на стройке. Член Союза журналистов СССР, России с 1975 г. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1965–69), служил офицером в Вооруженных Силах СССР (1969–71), второе образование – политолог (Свердловский социально-политический институт 1988–91). Работал на телевидении и радио: 1971–73 – Воркутинская студия телевидения, корреспондент редакции информации; 1973–2003 – Свердловское государственное телевидение и радиовещание: корреспондент, комментатор, заместитель главного редактора, главный редактор. Автор сценариев и ведущий телевизионных цикловых передач: «Стадион молодых», «Присяга», «Год до армии», «Седьмой канал», «Семнадцать мгновений», «Действующие лица»; радио: «Орбита», «Спорт за неделю», «После финального свистка». Внештатный сотрудник федеральных информационных теле- и радиопрограмм: «Время» («Первый канал»), «Вести» (ТВ «Россия»), «Сегодня» (НТВ), «Маяк» (Всесоюзное радио), «Новости» (Радио России). Лауреат журналистских премий: Свердловского отделения Союза журналистов СССР, Центрального и областного комитетов ВЛКСМ, Центрального и областного комитетов ДОСААФ, Министерства обороны СССР.

ФРЕСКИ*

От автора

Пока стена моя стоит и штукатурка не вся высохла – читайте: картинки из действительности как вольные интерпретации, вдохновленные реальными событиями. И не только.

СЕКРЕТИНКИ

Свой-чужой

В педагогическом составе крымского пионерлагеря, привольно расположившегося в даче последнего русского царя, местных было всего трое – директор, старшая пионервожатая и завхоз. Директор – дама зрелого представительского возраста с горисполкомовским прошлым, всегда с пышной «халой» на гордой голове – персонал держала в ежовых рукавицах. Ее лагерь из года в год числился в ГОРОНО в передовых, потому и лозунгом от всех передряг было «не дай Бог что не так – всем головы поотрываю»! Старшая пионервожатая по комплекции хоть и была поскромней курпулентной начальницы, в амбициях ничуть ей не уступала – ни дать ни взять секретарь парткома крупного предприятия! Мало кто знал, что вне сезона она, женщина безнадежно одинокая, банально сторожила длинными тоскливыми днями и ночами вверенную территорию на пару с таким же немолоденьким дворовым Полканом неопределенно-линялой масти. Завхоз же был молчаливым крымским татарином непонятных лет, у которого лишней простыни не выцыганишь – только с разрешения руководства! Изредка его навещало огромное семейство – тогда он барином щедро кормил их на кухне из общественных запасов и потом крепко запивал одиночество дня на три. Это ему позволялось. Только ему! Вне сезона эти двое, в отличие от «старшей», были банальными пенсионерам, возделывающими собственные участки, так что лето становилось для этой троицы звездным часом власти.

Данная триада рулила (по мнению большинства – «пила кровь») исключительно переменным контингентом. По банальной причине – дважды сюда мало кто вербовался из приезжих. Впрочем, кадрового дефицита не предвещалось – приезжие сами напрашивались со всего Союза – что называется, «с бору по сосенке». Сами крымчане летом выращивают урожай да обслуживают отдыхающих. Море, солнце для них не диковинка – это москвичам, уральцам, сибирякам хоть раз в год позарез нужно все и сразу. А тут открывалась еще возможность детей во время отпуска пристроить на хорошее питание да под негласным личным присмотром. Ну уж коли приехали – чего роптать на руководство? Не навсегда же!

В эту смену заметно выделялся высокорослый, военной выправки москвич-пенсионер – единственный, кто прибыл в одиночку. Пронырливая «старшая» быстро разнюхала: «столичный ученый, определенно – засекреченный. А что без детей-внуков – так повырастали поди уже. По всему – вдовый. Погреться да поплавать кому не хочется?»

Ближе к ночи повариха на веранде обширного директорского кабинета – где в оные времена столовались самодержец с домочадцами – накрывала чай с бубли-

* «Фреска – разновидность живописи: роспись производится по сырой штукатурке». Словарь Правмира.
Фрашки (польск.) – мелочь, пустяки.
Frasjue (франц.) – шалость, проказы.

ками-пирожками, и начиналась еженощная планерка: спешить некуда, детки накормлены-уложены, можно и порассуждать. В основном – о проблемах воспитателей-пионервожатых; кружководы сидели кучно и традиционно молча – по мнению первой категории, вот у кого была не жизнь, а сказка! Вся ответственность – в отрядах. Тут порой и на море толком не выберешься – гляди во все глаза, как бы кто не заболел, а на пляже чтоб не нахлебались морской воды, не перепеклись на жаре.

Помалкивал, как все, и москвич – всегда что-то чертил в вечной записной книжке, или рисовал всякие модели. Он вел кружок технического творчества для десятка юных вундеркиндов – любителей паять, строгать, клеить, пока остальная детвора с упоением пела под баян или гоняла мяч. Все же однажды его удалось разговорить. Никто не решался, только настырный физрук с Урала рискнул. Обычно трындели обе начальницы, остальные редко слово вставляли. Но этот квадратный крепыш, у которого даже на тренировочном костюме поблескивал значок «Мастер спорта СССР», с первых же дней развил такую бурную деятельность! Его явно не устраивал этот театр миманса. Видать, по спортивной привычке рвался в лидеры! И выделился. Взялся ретиво благоустраивать спортивную базу: с чего это вся территория лагеря, включая спортплощадки, напрочь заасфальтирована? Ему немудрено отвечали – «так было всегда!» Этот не смирился, как предшественники. Когда приехало руководство завода, на чьем балансе состоял лагерь – молодой стройный директор; солидный, но весьма спортивного телосложения предпрофкома; шустро-задорный комсомольский секретарь; вальяжный задумчивый парткомыч – физкультурник предложил им сыграть в волейбол с командой преподавателей. А потом в сауне, под пивко от услужливого завхоза – и где только чешское раздобыл, хитрюга – задал невинный вопрос: ну как, коленочки-локоточки посбивали?

Уже на следующий день прибыло несколько грузовиков с чистейшим желтым песочком – из закромов для ялтинских пляжей. Деловитые рабочие в комбезах разровняли-укатали это богатство на волейбольных площадках и футбольном поле: нет газона – и не надо, играйте в бразильский футбол. Оборудовали сектора для прыжков в длину и высоту. Даешь физру с утра и до ночи! А физкультурник и на этом не успокоился – с активом из старших отрядов разметил все оставшиеся заасфальтированные дорожки на территории – для пионерских эстафет. Энтузиаста отметили на планерке: мол, раньше до всего этого руки не доходили, да и спеца толкового не было. На одно море и уповали – раз лагерь на горе, обходились малым.

На правах центра внимания он и решил подкатиться к москвичу.

– Роберт Изосимович, меня все подмывает задать один вопрос: вот вы ж не курите, а в руках у вас частенько видно вещь, очень похожую на портсигар. Я полагаю – она явно с секретом?

Директриса было зыркнула строгим взглядом, но пенсионер отреагировал добродушно.

– Уралец, его проведешь, как же! Оборонный регион. Вы практически угадали, мастер. Когда-то эта вещица спасла немало жизней.

– И вы про это молчите? Какой эффективный воспитательный момент зазря пропадает! Не похозяйски, честное слово. Вы поди Герой Советского Союза – а мы и не знаем?

– Нет, до героя не дорос. И генералом не стал – уволился в запас в звании подполковника. Но это так, к слову. А если интересно? Тогда слушайте.

Все непроизвольно взглянули на директрису, которая и сама была все внимание. Москвич выложил из кармана плоский предмет, действительно напоминающий портсигар.

– Это очень памятная для меня вещь – еще с лейтенантской юности. Предыстория такова. Я ростовчанин родом, в шестнадцать лет во Дворце пионеров мне удалось собрать свой первый робот. Отправили в столицу на конкурс Министерства просвещения СССР, где повезло стать лауреатом. Приз – любой ВУЗ на выбор. Я мечтал стать военным, как отец, полковник-связист. Он у меня настоящий мужик – сейчас ему за восемьдесят, а сам на рыбалку за рулем ездит до сих пор. Сотни километров наматывает – и хоть бы что! Я тогда выбрал Воронежское высшее военно-инженерное училище радиоэлектроники. Вскоре началась война в Корее, где, вы должны знать из истории, наша страна участвовала неофициально – только как добровольцы с китайской стороны. Я как раз выпустился. Острее всего поединки были в воздухе с американцами. Стояла задача – научиться определять, где «свой», где чужой. Я и смастерил вот эту штуку, – кивнул рассказчик на вещицу. – Электронный определитель радиолокационного опознавания. Наши самолеты узнают друг друга через зашифрованные сигналы. Не опознал – значит, по курсу враг. Три таких экземпляра я и привез для испытания в район боевых действий. Летчики обрадовались – давно ждали что-то подобное. Один капитан решил немедленно попробовать со своим ведомым, третий прибор – именно этот – остался у меня. Улетели, ждем. И тут вкатывается на аэродром автомобиль с московским генералом, страшно рассерженным – почему начали без него?! Легко определил по форме одежды возмутителя спокойствия: один я стоял в советском обмундировании, остальные – в китайском.

– Это ты, лейтенант, бузу затеял? Покажи немедленно, что испытываешь!

Повертел в руках, презрительно вернул.

– Ах ты, гаденыш! Хочешь на эту пудреницу американца взять? Мальчишка! Фанфарон! Да я тебя – под трибунал!

Рявкнул через плечо майору-порученцу: «за штат его» – и был таков. У меня в Москве тогда еще своего угла не было – снимали с женой-студенткой комнатушку в «хрущевке» на Зацепе, ладно, ростовская родня посылками поддерживала. А тут зарплаты лишают!

– Ни фига себе! – ахнул физкультурник. – Вот это дедовщина!

– Слушайте дальше. Вскоре приземлились капитан с ведомым-старлеем – и ну давай меня тискать. Капитан кричит: «Герой,

качать его». Старлей ему вторит:

– Мы американцев толком и не разглядели. Увидели впереди три силуэта – приборы молчат, можно смело действовать. Как врезали издаля – один тут же вспыхнул. Двое – врассыпную. Ну, мы одного догнали – тоже в ад заслали! Так можно воевать!

– Пусть выживший третий расскажет своим, как мы их расчехвостили! – подхватил капитан. – А литера – к награде! Первый подпишусь!

Видят – что-то не то происходит, никто их веселья не подхватывает. Ну, им рассказали, что тут произошло, пока они дрались. И все из-за этой штуковины!

– И чем дело кончилось? – не выдержала «старшая». – Не томите, миленький! Вы и вправду герой!

– Ждем продолжения! – поддержала ее директриса. – Побольше бы нам таких историй на планерке, товарищи! Все не рутина повседневная. Детей на таких примерах воспитывать – наша главная задачи. У меня уже руки чешутся провести костер с повесткой «Герои среди нас!» Всем в городе нос утрем!

– Дальше не очень интересно! Скорее – личное. Старлей снял с головы пилотку: ребята, у кого сколько денег есть – сыпьте сюда. Когда еще этому парню взыскание снимут! Моментом заполнили – и отдает мне. Я говорю – погодите, надо же записать, кому я сколько должен! А он смеется: да ты наших традиций летных не знаешь. Мы уже забыли! И ты из головы выброс! Ты этим своим приборчиком авансом на всю оставшуюся жизнь рассчитался, парень!

– Вот это мужики! – ахнул физрук.

– А знаете, как того старлея звали? Степа Микоян!

– Сын самого Микояна? – вскинула бровь директриса.

– Так точно! Степан Анастасович. Отец его, Анастас Иванович – если молодежь не помнит – член партии с 1915 года, когда она была еще в подполье, и за одно это можно было на каторгу угодить. Член ЦК с 1923 г. – когда еще не ясно было, куда повернется власть после Гражданской войны. Кавалер шести орденов Ленина, Герой Социалистического труда, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, предотвративший Третью мировую войну путем ликвидации Карибского кризиса на Кубе. Степан – его старший сын. За отца не прятался, сам в бой рвался. И еще он племянник дяди-авиаконструктора Артема Ивановича Микояна – дважды Героя Социалистического труда, шесть раз награжденного за создание истребителей – легендарных МИГов Государственной премией СССР с вручением орденов Ленина. А тот старлей Степан стал Заслуженным летчиком-испытателем СССР, Героем Советского Союза, генерал-лейтенантом.

– Да! – вздохнул физрук. – Великие люди!

– Что до моей скромной персоны... Прибор пошел в серию. Наградили меня автомобилем «Победа», который до сих пор водит отец – я уже три «Волги» укатал, а той призовой машине сносу нет: железная – как танк! Мой прибор много модификаций прошел, были еще разработки. Сын тем же занимается, майор. Я уже говорил – уволился в запас подполковником. Годы вышли! А первый экземпляр – тот самый, что побывал в Китае – всегда со мной. На вечную память!

Сапоги

Журналист захлопнул блокнот. Может быть, чуть энергичнее, чем следовало. Для него это означало – нужный материал он сполна так и не получил. Вышло, правда, несколько резковато – так, что это уловил и хозяин. Но не отреагировал никак. А жена героя интервью уже споро накрывала на стол – будто только и ждала, когда мужики уже наговорятся: вместо бутербродиков к чаю праздничную скатерть украсили запотевшая бутылочка «Столичной», огурчики собственного посола с личного огорода, грибочки в сметане, другие холодные закуски в преддверии горячего. Дежурная улыбка гостя поменялась на обычную, повседневно-деловую. Высокорослый, как статуя, глава семьи – на голову точно выше немаленького самого по себе журналиста – недаром он так выигрышно смотрелся на трибунах и пресс-конференциях – поделовому осторожно поинтересовался:

– Вроде как бы я правильно ответил на все ваши вопросы?

– Хотите честно? Только – без обид. Я бы характеризовал так: слишком правильно.

Положа руку на сердце, беседа протекла не совсем уж в провальном русле. Знатный зуборезчик, Герой Соцтруда орденоносного, известного не только на всю страну, но и за рубежами завода изрядно поднаторел в многочисленных выступлениях и на заводские темы, и в качестве ветераны Великой Отечественной войны. Поэтому споро сыпал откатанными штампами, заготовленными на все случаи жизни. Записывать было нечего. Газета без праздничного материала на первую полосу к 9 мая не останется – и то хлеб. Будь корреспондент помоложе, его бы все вполне удовлетворило. Так что можно было честно приступать к трапезе, оба ее заслужили – журналист тоже заявился в дом не с пустыми руками, преподнес в дар хозяину свою свежую книгу очерков «Уральцы на фронтах Большой войны» – основу-черновик будущей диссертации, где рассказывалось о людях, хорошо известных этой семье как по личным контактам, так и по официальным встречам. Это был их слой общения и по работе, и по отдыху. Преподавать на журфаке университета без ученой степени несерьезно, так что книга, безусловно, носила фундаментальный характер. Возможно, сегодняшняя встреча тоже добавила бы свой штрих в научный труд. Если бы состоялась в нужном ключе. Когда за спиной пара десятков лет журналистской страды... Как раз этот опыт и не давал успокоения: даже в таких вот пафосных случаях должен быть в сердце публикации какой-то нерв, отличающий ее от тысяч подобных. Вот его, этого самого нерва, как раз и не случилось.

Все было вкусно. Опрокинув по первой-второй, перешли на будничные темы – семья, погода, рыбалка. И тут гостю поживиться было нечем: все у этого лидера рабочего класса было на славу – словно парадный портрет маслом. Дочка удачно замужем: живет отдельно, исправно преподнесла с интерва-

лом в три года внуков, сейчас уже школьников, обретаются в соседнем доме в благоустроенной квартире в три комнаты. Зять трудится в том же цехе, что и герой будущей публикации – так что общение не прерывается, что очень важно для взаимной информации о житье-бытье. До пенсии еще далеко – даже с учетом его стажа в «горячем» цеху – так что успеет еще внуков поднять, коли такая потребность нарисуется. На здоровье жалоб нет – есть надежда дождаться правнуков в спокойной старости. Машинка бегает исправно – недавно поменяли, спасибо профкому родного завода – «Москвич» на «Жигули» третьей модели в экспортном исполнении, даже на крепком морозе заводится с тычка. Каждый год отдыхают на море либо в пансионате предприятия на озере в соседней области, с путевками дефицита не наблюдается.

И только после третьей-четвертой, перед десертом, которым обалденно пахло из кухни, когда хозяин уютно затянулся «Казбеком», а гость уставился в телевизор, оно наконец-то прозвучало.

– Вижу, не угодил я тебе. Извиняй, если что...

– Да как сказать... Вроде все прилично.

– А ты не мнись. Чай, не девочка. Мы на производстве обходимся без этих футы-нуты. Руби правдуматку, как есть. Глядишь, и поправим дело. Ты ж не чаи ко мне пришел гонять.

– Понимаете, Иван Иванович... В целом все норм, опубликуют и так. Но если на этот материал наложить еще с десяток по похожему поводу – будет один в один. И чем Иван отличается от Петра, родная мать не разберет. А это уже хреново. Я так и студентам своим, и коллегам в газете толкую – каждый человек неповторим. Ищите его отличие от других. Получается – сам учу, и сам же...

Помолчали. А тут и пирог с клубникой подоспел. Под очередную рюмашку пошел как под горочку. Гость засобирался, поблагодарил хозяюшку.

– Вам с собой положить? Деткам там, супруге...

– Да вы меня и так закормили...

И тут хозяин вмешался.

– Погоди, мать. Мы не закончили.

Жена проворно скрылась на кухне.

– Мне кажется, я врубился, чего тебе не хватает. Мы это в цеху называем «неординарный случай» – когда не разбери-поймешь, что не так. Только давай наперед столкуемся. Если что не понравится – не обессудь.

– Годится.

– Тогда еще по рюмашке. Заодно и бутылке конец. Че ей недопитой киснуть!

Жена подала крепко заваренный чай и снова исчезла.

– Мы как-то сразу стали не на равных. Ты мне выкаешь, я – тыкаю. Может, в этом все и дело?

– Кто постарше, тот и решает. Мне не трудно.

– Тогда давай по простому. Идет?

– Без проблем.

– Лады! Значит, так. Я уже говорил тебе – войну застал краешком, в Польше. Легница – городок, только-только назад переименованный с немецкого Лигниц – в феврале сорок пятого.

– Второй Белорусский.

– Именно. Думали, нас с цветами встречать будут. Щас! Там такие гембы у всех были. Это поихнему...

– Уголовные рожи. Я малость знаю польский разговорный. Тоже там служил в армии.

– Ого! По стопам старших, значит? А где?

– В Северной группе войск. Шофером командира полка. Курсы ДОСААФ окончил, когда год до призыва поработал слесарем – для стажа, чтоб поступить, а тут и повестка. Университет уже потом был.

– Хорошая биография. Не от маминой соски в писатели подался.

– Как у многих.

– Не скажи. Большинство так в работягах и застревает. Хоть и твердят на всех углах – учиться, учиться... А кто тогда железо пилить будет?

– Мы малость от темы ушли.

– Нам замполит все твердил перед высадкой из эшелона – про их гжечность...

– Обходительность.

– А они... Дашь в кнайпе...

– В забегаловке...

– Банку тушенки за бутылку, они тебе в глаза «шановне витаемо»...

– Душевно приветствуем...

– А только отвернешься – «пся кошчь» бубнят себе под нос.

– Собачья кость.

– Вот именно. Та еще сволота! Расположили нас в доме попа ихнего, ксенза – с немцами сбежал, подлюка, хата пустая стояла. И в первую же ночь – тревога. Немчура где-то рядом прорвалась. Мы их ловко придавили огнем, никто не ушел. Смотрю – а я в одних кальсонах, штаны от гимнастерки с перепугу забыл натянуть. Вот, если это украсит твою публикацию – опиши. Пусть посмеются. От меня не убудет.

– А после Победы долго еще служили? Вы что-то про Западную Украину мельком упомянули.

– Ну да. Не всех же сразу по домам отпустили. Отвели нас подо Львов, в Яремчу – помогать чекистам выявлять всякую шваль – бандеровцев, оуновцев, других предателей-карателей – у хохлов этой погани сверх меры было. Хотя нас и инструктировали: коли руки поднял, тащи его в плен на допрос – мы не очень с ними церемонились. Раз эти скоты в услужение фашистюгам пошли, да по доброй воле – смерть им приговор, и баста! Косили гадов без устали! И скажу тебе как на духу – мало мы их побили. В Яремче той сейчас знаменитый курорт – а что, места там на загляденье. У меня племяш туда по путевке ездил, рассказывал: захожу в общественный туалет, а там мелом надпись на стене – «Москали! Геть з Украины». Это сколько ж годов прошло – а никак не уймутся! Но про это лучше не надо. Да и не пропустят у тебя в газете такое.

– Раз уж по чистогану пошло, спрошу: мародерство среди наших было?

– Да хрен его знает! Может, и случалось – до меня не доходило. Кормили нормально, по командирским меркам. Нас, конечно, предупреждали об ответственности, стращали для порядка – мол, мы не бандиты, мол люди здесь и так настрадались. Хотя – кто как. Сильно обиженных что-то мало попадалось. Но вопрос ты этот задал не

зря. Тут мы с тобой кое к чему приближаемся. Была у меня одна проблемка. Росту, как сам видишь – все малого два метра. Ну и нога – соответственно. Сорок шестой. Таких сапог еще поди поищи. На войну отправили обутым, мне при экипировке два дня обувь подбирали. Но времечко-то шло. Истоптал я сапоги, а с новыми никак не получалось. Старшину я достал, он все бубнил – погоди, помню, а где взять? И тут накрыли мы банду бандеровцев. Они краем лесочка шли, вокурат на нас. Вел их здоровенный дядила – за версту видно, что деревенский, как и я. Увалистый такой, не из строевых. Я еще подумал – вот с кого сапоги бы примерять! Мне дак точно в размер будет. Выскочили мы им наперерез, окружили, стволы наставили – им куда деваться? Грабки вверх, и гуськом шагом марш, повязаны накрепко, один за другим, зыркалы в землю. Ну как с него при всех те сапоги сдерешь, с пленного? Как есть мародерство получается, а за это – точно трибунал. И тут ротный – он сзади топал – окрикнул, мы непроизвольно оглянулись – а дядила, видать, гад, как-то втихаря распутался – и ну деру в лес! Я не растерялся – выдохнул, и засадил по нему очередь. На взгляд – вокурат промеж лопаток. Молодой, глаз набитый. Добег до него – а шары сами на его сапоги таращатся. Загляденье, тебе скажу, а не обувка. Яловые , не то что мои керзачи, справные такие, с набоечками, с подковками по носку и каблукам, почти что новье. У нас до войны в деревне были такие только у бригадира. Он в Омске покупал. Брехал, дескать, товар от самих Барабанщиковых – были такие в Сарапуле производители-купцы до революции с кожевенными магазинами по всей России, в Омске на складах кое-что сохранилось. И еще трындел – будто сам царь такие же сапоги носил! Ну, нагибаюсь стянуть– а он, падлюка, не дается. Живой, гад! Мертвяком притворился – а сапог пожалел. Врезал ему прикладом по затылку – легко пошли сапоги. Переобулся, попрыгал – ну точь в точь по мне. Кинул ему свои прохоря, ору – вставай, а то прикончу! Вот такая история. Но снятся мне те сапоги иногда. Вроде ничего особенно я не нарушил, а будто зарубка какая в памяти осталась на всю жизнь. Не знаю, пригодится тебе это, нет – сам решай. И вот еще что, напоследок. Вот у тебя с фамилией полный порядок. Явно уральского, так сказать, разлива.

– Вроде так. Раньше, я слыхал, как говорили? Чей сын? Пушкаря. Пушкарев то есть. Похоже, предки при Демидове пушки лили.

– Ну вот. А теперь смекай. Фамилие мое, Шадрин – как бы и не настоящее. У жены взял. По матери я – Клемент, по отцу – вообще черт те что – Околокулак. Меня по уличному прозвали «четырехпалый» – на левой ноге два пальца срослись при рождении. Мне по жизни оно не мешало. В футбол гонял – с левой бил только так.

– Как у Сталина. Синдактилия – наследственный недостаток. Бывает.

– Про Сталина не слыхал. Все то ты знаешь!

– В ВПШ учился. Там и рассказывали много чего.

– Господь знал, кому разумение давать. Ну дак вот. В колхозе паспортов не было. А она у меня – городская. Когда женились, я и взял ее фамилие. Ладно, хоть с именем у меня порядок. Но об этом обо всем – точно молчок! Засмеют! Да и от начальства недоверие выйдет. Чего, мол, темнить надумал!? Или еще что, посерьезнее, скрываешь?

Конверсия

Этот термин, еще вчера почти неизвестный – во всяком случае, широкому кругу общественности, означающий в переводе с латыни (conversio) «изменение», в контексте политической ситуации потоком лился из всех радиоприемников, с экранов телевизоров, жирным шрифтом пестрел на первых полосах газет. «Что может дать оборонка народному хозяйству, помимо оружия?» «На что способны лучшие умы страны, если применить их опыт в создании товаров народного потребления?»

Это явление в духе горбачевской перестройки теребило журналистскую душу экономического обозревателя регионального телевидения Корнева не по-детски. Неужели наконец-то допустят на предприятия, коих на Урале – пруд пруди, а на поверку будто и вовсе нет в природе? А то ведь ходишь мимо них много лет, а внутрь заглянуть – ни-ни! Запрет на запрете! Конечно, кое о чем он знал или догадывался – а что толку? Все равно говорить об этом в эфире запрещалось строго-настрого. Друзей на этих производствах больше, чем в среде искусства или сельского хозяйства, а понять, чем они занимаются – шишь! Даже названия заводов, которые у всех на слуху, и те под грифом «секретно». Да что там названия! Не дай бог проходная любого гиганта или даже середнячка индустрии появится на пленке в кадре передачи – нагоняй получишь по первое число! Вот уж секрет – так секрет: тысячи людей толпами прут через эти проходные!

Примечательный случай произошел с его коллегой, спортивным комментатором Ребровым. Вел тот под Новый Год вполне себе невинный репортаж с краю полыньи городского пруда о любителях «моржовой закалки», и по ходу репортажа сделал комплимент одной из дам, которая наравне с забубенными мужиками отважно ныряла в ледяное крошево. Та на голубом глазу ему и отвечает:

– А я ведь уже пенсионерка!

– Да не может быть! – искренне восхитился журналист. – Вы так прекрасно молодо выглядите!

– Дак я же на «трех тройках» работала, у нас там выход на пенсию льготный!

Хоть под лед провались! Эфир прямой, слово улетело – не поймаешь! Наутро появился в телерадиокомитете человек в штатском, попросил показать контрольную видеозапись из накопительного архива на вполне конкретной минуте, тщательно все законспектировал. Он-то ушел, а тут... Пошло-поехало: выговор, топот начальства и проч. Полынья – и та оказалось опасной как фактор разглашения гостайны! А тут – конверсия! Это как понимать – что, теперь все можно? На сказку похоже.

В субботу за преферансом с другом, замглавного инженера одного из подобных предприятий – жили на соседних этажах в доме их завода – Марат осторожно поинтересовался, как бы невзначай:

– Что на заводике говорят обо всем этом? Про конверсию и все такое?

– Да, если честно – сами не поймем толком. Конечно, мы и раньше для обычных людей, а не только для армии что-то делали – игрушки инерционные, например. Сейчас вот это чудовище взялись выпускать – кухонный комбайн «Элекма». Ты знаешь – это с английского как «электронное письмо» переводится. Как бы весточку в рамках моды – во мы какие молодцы! А получилось...

– Да уж. Жена ее разобрала – а назад собрать так и не сумела. Если кандидату наук, архитектору это не под силу – куда уж кухарке?! Полстола на кухне занимает ваше изделие, а пользы не больше, чем от ножей с кофемолкой.

– Вот именно! Мы ж примитивного ничего делать не умеем. Увы.

– Я не об этом хотел спросить. Когда пускать нашего брата станете? Уверен – лишнего не спросим, на секретное производство нахально не вломимся.

– Как раз вчера директор собирал совещание на эту тему. Начальник первого отдела ответил просто: мне нужно письменное указание. А вся эта идеология – до лампочки. Начальник первого цеха – он мужик крутой, на войне в охране маршала Рокоссовского служил – и вовсе заверил однозначно: никогда, ни при каких обстоятельствах! Сегодня – можно, завтра – опять нельзя, а кому потом расхлебывать, если серьезная утечка информации произойдет?

– Понятно...

Была у Корнева одна фишка. Когда урабатывался до икоты, брал отгулов на недельку и либо гонял на лыжах с утра до вечера, либо в турбюро города брался скататься куда-либо за пределы области руководителем группы, дабы отвлечься. В этот раз ему предложили поездку на три дня в Душанбе. Ему было все равно куда. Тем более что в феврале там уже весна, а на Урале еще снег лежит, и морозец порой прихватывает в полную силу. Просматривая список туристов, обратил внимание на троицу из города Снежинск соседней области. Который в просторечии именовали еще как «Челябинск-70». Самый-самый засекреченный из закрытых для посторонних населенных пунктов. А ведь это был шанс!

Эти трое оказались людьми интересными. Конечно, обе женщины, как и большинство, были из недавно зародившихся коммерческих структур «купи подешевле – продай подороже», взяли путевки они исключительно для личного отоваривания: в любом Таджикистане ширпотреба было куда как больше, чем в России. Тут тебе и электронные часы, и детские вещички, и кофе «Пеле», да те же шарики для настольного тенниса –всё на Среднеуральщине шло по разряду дефицита. Хоть себе бери сколько хошь, хоть на продажу. При всем приличном завозе товаров народного потребления в подобные закрытые точки, как Снежинск, такого изобилия, как в республиках СССР, ждать было бесполезно. Ну, а третьим оказался инженер Роберт с головного предприятия. Этому, как и журналисту, просто требовался передых против «выгорания» на службе – пловчик да шашлычок под коньячок. Познакомились, песен попели вечерком, обменялись телефончиками. Особенно это оказалось на руку телевизионщику – где еще узнаешь код набора закрытого города? Зашел, конечно, и разговор о конверсии. Инженер поделился одним любопытным секретиком.

– Повнимательней следи за публикациями в «Правде», Марат. Если что-то упомянули, даже если совсем вскользь – значит, запрет либо снят, либо будет вот-вот снят, может просто негласно вышло какое-то послабление, которое иной раз действует эффективнее официоза. Мы и сами устали от режима сверхсекретности. Тут недавно потихоньку объявили – от человека к человеку – что скоро можно будет выезжать в соцстраны. Значит, движуха пошла! Того и глядишь, наведаешься к нам в гости. У нас «за забором» каждому новому человеку рады как родному. А то ведь всех кошек и собак по именам знаем, обрыдло до икоты!

... Директор ВНИИТФ – Всероссийского научно-исследовательского института технической физики, академик Нечай – собрал экстренное совещание руководителей служб и отделов.

– К нам едет бригада телевизионщиков России. Разрешение из Москвы я уже получил. Но – с оговоркой: показывайте, да не все подряд. Гостайну никто не отменял. В то же время, в духе перестройки, народ должен знать, что и мы в конверсии участвуем. Какие будут соображения?

– Тут и думать особо нечего – начальник первого отдела был по-хорошему возбужден. – Лампы Касперского мы уже вывозим в десяток адресов, пока по Уралу – это ж чистая прибыль. Мониторинг окружающей среды, благодаря чему предсказания погоды с нашей помощью стали намного точнее – тоже вклад в новое явление. Компьютерный томограф почти готов – вот тут от телевизионщиков прямая польза может выйти: меньше будет проволочек с продвижением этого агрегата по части заказа от Минздрава. А то что-то очень уж тормозят на каждом этапе освоения темы.

– У меня складывается впечатление, что медики никак не отделаются от привычки, что лучевая диагностика в медицине – это удел японцев и немцев, – подхватил мысль член-корреспондент Аврорин, второе лицо в иерархии института. – Мол, куда вам с русским рылом в калашный ряд. Вот пусть пресса и раздует огонек поярче. Глядишь, оно и покатит веселей!

– Мне дак с этим вопросом вполне все ясно, – усмехнулся секретчик. – Эти капиталисты такие откаты за каждый томограф башляют! Мы с вами курочку, несущую золотые яйца, режем своим предложением. Тут еще борьбы – на годы!

– Не забудьте про оптоволокно, – вступил в разговор руководитель профильного отдела доктор наук Никифоров. – У нас столько сырья для этих ценнейших кабелей скопилось! Горы! А можно превратить их в звонкие денежки. Откуда народу знать, сколько телеканалов, телефонных, радиосигналов и много чего такого можно передавать по кабелям оптоволокна на огромные расстояния без всяких подземных коммуникаций? Сколько народных средств сбережем!

– В общем, коллеги, готовимся,

– подытожил Нечай. – Нам надо из этого визита извлечь максимальную пользу. Ну и, конечно, встретить – как полагается. Руководителю их, журналисту – номер люкс в гостинице, остальных расселить по двое, и все чтоб бесплатно – не обеднеем. На объектах обедами кормить по-максимуму – тогда и публикации будут поярче. Для нас это, как-никак, первый выход на люди на всю страну. И вот что еще я думаю. Ну не только же за световыми абажурами они к нам притащатся за тридевять земель. Что-то экзотное из оборонки надо им подкинуть. Ну так, на грани – и не рассекречивая, но и чтоб удивить по серьезному. Чтоб надолго запомнилось! Думайте! Жду ваших предложений. Да – спиртным поить мы их на официальном уровне не будем. Но мэру я подсказал – раз сидишь на алкогольных талонах, не поскупись – выдели так, чтоб они у них не кончались, особенно на красное вино, хотя и про водочку не забудь. У них в магазинах из-за антиалкогольной компании за этим добром такие давки! А у нас – хоть залейся, разве что по талонам.

...Этому разговору предшествовало следующее событие. По привычке с утра бегло пробежав по газетам, отметив красным карандашом публикации для дальнейшего внимательного анализа, Корнев наткнулся на последней полосе «Правды» на скромную заметку со снимком: «В городе Снежинск на Урале по конверсии стали выпускать портативный приемник, не уступающий зарубежным аналогам». Вот оно! Звонок Роберту застал того на работе.

– Читал?

– Ты о чем?

– «Правду» сегодняшнюю. Про ваш приемник.

– Какой приемник?

– Вот те раз! Вся страна уже знает, а он – ну духом, ни чутьем.

– Да мне с утра не до газет. Заморочка на заморочке. Я до них только к вечеру доберусь.

– Короче, дай мне телефон мэра города. И жди в гости.

Мэра звонок тоже удивил.

– Откуда вы о нас знаете? Да еще и по набору разговариваем...

– Профессиональный секрет. Раз газеты о вас пишут – знать, и у нас к вам дорога появилась.

– Я эти вопросы не решаю. У нас в городе вообще все – на руководстве института. Моя власть куда скромнее: помойки, торговля, водоснабжение. Жилья даже на балансе города – с гулькин нос.

– Ну а телефончик кого-то из руководителей института дать можете? Если не секрет.

– Прямой не могу. А через секретаря – пожалуйста.

Дальше все покатилось по накатанной колее. Звонок в Москву, в программу «Время». На предложение сделать для Всесоюзного эфира ряд репортажей о конверсии из закрытого города тут же ответили телетайпом: поручается произвести, поручить Корневу и т.п. Уж Марата-то знали отлично по долгому сотрудничеству: по молодости лет были спортивные репортажи, затем пошли экономические темы с производства, строек, сельского хозяйства. Были уверены на все сто процентов – не подкачает!

Следующий звонок Марат с чистой совестью произвел прямо к первому лицу – академику Нечаю.

– Владимир Зиновьевич, телевидение беспокоит. Москва поручила нам...

Конечно, понадобилось время для подготовки разрешительных документов – ведь список этих людей был не одноразовым, все они попадали в систему долгосрочных допусков на секретные объекты, и телевизионное начальство осторожничало – три дня совещались, утрясая кандидатуры на поездку. Будто за рубеж делегацию готовили. Хотя прекрасно понимали, что Корнев все равно будет стоять на своем, кого не захочет – не возьмет, и – наоборот, станет настаивать на кандидатурах тех, с кем ему работать комфортно. Вечная история! А вот органы проявили завидную оперативность. Стоило отправить по факсу пять развернутых биографий: журналист, оператор, звукорежиссер, инженер по технике и водитель – как уже на другой день из Снежинска позвонили: ждем!

Съемки доставляли истинное наслаждение. К тому же они сопровождались порой курьезными моментами. Например, один из объектов представлял из себя два подземных бункера: в одном крутилась центрифуга, в другом находился пункт теленаблюдения за экспериментами на ней. Ученые люди много лет бок о бок находились на расстоянии двух десятков метров друг от друга, но вживую оборудование соседей не видали ни разу. Стоило распахнуть ворота бункеров ради съемок – иначе общий план не получался, причем со времени постройки их настежь ни разу не открывали, пришлось даже прибегнуть к помощи кувалды – как две группы сотрудников ринулись одна навстречу мимо другой – поглядеть в натуре, как оно выглядит. Когда еще такой случай представится!

На Корнева обрушился такой поток незнакомых терминов! Он тщательно записывал, а потом вечерами обзванивал новых знакомых с просьбой пояснить, что к чему. Аж аппетит пропал, хоть и кормили их на убой в ресторане гостиницы «за счет заведения». Начались визиты по домам – снежинцы передавали гостей, как эстафетную палочку, временами приходилось группу делить, чтоб никого не обидеть. В семье одной из путешественниц в Душанбе ее муж, водитель спецмашины, засомневался даже по ходу рассказа.

– Да неужто вас и на третью площадку повезли? Это ж сверхсекретный объект, там свое КПП, хоть и посреди города все находится.

– Расскажу, что видели – ответил Марат. – И, естественно, что снимали. По дну траншеи проложен монорельс, упирающийся в бетонную стену. В хвост предмета, похожего на снаряд, заложили пять зарядов. Мы стояли на краю траншеи, камеру на штативе зарыли слегка в землю, чтобы ее не унесло воздушной волной. Рядом на столике расположили монитор – проверить, хорошо ли снято. Замначальника первого отдела – он с нами все время на съемках – посоветовал поставить камеру в автоматический режим. И не зря! Всего за несколько секунд это изделие пролетело по рельсу и треснуло со всей силы в бетонную стену, а воздушная волна нас чуть не снесла. Первым делом пошли искать шнур между камерой и монитором – его в траву выбросило. Насилу нашли!

Посмотрели – класс! Будто пуск ракеты – разве что не в космос!

– А ведь и правда – третья площадка! Вот это да! Эдак вы нас всему свету рассекретите!

– Да никто ни хрена не поймет. Но красиво!

– Ну, это, по сути, проще простого – испытание приборов на противоударность, – заметил кто-то из гостей, коих набралось с десяток.

– Так ведь и человека можно проверить подобным образом? – улыбнулся оператор.

– Ну, об этом вам никто ничего рассказывать не будет. И не надейтесь!

– Да нам и так достаточно информации, – заверил журналист. – Материала – выше крыши. На целый сериал. Особенно интересны, конечно, интервью. Умнейшие люди! Цвет нации! Недаром же говорят: все мозги у нас – в оборонке!

Материала хватило и на «Первый канал» ЦТ, и на «Телевидение России», и на НТВ. Не говоря уже о собственном телевидении – больше недели подряд «Новости» показывали сюжеты группы! После чего посыпались предложения с разных предприятий – у нас тоже есть чем похвастать, приезжайте. В результате появился заказ от «Телевидения России» – сколотите на полчасика передачу под названием «Конверсия: возможности Урала». Когда процесс был в самом разгаре, раздался звонок с предприятия, о котором даже всеведущий телеведущий не слыхал ни разу.

В северном пригороде уральской столицы дорога сворачивала в лес и там как бы пропадала. Куда она вела, знали только посвященные. Оказывается, в глубине чащи расположился не рекламируемый по понятным причинам завод. Нежданно-негаданно именно он и спас отечественную промышленность, выпускающую телевизоры. Нужда заставила! Произошло это следующим образом.

Несмотря на крепнущую дружбу с американцами – это когда заокеанцев начали пускать куда пожелают, вплоть до объектов, куда не всем своим путь открыт, подлый КОКОМ – международная организация стран НАТО, созданная еще в 1949 г. для экспортного контроля над товарами и технологиями, запрещаемыми к ввозу в СССР и другие соцстраны – подложила «друзьям» крупную свинью. Посреди всеобщего фурора, под одобрительные тосты лидеров родной страны, чуть не взасос обнимавшимися с американосами, вдруг, как камень с неба, последовал запрет на поставку в СССР люминофоров по импорту. Это такой светящийся порошок, имеющий способность к люминесценции. А без него цветные телевизоры выпускать нельзя! Четвертое по величине производство в мире могло, шутка ли сказать, встать! И тут оказалось, что на самом неприметном уральском заводике этого порошка в виде отходов от основного производства – девать некуда! Хватило всей стране с запасом – отгружали тоннами, спасая одну из ведущих отраслей индустрии.

Конечно, заводчане показали телевизионщикам только различные магниты и бытовые приборы на их основе. Ну и – горы сырья. Понимая, что на основное производство их все равно не пустят, Корнев все же поинтересовался:

– А что, у вас вся продукция – такая миниатюрная?

Главный инженер, иронично усмехнувшись, ответил:

– Ну, в общем и целом. Вы же понимаете – магнитами можно и мосты поднимать – если напряжения хватит.

Передача имела успех. Сначала ее, правда, показали в некозырное время – в 17 часов. Может, из осторожности – кто их, столичных, знает? Но потом повторили дважды – в самый прайм-тайм. Марата выдвинули на премию Союза журналистов СССР первой степени. И уже не тормозили при его желании посетить хоть какое предприятие. Конверсия набирала обороты!

СПОРТИВИНКИ

Табель преткновения

Плавательный бассейн в заполярном городе слыл экзотической модной новинкой относительно недолго – пока не появился в один прекрасный день во всей красе мужского обаяния дипломированный тренер из Ленинграда. Видный высокий блондин с буйной, всегда ухоженной шевелюрой истинного джентльмена – волосок к волоску, элегантный – дальше некуда. Его треугольная атлетическая фигура была утянута в только еще входящий в моду темно-бежевый зимний кожаный реглан забугорного кроя с шалевым воротником. Сказать, что Яровский стал супермодной фигурой – ничего не сказать. Женщины просто млели, ученики заворожено следили не только за каждым словом наставника – за любым полужестом!

До питерца тренерский корпус нового спортивного сооружения формировался исключительно из местных непрофильных специалистов по принципу «плавать умеет – и других научит», поэтому о рекордах речь и не заводилась – сама по себе возможность в крепкие морозы искупаться в изумрудной водичке от души радовала как взрослых, так и детей. Да что там – посещать бассейн стало просто престижно!

Генрих Владимирович сразу поставил дело на профессиональную основу. Он так и заявил в ГОРОНО: необходимо растить не просто мастеров спорта, но и планировать результаты мирового уровня! Никак не меньше! С ним никто и не спорил. Но вот сомнения – они были. В принципе, в Заполярье люди спорт любили – местных чемпионов знали наперечет. Чемпион города хоть в игровых, хоть в единоборствах становился личностью заметной, даже среди юношей – на них ходили смотреть, а уж чемпионов автономной республики почитали чуть ли не всенародными знаменитостями. Многие за счет этого внимания преспокойно кормились на шахтерских должностях, зарабатывая не только льготный заполярный стаж, но и такие получки, за которые в столичных центрах пришлось бы никак не меньше чем международный уровень обеспечивать. Провинциальная привычка считать, что Москва, Питер, другие миллионники – далеко, и жизнь там совсем другая – была устоявшейся и в некотором смысле непоколебимой. Конечно, изредка появлялись здесь и мастера спорта – как правило, на закате карьеры – в рассуждении напоследок под-

заработать да и малость продлить спортивный век. Но чтобы перед детьми такие цели ставить? А когда ж они учиться будут? Единицы из них – наиболее талантливые – время от времени и раньше вывозились в столичные или в теплые центры – к этому явлению притерпелись: куда деться? – будем потом всю жизнь ими гордиться, коли пополнят сборные СССР, команды мастеров, что у всех на слуху. Из этого ушлые наставники и родители формировали стимулирующий момент: будешь «пахать» – тогда и из тебя, глядишь, толк получится. Кто попроще мотивировали приземленнее: хочешь на халяву икру ложками трескать – старайся! Но чтобы здесь, дома, устраивать олимпийские гонки? Оченно сомнительно!

Многомудрые ветераны наробразования про себя скептически посмеивались над честолюбцем: молодо-зелено, пообтешется. Время покажет, за какими дивидендами заявился сюда этот пижон. В Питере-то, поди, не шибко спешили давать развернуться?! А тот невозмутимо убеждал: плавание – особый вид спорта, здесь некогда ждать, только сегодня и сейчас! Попробовал создать спортивный класс в одной из центральных школ города. Ему возразили: это что, вместо уроков – сплошное купание? Где такое видано?! Так недолго детишек с панталыку сбить – а что потом? Давайте погодим, когда результаты появятся. Все, что позволили – создать в бассейне группу спортивного совершенствования из наиболее перспективных – с особым режимом тренировок на вкус наставника. Да и немного таких набралось, чуть более пары десятков – кто сами рвались в «звезды» и разделяли чаяния ленинградца.

Авторитет у приезжего значительно подскочил, когда уже через пару лет появился у него первый мастер спорта. Всего-навсего – семиклассник. И был это Вовка Косина, которого Яровский углядел среди пятиклашек-второразрядников. По твердому тренерскому разумению, парнишка просто рожден был для плавания. Хотя до этого не отличался от ровесников ни в футболе – гонял не лучше других, ни в лыжах-коньках. В целом – достаточно ленивеньким был будущий олимпиец. О чем красноречиво свидетельствовал его табель успеваемости, где тройки упрямо превалировали над редкими четверками, даже по физкультуре. Зато в бассейне – будто прорвало! Приходил раньше всех, норовил лишние минутки, а то и часы в воде проводить. Турнир за турниром, первенство за первенством удавались Косине будто играючи. Будто для него предназначались пьедесталы, призы, кубки! Конечно, сильно изменился внешне: резко добавил в росте, в плечах раздался. Если раньше одевался крайне неряшливо, как попало, то сейчас везде стал появляться всегда в отглаженном костюме с двумя шлицами по моде как бы в пику школьной форме – по примеру наставника даже в галстуке. Но... Все реже и реже стали видеть его на уроках. Хотя на все случаи носил с собой официальные освобождения от ГОРОНО, основанные на вызовах из высоких спортивных инстанций. Опытные чиновники от спорта из столицы страны, во избежание недоразумений и волокиты, слали их прямо в горком КПСС!

Успешно выступали и другие воспитанники тренера. Газета «Советский спорт» писала: «Отлично подготовлены подопечные заполярного тренера Яровского – они все, как один, технично проходят повороты методом «полусальто», выигрывая этим драгоценные доли секунд. У этих ребят прекрасное будущее!»

Тренер в этом ни секунды не сомневался. Он и не скрывал, что приехал на Крайний Север не за северными надбавками и льготным стажем – как абсолютное большинство. Свобода экспериментов, достаточно «воды» для их осуществления – тогда и победы будут большими – все, что ему было нужно. Север ведь затягивал людей на долгие годы умело. Коэффициент полтора к российской ставке с первого дня плюс «северные» надбавки, которые росли каждые полгода по десять процентов от той же ставки в течение трех лет, а уж четвертый и пятый годы – по десять процентов в год. Таким образом, за пять лет их накапливалось восемьдесят процентов. В итоге на сторублевую зарплату средней полосы после пяти лет работы на севере капало еще сто тридцать: любой контролерше в кинотеатре или уборщице – как директору где-нибудь в Дегтярске. А если зарплата все двести? Да еще существенные премии? Вот и оставались люди до самой пенсии, утешая себя тем, что пенсия эта – тоже на пять лет раньше общесоюзной. Да и живут ведь в достатке не только с материальной точки зрения! Северный завоз! В магазинах за продуктами, которые в центре России считались сплошным дефицитом, никто и не толкался. На том же Урале мясо, сахар, белый хлеб, сливочное масло были по талонам, коих явно не хватало для нормального питания, остальное – на рынке, где все это добро втридорога, а достать что-то по госцене через большой блат считалось умением нехило исхитриться. Будто сталинский голодомор вернулся – разве что с хрущевской поправкой. А здесь! На крюках «Гастронома» говяжьи, свиные, бараньи туши свисали огромными гирляндами – какой кусок хочешь, тот и вырубят. Спиртное на любые вкусы, шоколад, конфеты в коробках и на развес с витрин не исчезали. Рай, да и только. Северяне порой искренне недоумевали – как они там, в России, выживают? И слали родне и друзьям посылки за посылками с копченостями, теми же конфетами, консервами мясными и рыбными – все, что разрешалось к вывозу. А уж как одеты были северяне! Исключительно в натуральные меха –лисьи, волчьи, медвежьи шубы и шапки, на ногах не валенки какие-нибудь – пимы из оленя! Не то что россияне средней полосы в свои искусственные полуперденчики на рыбьем меху и ботах «прощай молодость». Если и были за чем очереди – так за машинами. Да и то «Запорожцы» за транспорт не считали – северянину «Москвича», а то и лучше «Волгу» подавай! Так где, скажите, «жить лучше, жить веселее»?

А этот тренер? Даже жилья себе не требовал, хоть и положено было молодому специалисту! Как определили в служебную «двушку-хрущевку» угольного комби-

ната с казенной мебелью, так и обходился. И в ресторанах его не видели – даже по красным датам. На Первомайские и Ноябрьские демонстрации тоже не ходил, в партию не вступал. Какую категорию определили, на ту и соглашался – будто и правда – не в деньгах счастье. Чудик какой-то! Благо, что холостой: с утра до вечера в своем бассейне – без выходных и проходных, включая праздники. И ученики его, заряженные настырностью наставника, шли тем же путем. Всё – для роста результатов, всё – для будущих громких побед! Скажут ночью тренироваться – будем и ночью наматывать водные километры, сколько велят!

Косина в восьмом классе вообще в школе стал появляться эдак пару раз в неделю – чтоб лишку не трындели. Привыкшие к его режиму учителя так же прилежно ставили ему двойки по всем предметам. И решили оставить его на второй год. Обладателя рекордов СССР на дистанциях 100 и 200 метров брассом! Чемпиона Европы среди юношей! Прямо перед Всесоюзной Спартакиадой школьников в Баку! Ну, как говорится, – ни до, ни после!

– А что такого? – с трудом держала гордую мину на рдеющем лице директор школы-восьмилетки на «ковре» в горкоме партии. – Пусть себе плавает, мы под ногами не мешаемся. Что заслужил, то и получил. Еще годик в восьмом классе ему не повредит! Одно ж другому не мешает? Ну не нам же за него учиться? Мы не меньше его тренера о будущем ребенка беспокоимся. Не век же ему в воде барахтаться! Куда он с такими знаниями поступит? И кто его, недоучку, на работу возьмет? Разве что ночным сторожем!

Секретарь горкома – в недавнем прошлом комсомольский работник с горным образованием, кандидат технических наук уральской школы и перворазрядник по самбо, сохраняя «рабочую» улыбку, про себя критически оглядывал нескладную, расплывшуюся фигуру в принципе совсем не пожилой еще женщины. Грубо прокрашенный пергидроль, видавший виды костюмчик мышиного цвета. «А ведь такую ничем не прошибешь! Ни деньгами, которые его педагогам в вузе Свердловска при всех их ученых степенях и не снились, ни увещеваниями. На первом плане – понты учительские! Всевластие над детьми!» Дав директрисе выговориться, мягко начал.

– Мы же вас ни к чему не принуждаем, упаси Господь! Всеобуч есть всеобуч. Но и вы нас поймите... правильно. Лишать паренька большой мечты – это как-то не по-советски. Может, надо было вдумчиво потолковать с родителями мальчика. Кто ж его с такими оценками на Спартакиаду школьников пропустит? Особый чемпионат, смотр лучших юношеских сил страны. И что может получиться в результате? Пятно на город, да и на всю нашу славную северную республику! Берите выше – на всю Россию!

– Вот вы про родителей упомянули, – немного успокоившись от понимания, что ее не собираются стращать партбилетом, продолжала гнуть свою линию директриса. – А как это сделать, если они на родительском собрании ни разу не присутствовали! Там такая мать! Ни дня не работала. Домохозяйка, видите ли. Всего-то при двух сыновьях. У других вон по трое-четверо, и то находят время трудиться на благо общества. Мне говорили – старшего своего считает вполне взрослым, сосредоточилась на воспитании младшего. И того тоже норовит вытолкать в чемпионы по тому же плаванию. Вот по инстанциям ходить, требовать улучшить жилищные условия – это она может. Трешка на четверых – куда уж лучше? А старшенький – в ту же дуду: в интервью Центральному телевидению – сама видела – заявил, что де малой вот-вот его обгонит, все труднее с ним тягаться. Их послушать – так барахтаться в хлорной воде – что подвиг во имя Родины совершить!

– Раз мать домохозяйка – значит, и отец имеется?

– А как же! Взрывником на шахте трудится. Там на всю семью, если хотите знать подробности, семь классов образования, дальше – коридор. С ним наш физик однажды попробовал поговорить – так этот взрывник его по матушке послал! Они ж сюда из Котласа, за длинным рублем, прикатили. А какая в том Котласе культура? Одно слово – пересылка, из одной тюрьмы в другую.

– Ну, про физика вашего мы наслышаны. Бесспорно, талантливый человек, в Москве в секретном НИИ люминесцентным направлением занимался. Может быть, этот Истомин и большим ученым бы стал, кабы не дружба с товарищем бахусом. Через край! Он не с перегарчиком ли беседует с родителями подопечных? Такого я бы тоже... слушать не стал. Так ведь еще не устает возмущаться – почему ему, такому великому, до сих пор заслуженного не дали?! А сам с трехлитровой банкой за краснухой на разлив без стеснения ломится посреди бела дня. Наставник подрастающего поколения называется! Как только ваш педагогический коллектив его в партии терпит? Если коренной коми-кадр – значит, все дозволено? Я тоже сам коми по национальности. Мне что, с ним из солидарности запировать? Мигом бы вылетел отсюда! Что до города Котласа – дело обстоит не совсем так, как вам кажется. Там есть и судостроение, и лесопромышленность. Вовсе не деревня – город как город. Значительно раньше нашего возник.

– Ну и сидели бы там. Так нет – Заполярье им подавай.

– Мы немного отвлеклись, Ариадна Ворсонофьевна. Давайте все же помнить, что индивидуальный подход нужно искать к каждому ребенку. Иначе что ж это будет за воспитание такое? Со старшими товарищами, что ли, посоветуйтесь. Случай, как мне представляется, тут особый.

Едва за директрисой закрылась дверь, секретарь горкома набрал номер заведующего ГОРОНО.

– Вам, Свирид Спиридонович, такая фамилия – Косина, с ударением на предпоследнем слоге – знакома?

– Да уж как нет, Юрий Филиппович! Из головы не выходит!

– Может, вам помощь нужна в этом вопросе? Нет, вы скажите – мы с радостью. Чем скандал на всю республику разжигать!

– Разберемся. Надеюсь, осилим эту проблему.

– Да уж постарайтесь. Очень на

вас рассчитываем! Держите в курсе...

Время не шло, а бежало, причем – безжалостно. Обстановка накалялась. ЗавГОРОНО сидел как на иголках: близящуюся пенсию он готовился встретить в собственном доме в Краснодарском крае: купил халупку-мазанку под перестройку на просторном участке, жена с сыновьями уже обживали будущее гнездо – завозили пиломатериалы, арматуру, трубы и ждали отца семейства – только он знал толк в реконструкции, без него не решались что-либо предпринимать. Зря что ли всю войну в инженерных войсках отмантулил? У директрисы горела синим пламенем семейная путевка в Болгарию по льготной цене, черноморский берег манил и не давал покоя. Нормальные люди давно в отпусках... Проклятый двоечный табель Косины, как якорь всем планам, так и оставался лежать в школе – никто его не забирал. А они сиди, гадай, чем и когда закончится эта катавасия. Ждали реакции Яровского. Но тот, на удивление, хранил полное олимпийское спокойствие – не то что в прежние времена, когда любое предложение норовил выдвинуть с опережением. Знали только, что ему надо по делам в Москву. Но как скоро? Первым нервы сдали у заведующего ГОРОНО.

– Вот что, Аря, – без обиняков решительно начал он, едва директриса переступила порог кабинета. – Хватит тянуть резину. Я, если хочешь знать, по поводу этого плывуна полностью на твоей стороне. Но ведь пора бы уже подумать, в каком виде мы предстанем перед Министерством образования республики. Будь они неладны, эти физкультурники!

– Свирид, что ты предлагаешь? По твоей хитрой морде вижу, что решение уже принял. Давай, выкладывай! Как скажешь, так и сделаю. Мне уже самой эта дребедень поперек печени. Из-за какого-то двоечника...

– Значит, так. Кое на что придется закрыть глаза – себе же на пользу. Советую тебе переправить его «неуды» на хиленькие троечки. В конце-то концов, не дебил же он, не дефективный. Разница не ахти какая, зато результат...

– Я вообще подозреваю, что они, Косины эти – предки тех поляков, которых при царе за смутьянство пачками в Архангельскую губернию ссылали. Вот дурная кровь и не дает покоя ни себе, ни людям. Упертые, как бараны! Да и тренерок, поди, тоже из полячишек, если по фамилии судить. Снюхались, суки, на нашей земле. Нашли друг друга!

– Ты с ума сошла, баба! – заведующий аж подпрыгнул, ударив ладонью по столу. – Национальный вопрос к делу приплести хочешь? Да тебя за это – из партии, бля...

– Да не психуй ты так, дурак! А то я не знаю, с кем о чем можно тереть, а когда – язык на замок. К слову пришлось.

– Я те покажу – к слову! Засунь свой длинный блудень знаешь куда? Ты историю столько лет преподаешь? Вот и последуй примеру Николашки – не самый большой дурак, верно, царь-то был. Сошли этого чемпиона подальше от своей школы. А то у меня фамилия Конанова уже в зубах завязла: думаешь, все тебе сочувствуют? Не мне тебя наставлять – педагоги тот еще серпентарий. Как пойдут зудеть... Много чего пережили, переживем и это. А по осени на «Заслуженных учителей» подавать будем. Ты, между прочим, в этом списке. Но! Его еще не утверждали. А куда я этот список понесу? Правильно – в горком, к Торопову. Который всю плешь проел своими намеками. Нам с тобой сильно надо, чтобы там, на бюро, поинтересовались: не та ли эта Конанова, что затеяла бучу с перспективным спортсменом?

– А ведь ты, как всегда, прав, старый пес. Как у вас, чиновников, все одно к одному складывается. И не рыпнешься!

...В столице республики тренер перекомпостировал авиабилеты на более поздний рейс.

– Пары часов нам, думаю, с тобой хватит, Владимир. Есть тут одно дельце.

– Что ж вы мне, Генрих Владимирович, раньше не сказали? Меня в Москве ждут. Катюха специально раньше всех из Ленинграда вылетела.

– Перетерпит твоя Девятова. В отличие о тебя, кто на длинные дистанции плавают, с хорошей терпелкой выросли. Не будешь дубом, скоро сможешь каждый день ее видеть. И на тренировках, и так. Иди, такси поймай.

– В Министерство просвещения! – скомандовал тренер шоферу. – И счетчик не выключайте – как освобожусь, мигом назад в аэропорт. Парень пусть меня в машине подождет.

Министр улыбчиво вышел из-за огромного письменного стола.

– Проходите, проходите, уважаемый! Кофейку с дороги? Или – что покрепче?

– Извините, товарищ Попов! «Мотор» ждет. Надеюсь, вы в курсе, с чем я к вам напросился? Посмотрите, с каким аттестатом мы с лучшим воспитанником в Москву летим. Я устал на местном уровне выяснять отношения. Если нет понимания, что мотать нервы спортсмену перед ответственными стартами – что стране вредить... Не школьная бы Спартакиада...

– Ну, это мы сейчас мигом урегулируем. На то и поставлены. Что там у нас? «Трояк» на «трояке»? Не беспокойтесь! Верхушечки этим цифрам легко переправляются.

Будто из под земли вырос референт с вузовским значком на лацкане пиджака.

– Изъюров, у тебя пять минут! Действуй! Под мою ответственность!

И, уже обращаясь к тренеру, задал вопрос:

– Как считаете – в Азербайджане не посрамим честь республики?

– За личным «золотом» на двух дистанциях едем. Если поставят в эстафеты – будут и еще медали. На том стоим!

– Надеюсь, не только у нас такие проблемы возникают? Как они в Питере, в Москве решаются? Вы определенно в курсе.

– Там подход другой. Такого уровня спортсмены выращиваются в Школах олимпийского резерва. Где учебный процесс подстраивается под нагрузку спортсмена. С перспективой люди думают, о Родине заботятся. Цель – победы на Олимпиадах, и отнюдь не школьных. Занятия строятся в индивидуальном порядке – в зависимости от учебно-тренировочного процесса. А не наоборот. Может, и вам пора подумать в этом направлении? Ме-

стечковое сознание полезно искоренять. Во всем полезно – и взрослым, и детям. Тогда будет меньше проблем от алкоголизма, травматизма на производстве и в жизни вообще, да и производительность любого труда возрастет в разы!

...Обещанные медали были завоеваны, но в северную республику они не попали. В Ленинграде уже были готовы места в спортивном интернате для группы из восьми парней и девчонок Яровского. Как его только не поносили! «Ловец золотых рыбок», «Карабас-Барабас от спорта». Пытались испросить сочувствия у родителей увезенных детей. Те, не сговариваясь, твердили: да, правда, скучаем. Да, сердце не на месте, но ребенку там хорошо, есть будущее, есть перспективы – более заманчивые, чем у абсолютного большинства их сверстников. Живут по двое в комнате; сыты, одеты, обуты, бассейн и школа рядом – чего еще желать? В отпуск поедем – обязательно навестим. Никто практически не жаловался – так что и уцепиться было не за что.

В «Комсомольской правде» вышел фельетон на целый «подвал» под звучным заголовком «Звезды в багаже», где старательно перечисляли все, что сделал славный трудовой город и для тренера-карьериста, и для его воспитанников. Упомянули даже роман Яровского со старшей сестрой одной из учениц. Которая, если следовать истине, вскоре тоже отправилась в Северную Пальмиру, дабы стать тут же законной женой будущего заслуженного тренера СССР. Звание это он получил за громкие победы учеников, лучшим из которых так и остался Косина – три Олимпиады подряд представлял страну, до звания олимпийского чемпиона не хватило доли секунды! Один из немногих в стране по тем временам в своем виде спорта!

Выступал Владимир за Ленинградский Спортивный клуб армии. После получения аттестата о среднем образовании – без помощи тренера, кстати, – окончил Военный институт физкультуры, там же преподавал. Тренировал Владимир Иванович и юных пловцов, приняв эстафету из рук своего единственного на всю жизнь наставника. Военную службу завершил в звании полковника – что тоже удается далеко не каждому. Даже Заслуженному мастеру спорта СССР!

Отдарилась

Когда и вторая поллитра коньяка пошла на убыль, потянуло, как водится, на занятные истории. За столом в гостиничном «люксе» уральского столичного центра сидело трое. Все – журналисты, освещающие предсезонный Всесоюзный турнир по хоккею. И каждый – в разном статусе. Местный возглавлял спортотдел телевидения, двое других в журналистике занимали неоднозначное место – как москвич, так и ленинградец. О питерском – после, а вот по поводу москвича... Завспортотделом украдкой зевнул в кулак: выспаться как следует не удалось как раз из-за этого собеседника. Ночью разбудил звонок из Москвы.

– Извини, что тревожу в неурочный час. Знаю, что порядочные люди об эту пору второй сон досматривают. А другие порядочные этот процесс без особой нужды не прерывают. Но в нашем с тобой случае откладывать разговор уже некогда, – рокотал в трубке знакомый голос главного редактора спортивных программ Гостелерадио. – Считай, что не только как коллега коллеге, скорее как борец борцу – а бывших среди наших не бывает – покоя не даю.

– Ноу проблем, командир. Что-то случилось?

– Вот как раз для того, чтобы не произошло ничего непоправимого, и камлаю через полстраны вне регламента. Про Женю ты, конечно, уже знаешь. Он летит к вам утренним рейсом.

– Естественно. Сам и поеду встречать – во избежание накладок. Иначе мне тутошние «спартачи» бошку оторвут, коли не организую прием на высшем уровне. «Люкс» в Центральной гостинице забронирован с оплатой за счет оргкомитета турнира – аж об три комнаты. Холодильник тоже заполнен – платить ему ни за что нет нужды. С транспортом все предусмотрено – и служебные колеса обеспечим, и мои личные, если что, наготове.

– Ну, ты у нас карась премудрый – в наилучшем смысле этого слова. За что и ценим. Я вот что звоню... Понимаешь, это мы с тобой, битые-перебитые, хорошо помним, сколько и каких шайб он всяким шведам-канадцам наколотил полное лукошко, на каких пьедесталах шею под медали подставлял. А сам-то он... как бы это помягче выразиться, не прибегая к злым идиомам. То есть... Как лед резать закончил – понеслась судьба по закоулочкам... Пара лет неудачного тренерства да еще столько же директором ДЮСШ – тоже без особого успеха... Такая ситуевина из кого угодно пар выпустит. На сегодня мы имеем в сухом остатке тень от былого величия. Увы! От того, как он справится со своим первым самостоятельным комментарием, напрямую зависит судьба бывшего чемпиона. Я-то готов его принять в штат хоть сегодня, но не все так думают. В данном вопросе как сторонников, так и противников, считай – почти что пополам. Мне уже намекали, что редакция – не сборная страны, былые заслуги – ровно полдела. А у него и образования профильного нетути! Так что уж постарайся вселить в парнягу максимум уверенности. Как ты понимаешь, мы могли бы и тебе заказать этот комментарий, если бы не данные обстоятельства. Так оно и верней было бы. Но надо парнягу буквально за шиворот вытаскивать! Кто, если не мы с тобой?

– Сделаю все, что смогу. На местный эфир работать будет мой комментатор, на мне – сюжеты в местные «Новости» на радио и телевидение да в программу «Время» и Всесоюзное радио. Дел, как видите, хватает. Но найду время и на вашу креатуру.

– Нашу. Нашу с тобой, дорогой мой борец-уралец! Заранее благодарю. И трындеть завершаю. Считай до десяти и досматривай сон, который я тебе запортил. Прости старика за навязчивость!

...С самого начала родилось намерение – подкатить к трапу в аэропорту на черной «Волге» директора телецентра, благо, тот слыл многолетним болельщиком хоккея. Все поначалу шло гладко, да пришлось тормознуться на КПП об бдительного охранника: пока тот

звонил по начальству, пока записывал паспортные данные и шофера, и журналиста... В результате москвича элементарно прозевали. Нашли его в очереди на автобус, да еще и не на тот. «Звезда» как-то боязливо отреагировал на бурное приветствие, очень настороженно прошел к машине. А номер в гостинице его просто ошеломил.

– А здесь кто-то еще будет жить?

– Обижаете. Все для вас, Евгений Александрович!

– А сколько такой номер в сутки стоит?

– Не в курсе. Забудьте. Для вас – нисколько. Все оплачено. Чтобы только о работе думали. И в холодильнике все – ваше. Подарок от болельщиков великому мастеру.

– Да... Так меня давно не встречали.

– Так здесь же не Москва. Мы своих любимцев чтим!

– А как до Дворца спорта добраться, подскажете?

– Доставим. Да нам уже и пора.

Вахтер на служебном входе вытянулся как солдат на строевом смотру.

– Вот вы с кем сегодня, товарищ Ребров! А автограф можно попросить у моего обожаемого олимпийского чемпиона? Вот, пожалуйста – прямо на программке. Жена с ума сойдет, да и не сразу поверит. Вы уж напишите, мол – Кольке-болельщику «Спартака» от такого-то. У нее завтра день рождения. Лучшего подарка и не придумаешь! Она тоже, Тонька моя, от вас – без ума!

С питерским столкнулись около пресс-центра. Тот стоял на полпути из раздевалки до выхода на арену, и каждый хоккеист считал своим долгом почтительно с ним поздороваться.

– Серега, ты как тут? – чуть не бегом кинулся к нему москвич.

– Отпросился на пару дней – для «Комсомолки» репортажики подзасылать. У тебя сегодня, как понимаю, дебют? Помощь нужна?

– Да я уже все заготовки сделал. Надеюсь, что проскочу. А то... Скоро год как мурыжат. Не был никогда безработным, не по себе как-то. Даже не столько из-за денег, хотя и они романсы поют – просто само по себе положение дурацкое.

– Чтоб ты – и не справился? Даже не думай! Уже где-то устроился? Я вот планирую на базу к местной команде присоседиться. Найдут коечку, если что.

– А можно, Сергей у меня поживет? – будто только сейчас вспомнил о существовании Реброва «столичный».

– Ноу проблем! – как ни в чем ни бывало, ответил тот. – Познакомь с человеком, если не трудно.

– Сергея весь хоккейный мир знает! Хотя по профессии он – режиссер художественного вещания Ленинградского телевидения. А душой сто лет как с нами!

Досматривать матч подмосковного «Химика», в стартовой встрече порвавшего в лоскуты экспериментальную сборную страны и сейчас методично раскладывавшего на лопатки, как премьер юную субретку, местную команду, не стали.

– «Химику» турнир выиграть все равно не дадут, – уверенно заявил Сергей. – На то и судьи, и комиссары матчей. В финале будут играть ЦСКА и сборная. Армейцев обдерут как липку, начнут с Владика – он будет стоять в воротах сборной, первую тройку посадят отдыхать или вообще отправят в Москву. Никому не нужен резонанс с проигрышем национальной команды в периферийном турнире. Это как расписаться, что с хоккеем у нас полный швах, хотя это и недалеко от правды: с экспериментами в последнее время накосячили выше крыши. Но до чемпионата мира время еще есть А нам пора бы отдохнуть с дороги. В гостинице ресторан со съедобной кухней? – обратился он к Реброву.

– Вполне. Я горячий ужин через директора закажу. А спиртного и мясорыбных деликатесов припасено достаточно, не стоит беспокоиться. Поехали!

И вот наступил этот поздний вечер – умиротворенный, расслабляющий. Когда собеседники – в теме, горячие новости все обсуждены. Ждали десерт из ресторана – Ребров заказал фирменный «Наполеон», его здесь готовили отменно.

– Я, конечно, все понимаю, – москвич неодобрительно мотнул головой. – Новый тренер сборной – зять большого чина из ВЦСПС. Но ставить на главную команду страны наставника клуба первой лиги с Волги, где никогда настоящего хоккея не было и не будет – это ж ни в какие ворота!

– Да попрут вскорости этого чудака на букву «м», не пройдет и полгода. Вот попомните мое слово! – откликнулся ленинградец.

– Ну не любишь ты армейцев, – продолжал москвич – возьми хотя бы Мальца из «Динамо»: он же в блестящей форме, любую защиту растащит одним левым коньком. И не пришлось бы так бесполезно корячиться!

– Сашка – в самой силе! – согласно кивнул питерский.

– Кто ж лучше тебя его знает, Серега? Не разлей вода! – поддакнул москвич.

– Куда уж ближе! – согласился питерский. – С ним столько историй занятных связано. Хоть книгу пиши! Да только не опубликуют – во всяком случае, у нас. Вот где-нибудь в Канаде... Там его просто боготворят. Причем поболе других. Ты уж, Жень, не взыщи.

– Да я-то че? Про меня скоро совсем забудут.

– Ну это вы, Евгений Александрович – уже через край! – решил вступить в разговор Ребров.

– Разве что на местах, – грустно улыбнулся собеседник. – Вам огромное спасибо, Роман.– Но таких, как вы, – немного. Слава, увы, проходяща, но как-то надо жить дальше. Лучше про Сашку послушаем – Серега про него занятно рассказывает. Обычно это остается между нами – Малец и так объект сплетен, лишние ему ни к чему.

– Могила! – заверил местный. – Дальше меня не пойдет.

– Тогда можно, – согласился питерский. – Да вот хотя бы такой случай взять. Сашка, как сезон закончится, сил уже никаких, любит оторваться из Москвы, чтобы как следует расслабиться. Начальству говорит, что пора жену повидать – она у него, как известно, в нашем мюзик-холле солистка, как бы все чин-чинарем. А сам по пути из аэропорта берет ящик водки и катит ко мне домой. Там мать одна кукует – мы со своей половиной давно по разным квартирам, она все мечтает в Америку рвануть и мне уже всю плешь на эту тему проела. Я – то в командировке, то с утра до ночи

на работе, а в Сашке мать души не чает – больше родного сына, похоже, любит. Ей и поговорить-то не с кем, кроме таких же старух в подъезде, но Малец-то – другое дело! Вот она и кормит его всякими разносолами с утра до ночи, и все по головке гладит, и болтает без умолку. А он знай понужает стакан за стаканом и башкой кивает, улыбается. И так – сутками напролет! Как захмелеет – на боковую. Встанет – и за свое снова-здорово. Русский человек во весь рост, не признает других методов реабилитации – таблетки там, массажи, грязи, обследования всякие. Сам знает, что и сколько ему надо. Неделька такой жизни – и он снова в порядке во всех смыслах – и в физическом, и в душевном. В Москве ж так не погужуешь. Куда ни пойди – автографы просят, репортеры за каждым шагом следят. А сами за спиной – шушу да мушу. Да ты сам знаешь, Женя, каково быть суперзнаменитостью – никакой личной жизни. Тысячи глаз кругом!

– Да я уж, слава те Господи, забывать стал. А раньше – точно, ни пройти – ни проехать. Мы с братаном как свои первые машины купили – разом взялись курить. В пробке стоишь – что делать? А в Москве они – ого-го! Руководству тут же донесли! И пошло-поехало – разносы, нравоучения. Как с пацанами. А уж выпить – и не мечтай!

– А еще эта статья разносная в «Комсомолке» про Мальца! Шуму наделала – до небес! Потому Сашка и сбегает ко мне. Я им с мамкой не мешаю – пусть себе. Раз обоим хорошо – и мне спокойней. Ну и вот... В тот день я совсем в замоте был. Приехал из Канады знаменитый эстрадный ансамбль во главе с их популярнейшей фронтменшей, не важно, как ее зовут – не в этом суть. И все – ради одного концерта – как бы проездом в Москву и далее с гастролями по Союзу. Цены на билеты – космические, и все равно за час раскупили. Из Смольного звонок начальству – запишите, потом народу покажете, раз такое дело. А канадцы нашему руководству – дулю! Ну, меня для таких случаев и держат – раз англо-франко говорящий – иди, налаживай контакт.

– Вы бы знали, Роман, как Сергей нас за рубежом выручал! Что сборную, что «Спартак». Хоть в Америке, Канаде там, хоть в Европе. Обычно на всех дадут одного толмача – хоть разорви его. А тут Серега – растолкует, если что надо, либо какой шумок там на таможне, или в магазине – запросто замнет. Мы его готовы были на руках за это носить. Извини, Сергей, что перебил. Мы тебя очень внимательно слушаем.

– Ну, значит... Поехал. Солистка эта их – вообще! Как говорят французы – jeune fille en fleur – девушка в полном цвету! К такой ни на какой кобыле не подъедешь, сразу видно птицу по полету! Хотя мне кинули на хвост спасительную фишку – она, оказывается, большая фанатка хоккея, со многими знаменитыми игроками дружбу водит, по молодости даже за каким-то центрфорвардом из славян, что там в большом количестве играют, замужем побывала, с тех пор и угорает. С этим козырным тузом за пазухой и подкатил к ней. Сходу называю ей Сашкину фамилию. И тут она как подскочит! Да неужели это возможно – тет а тет с такой знаменитостью познакомиться?! И сколько она должна за это заплатить? Я, естественно, предлагаю баш на баш: мы ставим камеры – и мой друг на весь вечер ваш! И про деньги забыла – наши мне намекнули, что готовы заплатить ну не по американским ставкам, так хотя бы половину. Не пригодилось совсем! Концерт – завтра, поэтому пулей полетел домой. Малец, как и ожидалось, полудрыхнет во хмелю. Я его – спать срочно, разговор есть на потом. Как проснулся под двенадцать, растолковал задачу момента. Он не кочевряжился – надо так надо. Когда ехать? Отвечаю, что завтра днем, и чтобы ни грамулечки до встречи! Он, конечно, пытался под утро мышом на кухню прошмыгнуть, но я-то был настороже! Доставил его во Дворец культуры тверезым как стеклышко. Канадка эта, как его увидела – чуть ли не на колени рухнула. Только и твердила «Саш-ша, Саш-ша, вандефул!»

– Чудесный, замечательный, – сходу перевел Роман, чтобы не тормозить повествование.

– Ну, мне за режиссерский пульт пора, усадил Мальца в правительственную ложу со всеми «шишками» города и области, поручил его ассистенту с твердым наказом – глаз не спускать! После концерта мигом туда – а Сашки нет. Как бы в туалет отпросился. Дал ассистенту подзатыльника, что не сопроводил подопечного – и со всех ног в буфет! А Малец уже посреди компании сидит, чокаются! Выдернул его как овощ из грядки – и за кулисы. Заходим в гримуборную, а красуля уже переоделась – и прям на шею к Саньку! И тараторит вперемежку с английского на французский – переводить не успеваю: и что эта встреча для нее – память на всю жизнь, что он-де – величайший хоккеист на планете и всякое такое прочее! Санек от ее объятий еле освободился и говорит мне – тащи всю ее банду в кабак за мой счет! Объясняю, что банкет и так запланирован, все нас ждут.

Сели за стол, вижу – клонит Мальца на бок: успел-таки хороший дозняк в буфете загрузить. Понимаю, что отваливать пора, пока не оскандалились. Аккуратненько так поднимаю друга за плечи, объясняю всем – у спортсмена режим, извините, и так задержались. И тут Саня снимает с руки золотые часы на золотом браслете и надевает красавице на запястье. Вижу – он сейчас совсем отключится – в охапку и мигом вниз, к машине. Чуть не на себе нести пришлось!

– Да, эта история – всем историям фору даст! – восхитился Евгений.

– А концовка у этого эпизода еще хлеще! – сверкнул глазами режиссер. – Выезжает в следующем сезоне сборная в Канаду. Сашок мне звонит – дай телефончик той красотки, охота повидаться. Приезжает, рассказывает. Заходит он это в Торонто в раздевалку, а там его уже ждет посыльный с коробкой. А в ней – двенадцать золотых часов на золотых браслетах с гравировкой по месяцам! И записочка на русском: страдаю, что не смогу насладиться вашей игрой воочию – гастроли в Европе. О нашей встрече буду вспоминать до конца жизни! Во как!

– Да!.. – многозначительно протянул москвич. – А ведь ему будет что внукам рассказать!

Ненавидящий

Этот взгляд сверлил будто лазер. Ребров ощущал его просто физически – кожей, нервами, всем естеством. Кто? За что? Стоило обернуться – явление исчезало. И спонтанно возникало – как морок, наваждение, фантом.

Журналисту с Урала перед работой на Московской Олимпиаде-80 редактором телевизионной бригады Гостелерадио по показу всех видов борьбы – классической, вольной и дзюдо – не терпелось за оставшиеся два года познакомиться со сборными страны воочию. «Классики» проходили сборы в Олимпийском лагере «Стайки» под Минском, и при первой же командировке в Москву он по своей инициативе завернул сюда денька на три. Полночи в поезде плюс пара часов на автобусе – и вот он уже в чудесной «Берендеевке». Именно так прозвали многие этот прекрасный загородный комплекс «Стайки» за стилизованные под сказку деревянные коттеджи с многочисленными спортивными площадками, просторным пляжем на берегу искусственного водохранилища на речке Тростянке – желтый песочек, тенты, лежаки... Так и тянуло растянуться под ласковыми июльскими лучами во весь рост и забыть о суете предолимпийского периода под убаюкивающую тишину и негу. В полдневный период пляж пустовал – все спортсмены были на объектах. Кабы не дело...

Борцы играли в так называемый борцовский баскетбол: это когда, наплевав на тонкости правил, можно применять любые силовые приемы в борьбе за мяч – без всяких там «пробежек», «двойного ведения», «зоны» и прочего. Лишь бы мяч оказался в корзине соперников. С какой стороны не смотри – отличный общефиз! Ребров и сам давно полюбил этот вид единоборства – еще в пору своей борцовской молодости. И мысленно похвалил себя за предусмотрительно прихваченный тренировочный костюм с кроссовками. Наскоро переодевшись тут же, на скамеечке, он без лишних просьб и согласований влился при очередной замене в одну из команд и сходу засадил дальний «трехочковый». Вот тогда-то он и поймал впервые этот пронзительный обжигающий взгляд.

Настало время обеда. Распоряжавшийся режимом проживания местный тренер Чучалов, в недалеком прошлом выдающийся борец, экс-чемпион страны, член сборной СССР, а ныне наставник белорусской команды, усадил Романа за стол «сборников».

– Вы ж к нам на пару-тройку дней, как все командированные? А ребята из главной команды в субботу-воскресенье – на свободном режиме. Успевают кто в Минск, а кто и в Москву смотаться. Автопарк иномарок у второго корпуса видели? Многие сюда своим ходом доехали. А пищеблок накрывает четыре раза в день по полной программе – не съесть. Так что вы – как раз вовремя.

– Николай Иванович, я тут один. Не заставляйте оглядываться.

– Тогда и сам кончай «выкать». А то прям как из райкома ВЛКСМ...

Едва уселись – снова почувствовал этот ненавидящий взгляд! Теперь уже Ребров успел поймать источник – исходил он от олимпийского чемпиона Монреаля в полутяжелом весе сибиряка Болбошского. Роман боролся в средней весовой категории, но сейчас, по прошествии достаточного количества лет, малость округлился. Мог сойти и за полутяжа – если бы продолжал выступать на соревнованиях. Увы, об этом можно было только с сожалением мечтать. Годы – категория неумолимая. «Чем же я ему не угодил, интересно? Впервые ж видимся!»

– Так что ты не стесняйся, Роман Сергеевич – продолжал Чучалов. – Для «сборников» питание по 12 рублей в день – на такую сумму и в ресторане можно столоваться.

Роман и сам был рад переключиться с мрачных мыслей.

– А у остальных?

– Как всегда – по восемь. От обычных талонов по 2 руб. 50 коп. мы на время подготовки к Олимпиаде сразу отказались. Как и от малокомфортабельных номеров – уровень надо держать. Здесь, собственно говоря, кроме «сборной», только наша республиканская команда да еще несколько кандидатов из других регионов. А вообще в «Стайках» сейчас еще и штангисты, и легкоатлеты, и боксеры, и гимнасты. Комплекс рассчитан на полтыщи человек, так что всем просторно. Тем более что просто отдыхающих здесь сейчас нет – спортсменам нужен покой. Готовят хорошо, тьфу-тьфу. Да давай вот спросим хоть у любого из лидеров. Как тебе рацион, Николай?

Болбошский ничего не ответил, только утвердительно кивнул головой, не поднимая глаз от тарелки. Журналист тоже оценил обед на отлично. Тут действительно было чему порадоваться. Атлантическая сельдь пряного посола лежала с верхом в глубоких тарелках – бери сколько понравится. Как и черная икра, к которой мало кто притронулся – явно приелась. Три овощных салата – на выбор, на первое официантка принесла диетический куриный суп с рисом, на второе – свиную отбивную на ребрышках с золотистым картофелем фри.

– У наших коллег-«вольников», которые сейчас на сборах в Подмосковье, – продолжал Чучалов, – своеобразная проблема с питанием. Им отдали под сборы дачу городского спорткомитета на Москва-реке в деревне. Там яхт-клуб, суда все по сезону на воде, ковры постелили в эллингах. Спортсмены и тренеры живут в бунгало на берегу. Столовая – деревенская, цены – копеечные. Вот и попробуй освой эти же 12 рублей! Каждому дают по три бутылки молокопродуктов, предлагают по два вторых – как тут вес держать? А РАЙФО во все глаза бдит – не дай бог хоть крошку укради! Нашли простой выход – черную икру раз в неделю выдают каждому по литровой банке – иначе бюджет не освоить! Так что, писатель, налетай, пока подорожало. Когда еще следующая Олимпиада у нас в стране будет?

– Боюсь, что никогда. Слишком затратное мероприятие. Во всяком разе, не в этом веке.

– Вот и я так же думаю. Ладно, побежал. Дел – выше головы. Очередная проверка из ЦК Белоруссии. Начальство нужно уважать, чтоб оно довольно было! Тогда и поучать не станут.

Роман с радостью окунулся в работу. Какое удовольствие было брать интервью у титулованных

чемпионов! Тяжеловес Алик Калачев из Киева с детской улыбкой вспоминал:

– Отец у меня – генерал, с утра до ночи на службе. Мы, почитай, полста лет как обосновались на Крещатике – это в самом центре столицы.

– Бывал много раз. Восхищаюсь этой «стометровкой»!

– Он и вправду у нас шириной в сотню, наш главный проспект. Потому и зелени хватает, и людям просторно, комфортно. В нашем доме-сталинке кто только не жил – академики, депутаты, директора крупных предприятий. Мать папе все уши прожужжала: рядом стадион «Спартак» на Кирилловской, на Преображенской тоже какой-то спортклуб, около метро – гребная база «Локомотив». А единственный сын толстяк-толстяком растет. Сделай же ж что-нибудь! А он только отмахивался: в армию пойдет, там быстро подсохнет! Или женится – жена ему жирок мигом сгонит, если будет лентяем. Худым ему не бывать – в тебя, в твою родню пошел. Зато кулачищи пудовые – всегда за себя постоять сможет. Не колотись, мать! Не пропадет! И тут этажом ниже поселилась семья известного тренера по борьбе. Мама спекла свой фирменный «Киевский» торт, положила его на рушник, взяла меня за руку, и пошли мы знакомиться. После пары приветственных слов просто взмолилась: сделайте из сына человека, не могу терпеть это безобразие. Жрет в три горла, вечно перед телевизором торчит – ну что из него вырастет? Его ж так даже в армию не возьмут!

Результат Ребров знал. На последней Олимпиаде в Монреале вчерашний чемпион мира среди юниоров под орех раскатал соперников, взяв золото! Комментаторы со всего света восхищались: какой великолепный тяжеловес! Совсем без «теста»!

Средневес Гайк Киракосян из Нагорного Карабаха вспоминал:

– У деда в саду бил чистейший горный родник. По вечерам, когда спадала жара, старики собирались у этого родника в беседке, пили вино собственного приготовления, слушали дудук дяди Гарика, неспешно рассуждали о видах на урожай, о политике, да как внуки учатся.

– Давно хотел узнать про дудук. Что это за инструмент такой – вроде флейта, но звук совсем другой.

– О! У него дивный звук. Его еще называют цирананох. Это древнеармянский музыкальный духовой инструмент, и правда внешне похожий на флейту. А какая музыка неповторимая из него льется! Певучая, мягкая, просто божественная. На эти звуки мы слетались, паценва, как мухи на мед. Аксакалы шутя стравливали нас между собой как щенков. А мы ни за что не хотели уступать! Сколько себя помню – всегда боролся. А когда поехал в Ереван в сельхозинститут учиться на винодела, оказалось, что я уже подготовлен на уровне первого взрослого разряда – мальчишка, новичок!

– Как мы любовались вашей кошачьей, обволакивающей техникой на чемпионате мира в Тегеране! Меня тогда послали комментировать для телетрансляций на СССР. Какая пластичная манера ведения поединков – будто танец на ковре!

– А это все – тренер сборной Алимбек Борисович! Сам великий чемпион, в том же Тегеране он в молодости уложил на лопатки турецкого кумира Сулейман-оглу и стал чемпионом мира. Разве мог я подвести своего учителя?! Как бы я показался на глаза дедушке – пошли ему Господь сто лет жизни! Он до сих пор работает в саду, встает в пять утра и целый день на ногах – а ведь ему под девяносто! Уважение к старшим, я считаю – фундамент любого воспитания. Кто бы мы были в жизни без их опыта, мудрости, терпения? Шпана шпаной! Алимбек Борисович приметил меня на Спартакиаде народов СССР, где я обидно проиграл москвичу Дорохову и получил всего лишь серебряную медаль. Он пригласил меня в сборную под свою ответственность и натаскивал, не щадя времени. Я фактически у них дома жил в Москве. Как сын. Такой вот он человек!

С «мухачем» Васей Константиновым из Красноярска беседа пошла совсем не о спорте. Чемпион Олимпийских игр, двукратный чемпион мира сам завел разговор... о диссертации, над которой работал даже здесь, на сборах.

– В двадцать восемь пора думать о будущем. Московская Олимпиада, если меня выставят, станет лебединой песней, я это решил твердо. Моя научная работа – прямое продолжение дипломной в Лесотехе. Я окончил школу с углубленным изучением английского, родители вознамерились отправить меня в МГИМО. А я лес люблю – спасибо отцу, с малолетства брал на охоту. Он у меня высокий, очень надеялся, что на свежем воздухе я подрасту, догоню его. Вот тут я надежд не оправдал. По тривиальным меркам – недоросток, всего 52 кг.

– Ага! Который всех в кучу валит, как мешки с песком!

– А иначе как завоюешь авторитет среди сверстников? Только силой и ловкостью! Я для этого штангу весом больше своего вдвое тягаю. Но я не об этом речь веду. Механический факультет оказался для меня самое то. Я и в Канаде – на чемпионате мира, и в Швеции – на чемпионате Европы – всю валюту тратил на книги по лесному хозяйству. Ребята по магазинам за шмотками, а я – в книжный. Какие у этих капиталистов деревообделочные машины, вы б знали! Лишнего ствола не тронут, каждую веточку подберут, чтобы не засоряла экологию! Делянки оставляют за собой ухоженными, чистенькими – как будто дома прибрались. На пятом курсе решил рацуху по использованию отходов древесины двинуть – на манер японцев. Они же 102 процента с каждого дерева берут, а у самих леса нет, все у нас закупают.

– Как здорово!

– Мы же деловой древесиной считаем ошкуренные деревья, а они готовы любой кругляк свеженаваленный с руками оторвать.

– А в чем секрет?

– Да какой там секрет! Мы же кору куда деваем? На свалку – пусть гниет. А они, япошки эти умные, ее аккуратно очищают от земли и на ней в теплицах выращивают шампиньоны. Никаких отходов, сплошная прибыль! Мне вот еще что земляк-внешторговец нашептал. Япония иногда закупает у нас всякую чепуху, сами удивляемся. А они это делают ради тары

– мы же на экспорт все отправляем в упаковках из качественной древесины. Ради нее и все сделки!

– И каких наук планируете стать кандидатом?

– Экономических. Хочу на цифрах доказать, что не гробить лес – легкие планеты – чрезвычайно выгодно. Как раз после Олимпиады тридцатчик стукнет, можно все силы на науку пустить!

– Я вот еще что хотел спросить – как вам, взрослому мужчине, удается удерживать вес? Я, как только перестал выступать – чувствую, нарастают лишние килограммы. У меня родных было 92, пару кило сгонял прямо перед соревнованиями. А недавно видел в Москве Ивана Ивановича Богдана. Даже не скажешь, что этот олимпийский чемпион выступал в супертяже. Стройный, подтянутый. Еле узнал!

– Это по природе – как только падают нагрузки, вес непременно изменяется либо в одну, либо в другую сторону. Перестройка организма. Я дак у своего пса учился весок держать. Мой Пират с возрастом стал ленивый, потому что поправился. Охотиться с ним на боровую дичь стало невозможно – стрельну, утка посреди озера еще плещется – ему бы быстро за ней сплавать, пока не пошла ко дну – а он медлит, еле ворочается. Водил его к ветеринару – говорят, здоров. Опытные охотники присоветовали: дели ему пищу пополам каждый раз, когда кормишь. Пусть ест чаще, но – помалу. Послушал – и вскоре Пиратик былую форму набрал, лень как рукой сняло. Я тоже этому правилу следую. Завтрак до кросса – стакан чая без сахара и маленький бутербродик или еще лучше – сухарик. Через пару часов можно салатик с малюсеньким кусочком хлеба. В обед салат и половинка первого – и все. Второе – через два-три часа. В обоих случаях – не больше тонкого ломтика хлеба, только черного. Белый – лишний вес. В ужин – только одно блюдо!

– Днем-то я сильно на жратву не налегаю, а вот на ночь... Так и тянет к холодильнику!

– Морить себя не надо. Если сильно хочется, можно на ночь глоток молока или там кефира с одной печенюшкой, или крекером несладким – и все. Желудок утихомирится и не станет зверствовать. Обманывайте его почаще. Ему, на самом деле, не так уж и много надо, чтобы насытиться. Все равно он переварит не больше, чем ему требуется для сохранения энергии. А все, что сверх нормы прилетело, уйдет в бока. Есть, конечно, различные медикоментозные рекомендации – диеты всякие, разгрузочные дни. Но я к ним не прибегаю. На чемпионате мира в Штатах местные рассказывали – пошла у них среди бизнесменов мода на стройность. Даже при приеме на работу на конкурсной основе стали отдавать предпочтение подтянутым. Так ведь до чего дошло! Некоторые оголтело стали прибегать к резекции. А хирургам-то что: оттяпают полжелудка – моментом вес сгорит! Тем более у вас еще работа такая – банкеты, презентации, приемы разные. Видел не раз, как после пресс-конференций ваша братия во время фуршета на спиртное набрасывается. Больше пьешь – больше закусываешь. А потом пузо вперед тебя бежит! Тренерочкам ведь водяры не жалко – лишь бы писали в позитивном ключе. Скрытая форма взятки!

– Я это себе редко позволяю. Иногда специально на своей машине приезжаю. Кому нужны проблемы с гаишниками? Есть еще тема – да не знаю, как к ней перейти. Личного характера.

– Тогда давай на ты. Все и упростится. Я когда тебя срисовал еще на баскетбольной площадке – сразу уловил: наш человек. Да еще значок мастерский. А когда узнал, что журналист, внутренне одобрил. Надоели дилетанты среди вашего брата. А тут и кубатура, и осанка – ясно: битый-перебитый на ковре. Только вот уши почему-то целые. Это смущало. На Союзе каким был?

– Не пробился – выше третьего места на России не удалось подняться. А уши... Разминался на совесть.

– А мы что – вполсилы? Вот на Союзе тебе бы их точно обломали. Ладно, шучу. Что у тебя там за проблема?

– Да что-то я робею перед Болбошским. Будто провинился в чем.

– Ребята тоже заметили, что Кольша на тебя косяка давит. И даже не шифруется.

– Так вот и непонятно, откуда ветер дует.

– Думаю – от природы. Я всегда от нее танцую. В ней – все корни. Давай попробую как будущий ученый систему выстроить. Ты, конечно, в курсе, что у всех единоборцев, что в весовых категориях – хоть наша с тобой борьба, хоть бокс, хоть штанга – дружеские отношения чаще всего складываются у самого тяжелого и самого легкого.

– Есть такое.

– Вот и у меня непроизвольно больше всех душа лежит к Альке Калачеву. И у него ко мне также. А все почему? Природа подсказывает огромному человеку проявлять заботу о малыше. Хотя я-то в опеке не нуждаюсь – любому насую в кису полное лукошко, не унесет. Все происходит помимо сознания, на подкорке. А теперь возьмем твой случай. В одной весовой категории друзей нет, только конкуренты. Это – правило из правил! Ты что, не знал?

– Так вот в чем дело?

– А ты как думал? Посреди сборов заявляется откуда ни возьмись парниша-борец под сто кило. Кольша ведь после Монреаля год отдыхал, а когда снова вышел на ковер – столько конкурентов подросло! Успели кто Россию, кто Союз повалить, на Европу-мир нацелиться. Всех перемолол, всех устранил – но какой ценой? Через боль в травмированной кисти, на нервах! А тут ты! Снова здорово?

– Но ведь быстро выяснилось, что я за птица. Да и не в форме давно.

– А теперь он на себя злится, что стал мнительным как девочка-нимфеточка. Время нужно. Отойдет.

– Да хрен с ним. Мне завтра в дорогу. Я и так тут, считай, в самоволке. Отправили в Москву, а я – в Белоруссию. Но – все не зря! Кой чему научился. Спасибо тебе! И побед – на ковре, в науке. Надеюсь, увидимся еще не раз. Я не удивлюсь, если докторская у тебя будет по психологии. Вон как по полочкам все разложил.

– Ну, раз уж я журналистов умею вразумлять... Обычно мы от вас подсказок ждем!

ПЕРЕСТРОИНКИ

Ротару

Родился наш герой как раз в свою эпоху: в горбачевскую перестройку все вставало на дыбы, и никто ничему уже не удивлялся. Что вчера было грехом – сегодня становилось нормой, что вечно почиталось за безрассудство – называлось инициативой. А излишняя предосторожность – отжившим пережитком.

У Лорки Верхорубова адреналина было в организме лишку с малолетства. В детсаде и начальных классах школы это выражалось в решимости любому спорщику заехать прямиком в нос, так что его побаивались даже те, кто были и пошире в плечах, и ростом повыше. В старших классах увлекся всеми видами спорта, которые были доступны в родном Серовске, но и здесь его поджидала засада: правила всегда предполагали ограничения разного рода, а это было как раз для него препятствием к достижению цели. В боксе только заведешься как следует – судья скомандует «брэк». Вот на кой нужен ему этот шаг назад, когда противник вот-вот рухнет и не поднимется? То ли дело в уличной драке! Там уж раз схватились – долби до победного. А тут... Бросил! Хотя его и готовили уже к областным соревнованиям. В футболе вечно залезал в офсайд – ну как тут вкатишь гол, когда только и жди свистка? Пробовал дзюдо – та же песня: без команды судьи шага не шагнешь. Да еще и кланяться, блин, надо! С какой радости? Детские шалости какие-то!

Когда пришла пора служить в армии – сам запросился в Афган. Может, хоть там перестанут мозги компостировать? Поначалу так оно и было: пока остальные новички осторожничали, старались кучкой держаться, он сам – без разрешения, в одиночку, отбился от группы сослуживцев и припер по своей инициативе двух бородачей в чалмах, которые больно уж нагло пялились на их взвод из-за дувала. Сильно рожи их не понравились! Зашел втихую сзади, одного сходу треснул прикладом «калаша» по загривку, второго заставил оглушенного под дулом тащить на себе. Оказались, в итоге, ценные кадры – шпионы-лазутчики-разведчики, которых разрабатывали и обыскались наши опера в серьезных чинах – а тут такой подарок! Наверное, впервые в жизни Лория похвалили за инициативу: приказ по подразделению, медаль, две лычки на погоны.

– Да я вам таких обормотов выше крыши кучу натаскаю – класть будет некуда, только прикажите! – яро навеливался он капитану-особисту. Тот согласно кивал, но ничего не обещал.

К концу службы у сержанта Верхорубова медалей было уже три! Да жаль – пора было домой. Прощай, милая узбечка-афганочка Замира, которая так ловко обучала его в минуты страсти изъясняться и на фарси, и на дари! Прощай, рынок в Кандагаре, где так одуряюще вкусно пахло разнотравным чаем, горкой лежавшим на циновке у стариков-торговцев: зачерпни в ладони, упади головой – и не надышишься, не накайфуешься! И нахрена идиотам наркота, когда такое существует?!

В Серовске пришлось идти на завод – а куда еще? Не в торговлю же?! Почти сразу кооптировали слесаря в комитет комсомола, а в конце года уже – освобожденным секретарем то ли выбрали, то ли назначили. Шиш поймешь! Этим горкомовские занимались, его даже не спросили. С наказом – идти учиться на заочное. Хоть куда. Все пути тебе открыты, герой! Лорием Павловичем стали называть! А он вместо вузов-техникумов выбрал какие-то хитрые краткосрочные курсы младших командиров при горвоенкомате – и умахнул назад в Афган, на этот раз – со звездочками прапорщика!

Два года проскочили как один день. Везучий был парняга! Ни одной царапины! Хоть и лез в самое пекло, в крутейшие заварухи, куда порой и не очень обязательно было соваться. К медалям присоединился орденок, потом второй. Пробовало командование рекомендовать его в училище погранвойск – да куда там! Опять за парту садиться, над учебниками корпеть? Не пацан же! А тут в Серовске началась предвыборная компания в Верховный Совет. Кореша за пивком надоумили – а что? Чтоб тебя земляки – да прокатили? Кто соперники? Маменькины сынки, пороху не нюхавшие? Да мы весь городок на уши поставим. А ты потом для друзей-серовцев что-нито из Москвы притаранишь, чего отродясь здесь на северах не нюхали. Это ж какие шансы открываются!

За то время, что Лорка провел в Афгане, бывшие соратники-комсомолята уже во взрослых органах осели и даже успели пообтереться. Они-то и составили ему оргкомитет с привычным для уха названием «Штаб». Только с прибавкой «Предвыборный». Облачили вольного сокола в приличный костюм – так надо: никаких джинсов, голых шей – галстук с утра до ночи, чтоб все отглажено-отутюжено, скромно, но со вкусом. На встречах с избирателями выступали исключительно доверенные лица, самому строго-настрого велели молчать, чтобы не ляпнул чего лишнего, умно кивать на любое предложение. И чтоб трезв был, как стеклышко! Потом наверстаешь, если что. Или дома, под одеялом, и никаких старинных приятелей – все они шпана-шпаной, не комильфо, попутчики не по сезону! Результат даже опытных политологов поверг в шок – 78 процентов проголосовали за Верхорубова. Остальные три кандидата в сумме еле набрали жалкие десяток процентов! Воздержавшихся даже считать не стали.

После первой сессии новоиспеченный депутат домой так и не заявился – обживался в столице. Двинули его в комитет по молодежной политике – и завалили бумагами с головой: изучай, предлагай, или отвергай. В общем, работай! «И тут дедовщина, – подумалось народному избраннику. – Ладно, перебедуем, не впервой». За лето только раз и съездил скупнуться в Серебряный Бор, а то и Москвы-то толком не видел. А вот во вторую сессию...

День металлурга в Серовске отмечали всегда с размахом. Новый Год там, или Первомай, Ноябрьские – это как обычно, без лишней помпы. А вот профессиональный праздник, когда две семьи горожан из трех, а то и больше, так или иначе были по жизни повязаны с заводом – это уже особый коленкор,

с какого боку ни зайди. Самые жирные премии, самые высокие почетные звания, дипломы, грамоты вручались именно тогда, в третье воскресенье июля. Как по заказу, погода в тот день всегда случалась превосходная, никаких уральских сюрпризов в виде дождя ли, снега ли – как раз в меру тепло, уже не жарко, еще не зарядили осенние ненастья, да и картошку копать рановато. Празднуй от души, уралец! Само собой – футбол на городском стадионе. И не каких-то местных команд: то ветеранов московского «Спартака» удавалось зазвать, чтоб со сборной ветеранов «Уралмаша» пободались, то еще кого из именитых. В последние годы в моду вошли эстрадники средней руки – не из тех, кого по телевизору показывают, но и не уровень заводской самодеятельности – этих-то мы уже по будням наслушались вволю.

Лорка к этим делам прямого отношения не имел даже будучи комсомольским лидером – всем заправлял профсоюз. Понятно: у кого деньги, тот и музыку заказывает. Потому и был явно ошарашен, когда в его полулюкс в гостинице «Россия» – до депутатского жилья руки еще не дошли да и не приспевало, холостяку и так хорошо – ввалился, нежданно-негаданно, сам директор завода. Кинулся было прибираться, носки с трусами по ящикам распихивать, да только Иван Семеныч властно остановил его рвение.

– Не суетись. Сам молодой был. Вот женишься – супруга за порядком будет следить. Тем более я к тебе не чаи гонять зарулил, всего-то на пару минут.

– Так я, это... Весь внимание.

– Конечно, оно бы пораньше тебе задание от народа довести. Понимаю – сроку мало осталось, всего неделя. Ну уж не обессудь – задним умом мы все крепки, когда до чего нового доходит. Значит, так. Город от тебя ждет, что на День металлурга ты нам привезешь настоящую «звезду». И чтоб с оркестром, вживую, без всякой там «фанеры». Хватит, наелись. Денег дадим, сколько надо, не жмись. Не обеднеем – с рекордными показателями к празднику пришли, передовикам по полмашины оплачиваем, а с премиями они свои авто, считай, бесплатно получают. И «Москвичи», и «Жигули». Можем и тебе «Жигулек» нехиленький – чистую «шаху» в экспортном исполнении зарезервировать. Цвет «кофе с молоком» покатит? Так что постарайся! Мотоциклов «Урал» с колясками из Ирбита больше трех десятков пригнали просто на подарки.

– Как скажете. Сделаю! Правда, никогда этим вопросом не занимался. Надо посоветоваться с коллегами в комитете по культуре. Правда, не знаю там никого. Они ж на круг все заслуженные-народные, футы-нуты, на кривой козе не подкатишься.

– Ну так сам сообрази. И не тяни. Мне тут дали один телефончик. Вроде как человек с Урала, с Пермской стороны, в Москве окопался и этим самым делом крутит. Правда, не проверял, некогда.

– Не беспокойтесь, товарищ директор. Обеспечим все в лучшем виде.

– Я понимаю, что Пугачева там, Леонтьев тебе пока не по зубам, да и поздно мы спохватились, у этих суперзвезд на год все вперед расписано. Но и уж на совсем заваляющих не кидайся. В ум возьми, что нам надо, что от тебя хотят. Ладно, пошел я. Как что прояснится – звони, телеграфируй. Чтоб все честь по чести. Удачи!

Через пару дней директору положили на стол телеграмму с лаконичным текстом «Ротару устроит?» Как раз верхушка предприятия подтягивалась на планерку. Как прочитал – все так и ахнули! Ни фига себе! Это ж, считай, уровень Пугачевой, да и почище Леонтьева будет. Ну и жох наш Лорка! С ума сойти!

Вперед героя катилась домой лихая молва: как он без всяких заявок из депутатской квоты лихо забрал косой десяток бесплатных авиабилетов; как, спасая репутацию серовца и не давая разгореться скандалу, командующий Уральским военным округом, тоже депутат, взял несчастных возмущенных коллег-земляков к себе на борт. Что добавило славы бывшему афганцу – знай наших!

В аэропорт Кольцово отправились торжественным кортежем: первой шла черная «Волга» директора с самим руководителем и женой на заднем сидении, на переднем восседала Томка, дочка-студентка Уральского политеха, на каникулы приехавшая к родокам; следом двигался блестевший как новый рубль после тщательной мойки вместительный «Икарус», предназначавшийся только для почетных гостей завода и города. Он же – визитная карточка для серовских гаишников и беспрепятственный пропуск в коттедж повышенной комфортности на территории заводского пансионата. На стоянку вырулили сразу с приземлением специального депутатского борта из Москвы – перед осенней сессией посланники народа все как один спешили повстречаться с электоратом, дабы запастись наказами. Летом не до этого было: когда любые Канары-Куршевели-Дисней-ленды стали по плечу – только помечтай! Да и воплощай!

– Интересно, как будет одета София Михайловна вне сцены, – блаженно улыбалась супруга. – Говорят, у нее все – по последней парижской моде. Может себе позволить женщина!

– Я тебе что, костюмчик из столицы привез пошива Камышловской швейной фабрики? – чуть не обиделся директор. – Столько денег отдал – никакой звезде не светит. В закрытой секции ГУМА, не на толкучке брал. По знакомству: секретарша замминистра за тебя звонила, умоляла – у ней сеструха в Доме моделей служит и все сливки Москвы обшивает! Так и разъяснили – мол, для очень важного дела позарез нужно!

– Прям из «двухсотой» секции мамкин пиджачок, что ли? – удивилась Томка. – Вот бы не сказала!

– Я что, номер спрашивал? Куда отвели, там и отоварился. Ты, кстати, об этом не трепись где попало. Не для чужих ушей информация.

– Да хватит вам собачиться! – прицыкнула на них мать. – Весь кайф обламываете, куркули!

– Я не собачусь, а ясность навожу, – не утихомирилась дочь. – Вот ни капли не верю, что все срастется. Чтобы народная артистка СССР взяла да и ломанулась, как по тревоге, в уральскую глухомань!

– Не каркай, – одернула мать. – Еще пару минут, и все прояснится. Откуда такое нетерпение?

– А вот увидишь! – огрызнулась младшая. – Вон, идут уже. Не прозевайте!

Из салона лайнера поначалу косяком прошествовали строго одетые в серо-бело-голубое мужчины и женщины. Сразу видать – парламент. А потом... Такое началось! Кучкой повалила какая-то разнузданная ватага с музыкальными инструментами – барабанами, медными тарелками, штативами, футлярами от баянов-аккардеонов – кто в джинсах, кто в шортах, в наколках на коленях и руках, в потешных короткополых шляпах набекрень. Замыкали шествие две девицы в черных очках во все лицо да в таких умопомрачительных мини! И – все! Трап убрали. Самым последним плелся Лорка Верхорубов, одетый так же разношерстно, как и вся эта гоп-компания.

– А где же... София Михайловна? – растерянно глянула на мужа супруга. И только Томка рыдала от смеха как подорванная.

– Не колотитесь! Будет вам Ротару. Даже – две! Это ж ее младшие сеструхи – Аурика и Лидия. Когда-то вместе, как из деревни припожаловали, все трое в перерывах между сеансами в кинотеатре в Черновцах горло драли. А что – даже прикольно. Походу, ваш хваленый герой-депутат сам еще не понял, кого привез! Вот потехато! С праздничком, металлурги!

УГРОЗА

Аудитория набилась под завязку. Даже декан удивился.

– Оказывается, у нас на факультете учится так много народу? Вот не думал – не гадал. Это ты такой популярный. Из-за тебя рекордная явка.

– Так вы же и постарались. Мне аж самому интересно стало, как увидел плакат со своей юношеской физией. «Легенда телевидения! Лауреат всех журналистских премий!» Я бы в студиозусном возрасте тоже ломанулся на такое чудо позырить. Здесь все курсы представлены?

– Только третий. В том-то и дело! Этих на лекциях если с десяток наберется – уже преподу праздник. А тут вон – стулья переставляют, норовят поближе пристроиться. Аж завидно! А девчонки-то, глянь-ка! При макияже, и кофточки все свеженькие поднапялили. И чтоб парни – да в пиджаках, в костюмах? Оказывается, они у них есть в наличии! Вот не думал – не гадал. Эта их тенденция – унисекс в каких-то балахонах с джинсой на два размера больше – мне так давно надоела. И не прикажешь – ретроградом обзовут.

– Так вы ж с них деньги за учебу берете. Будете терпеть, куда деваться. Кто платит, тот и банкует.

– Время такое наступило. Точно не попрешь поперек паровоза. А ты вон что с ними учудил.

– Тонко чувствует молодежь ситуацию. Я ретро – и они в ретро нарядились. Хорошо учите, стало быть!

– И на том спасибо.

Корнев решил не строить из себя живую легенду. Да уж и порядком лет пробежало с тех пор, когда в последний раз выходил в эфир. Это в федеральных СМИ можно, почивая на лаврах, до ста лет маячить в телевизоре, когда на тебя пашет лихой десяток редакторов, менеджеров, администраторов. На областном уровне такой роскоши не было и не будет – не по карману, то есть – не по бюджету, традиционно весьма скромному. Все сам – от замысла до воплощения. Потому то – как прозвенел звонок, извольте с вещами на выход! Шестидесятнику каждый шаг в тягость. А когда тебе крепко за семьдесят...

– Давайте, ребята, так. Никакой речи я не заготовил. Начнем сразу с вопросов. Кто самый смелый?

– Чем сейчас занимаетесь? – очаровашка в белой блузочке с перламутровыми пуговицами-кнопочками, подчеркивающей все что надо и в нужном объеме, одарила ветерана таким взглядом! Невольно подумалось – сразу по двум позициям: эта точно пробьется на телевидение и тут же – что я вроде как еще ого-го, на старикашек так не смотрят.

– Пишу беллетристику, пока печатают – знать-то маразм никак не подступит. Для поддержки бюджета сотрудничаю с малым бизнесом – пенсии никому не хватает, выкручиваемся кто как может. Во всяком случае, лично я выбрал такой путь. Слава богу, ни от кого не зависим, просить не нужно ни на лекарства, ни на бензин.

– Сами до сих пор за рулем? – несколько удивленно спросила вторая девчушка – повыше, похудей, с транспарантным макияжем, подчеркивающем ее безупречное каштановое каре.

– Конечно! И сюда сам приехал. Еле втиснулся на университетскую стоянку. В мое студенческое время там мороженое продавали, потому что машин парковалось две-три. Кое-что изменилось за полвека.

– Это хорошо? Или – плохо? – прозвучало со второго ряда от паренька пролетарского вида в простеньком пиджачке. – Как вы оцениваете с высоты своего возраста, опыта?

– Пока искал нужное пространство – считал, что плохо. Как припарковался – сразу стало хорошо!

Аудитория расцвела улыбками. И посыпались вопросы – о первом репортаже, о том, с какими усилиями строилась карьера от корреспондента до главного редактора и что для этого потребовалось, и почему не соблазнился уйти на коммерческий канал, когда их возникло видимо-невидимо, а остался верен государственному, даже когда там почти не платили... Казалось бы, все обсудили. Советов молодежь от ветерана наслушалась – полное лукошко, втроем не унести. Вместе похохотали над казусными случаями. Декан уже посматривал на часы, явно намекая, что пора закругляться, когда прозвучал крайний вопрос. Его задал высокий брюнетистый парниша спортивного вида с модным ирокезом в тщательно ухоженной прическе.

– Вы пережили лихие девяностые, когда людей запросто убивали, покупали, предавали. Вам лично кто-нибудь когда-нибудь угрожал?

Ветеран сразу понял, о каком случае расскажет – других просто не было. Но начал издалека.

– По чесноку, эти самые девяностые были не такими уж и лихими. Просто был небывалый для нас всплеск информационности по сравнению с предыдущими периодами, когда долгие годы многое замалчивалось, а тут вдруг будто клапаны открылись. Но никакого особенного ужаса никто не испы-

тывал. Конечно, нашу профессию к простым не отнесешь, но представители других ремесел зачастую рискуют значительно больше – милиция, пожарные, военные люди. Да те же рабочие в горячих цехах, на стройках. Мы все же «белые воротнички». Я вообще считаю – раз уж затронули такую тему: риск в нашей работе более опасен с точки зрения нервных срывов – когда на тебя давит собственное руководство и ты никак не можешь найти с ним взаимопонимания, чтобы остаться в ладах с собственной совестью. Это куда противней, чем вмешательство со стороны. Тут особенно и важно, и трудно остаться честным перед самим собой и собранными фактами журналистского расследования. Могут просто приказать – вот и вся угроза. Многие срываются в пьянство. Вот это – опасность из опасностей. Но чтобы это угрожало жизни... Главное, не скатиться в данную пропасть. Ходила у нас такая поговорка: «опять хомут, опять гужи, опять дерут, опять лежи».

Дружный хохот был ему ответом.

– Ну, вы литераторы, без труда можете подобрать в рифму и другой глагол. Я так понял, вопрос лежал в другой плоскости – угрожали ли по-настоящему расправиться, физически?

– Именно так, – подтвердил «ирокез». – Вам, вашей семье, например.

– Пожалуй, один случай может подойти под эту категорию. Поскольку я сижу перед вами живой и относительно здоровый – с некоторой поправкой на возраст – вы заранее знаете, чем закончился инцидент. Тут важна предыстория. За пару дней до события заскочил я в «Трансагентство» – купить билеты в командировку. Удивился еще, что на парковке полно места, только милицейский воронок одиноко торчит. Но это так, мельком. Захожу в зал – тоже никого. Вот уж что странно, то странно – там всегда очереди. А тут – ни души. Сверился с часами – время вроде не обеденное... Гляжу – а все окошки закрыты. Постучал в первое попавшееся – отворили. Кассир какая-то вся перепуганная. Но билеты продала. Спрашиваю: что у вас сегодня, санитарный день, что ли? Она странно так на меня посмотрела – и тут же захлопнулась. Уже ничего не понимая, вышел на улицу. Смотрю – милиционер в бронежилете ведет какого-то мужика к воронку, тот – с поднятыми руками. Подумалось – какие-то учения происходят. Потому что ни шума, ни криков – все без лишнего кипежа. Интересоваться не стал, у меня был вечерний эфир – информационная программа, пора было на службу. Вскоре настало время «Теленовостей», сел смотреть – это обязательно: информационная программа по логике всегда вытекала из вечернего выпуска, подводя итоги дня. И вдруг в новостях дают слово прокурору в студии, и тот такое понес! Чуть ли не гнездо заговора обнаружено в офисе «афганцев»: и оружие найдено огнестрельное, и наркотики, и задержания произведены работниками милиции. А офис этот – как раз над «Трансагентством»! Вот, значит, что я наблюдал! Знать бы – среагировал, получил бы информацию из первых рук. Смекалки не хватило! Звоню одному из лидеров «афганцев», у меня там полно знакомых было. Они как раз заседают – думают, как реагировать.

– И что решили?

– Готовим воззвание к народу. Призываем осудить неправомерные действия правоохранительных органов.

– Фигней не занимайтесь! Подготовьте краткое выступление кого-нибудь из членов совета, причем без эмоций, строго по фактам. Нашли оружие? Сколько, какое. Наркотики обнаружили? Какие, в каком количестве. И все в таком духе. Выступающего с текстом жду через час – сегодня как раз моя программа. Все, действуйте, время пошло.

Согласовал выступление с зампредом. Он поначалу – ни в какую! Хватит шуму! Дали слово прокурору – и достаточно. Я настоял: раз есть противоборствующие стороны в конфликте, мы обязаны дистанцироваться от обеих – мы же не можем выступать третейским судьей, нас там не было. Убедил. Приезжает Саша Дмитренко – один из лидеров «афганцев». С готовым отпечатанным текстом. Оказывается, облава по результатам дала пшик. Из оружия обнаружили коллекционное охотничье ружье со спиленным бойком – для красоты на стене висело, на Кавказе кто-то в магазине купил как сувенир. Из наркотиков – один косячок недокуренный под диваном, причем милиционер сходу туда полез, несмотря на пыль – не сам ли и подкинул?

Наутро выехал на съемку в соседний городок тоже по афганской теме – сюжет предназначался для программы «Время»: умер от ран воин-афганец, старики родители остались без попечения, оба очень пожилые, причем отец – ветеран Великой Отечественной. Совет ветеранов Афганистана никак не может добиться для них места в Доме престарелых, причем известно, что одна комната в резерве точно есть. Съемки закончились быстро, уже к середине дня вернулся в редакцию. Встречаю в коридоре зампреда. Приготовился было задать вопрос по вчерашнему эфиру, но он меня опередил.

– С главным редактором виделся? Нет еще? Ждет не дождется, поторопись.

Главный сидел в кабинете не жив не мертв. Ну, нам не привыкать – мужичок он был трусоватый, всех боялся – и жены, и начальства, и обкома, и что денег не хватит. Что, спрашиваю, случилось?

– Да вчера... Откуда у тебя в передаче этот афганец взялся, скажи на милость? Ничего ж такого не предполагалось?

– Потому что ты в шесть вечера домой ушел. А события развернулись позже. Что странного?

– А то... Не успел он у тебя выступить, мне – звонок по телефону. И кто-то хамским таким тоном спрашивает: это твой зам по телевизору вещает? Смотри, вы с ним достукаетесь! Сами герои – так о детях подумайте. Считай, мы тебя предупредили!

– А ты что?

– А я... Говорю, почему ему не позвоните? А тот матерно выругался и трубку бросил. Сижу вот, кумекаю – что делать?

– Да ничего. Угрожали, как ты понимаешь, мне.

– И мне тоже! Звоню тебе домой через час – а ты молчишь, зараза.

– Естественно. Жена с сыном к теще поехали, у меня вечер освободился, в баньку по пути домой завернул. Там же с корешами по пивку неслабо ударили.

– Баньки-маньки... Утром спрашиваю – где? Говорят – к афганцам поехал. Опять эти афганцы! Нейметься ему! Делать-то что будем?

– А ничего! Если жаловаться – то в милицию. А ты что, еще не догадался, что звонил кто-то из них? Мы же своим эфиром им на хвост наступили. Я кое-что попозже узнал. У нас тут какой-то всероссийский семинар проводился по ментовской линии. Ну, хозяева и решили перед приезжими козырнуть. И, по всему, облажались. Пустышку вытянули. А резонанс пошел. Вот и пар на тебя выпустили, раз мы им масла в огонь подлили.

– Думаешь, ничего не будет?

– Тебе – точно. Ты просто до кучи попался. А я, знаешь ли, армейскую школу не зря прошел. До выстрела не падаю!

... Гром аплодисментов был как сладкая музыка. А еще говорят – не та молодежь пошла. Злопыхатели!

ЭТО – ДОРОГО

Поскольку звонок в неотложку прозвучал из отеля «Хилтон», одного из самых престижных в Барселоне, медики, не особенно раздумывая, доставили пострадавшую и в качестве сопровождающего лица мужа, относительно сносно говорившего по-английски, в госпиталь «Санта Креу и Сант Пау» – а куда же еще? Кого попало в таком отеле не селят, престижный: до специально оборудованного пляжа на третьей линии – меньше полукилометра. Это – раз. Торговый комплекс «Диагонал мар» – в шаговой доступности, это – два. До прогулочной пешеходки «Рамбла», известной всему белу свету – тоже рукой подать. До делового центра города – всего-то четыре с небольшим километра. И – главный аргумент: «Хилтон» – для туристов с тугим кошельком, а значит, и лечиться такие люди привыкли за хорошие деньги!..

А как хорошо все начиналось! Супруги Бобковы попали на эту конференцию не случайно: соскучившиеся за годы тотальной секретности «оборонщики», хлебнув воздуха международного общения, стремились в заграничные дали с резвостью половозрелых, которым давно не терпелось услышать «можно» вместо навязчивого «запрещено». Одним из первых на заводе Евгений Иванович получил загранкомандировку в Швейцарию на лучшее в мире оптико-механическое производство. Где и умаопыта набрался, и удаль российскую европейцам с лихвой показал – у них-то далеко не все из инженерного корпуса колесо в машине заменить были готовы, а уральский «левша» на разных станках умело управлялся: в микронном уровне обрабатывал детали, без особых усилий резал что метал, что пластмассу, что дерево. И в сборке ухватистый был на славу. На родном предприятии ему частенько приходилось, прежде чем запустить в серию очередное «изделие», не раз новинку разобрать-собрать, подрихтовать, где нужно, и лишь потом составить технологическую карту для работяг – это чтобы каждый сумел в нормо-часы уложиться.

Швейцарцы охали и ахали: если главный инженер так лихо управляется – какая же производительность должна быть у русских рабочих, изо дня в день выдающих серийную продукцию? Они же не знали, не ведали о вековых традициях великого рабочего класса России-матушки: час поработал – в курилку, даже если не дымишь – потрекать за политику, другие всякие новости пообсуждать. Начинающим так и велели строго-настрого – делай как старшие: слышишь, какая в цеху тишина, один ты инструментами гремишь! Ну и, естественно, гарантированный Конституцией перерыв на обед – тоже святое время: хошь – не хошь, а станок выруби – порядок надо соблюдать.

Популярен на их заводе был такой анекдот – не анекдот, скорее – быль. Пришел как-то к директору рабочий-передовик – весь из себя орденоносец, старожил «Доски почета» – разве только не Герой Соцтруда. И попросил перевести его во вторую смену, хотя сам испокон веку вкалывал в первой, привилегированной. Начальника чуть «кондратий» не хватил! Да ты здоров ли, дружок? Может, в заводской профилакторий подлечиться отправить? Что за дурь? Тот просто и понятно растолковал. Спиртное всегда во сколько начинали продавать? Правильно, с одиннадцати. Я с утра часика три-четыре линзы пошлифую – и все, хана: глаз не тот, руки утомились. До магаза дойду, на троих «огнетушитель» краснушки возьмем – и я снова в форме! А сейчас стали продавать с двух. Я столько брака в учениках не гнал! А выйду во вторую – как раз к семи, то есть к закрытию, поспею. Ну и обычным «макаром» восстановлюсь. Так что – не откажите. Ради дела прошу!

Загранкомандировка Бобкова стала прорывом для вечно невыездных специалистов! Следом директор скатался в Штаты на конгресс, главный технолог укатил аж на месяц в Германию – по обмену опытом, вернулся весь в фирме, лихо вставлял немецкие словечки к месту и не очень: «фирштейн», «яволь», «натюрлих». И так далее. Когда наметился семинар в Барселоне, снова выбор пал на Бобкова – близко было по его тематике. И он настолько осмелел, что и жену включил в состав делегации от завода – она тоже не гайки крутила: Долорес, названная так в тридцатые годы правильными партийными родителями в честь лидера испанских коммунистов и международного коммунистического движения Долорес Ибарурри, в просторечии Лора – в отделе главного конструктора уже полтора десятка лет оттрубила после техникума, успешно занимала инженерную должность как весьма стажированный спец.

Привыкшие вставать по-уральски, спозаранку – как на завод, к тому же заядлые туристы, на байдарках прошерстившие множество рек Урала от Перми до Оренбуржья, супруги весело отправились знакомиться с прославленным городом, лишь только успев позавтракать. Благо, уже в привычные восемь утра обеденный зал был полностью в распоряжении желающих отведать деликатесы на все вкусы – тут в изобилии присутствовали блюда европейской,

азиатской, даже африканской кухни. Евгений еще дома прочитал в Интернете, что в Барселоне существуют пять туристических маршрутов для автобусных экскурсий, причем единый билет действителен сутки в любом из пяти направлений – пересаживайся с линии на линию сколько хочешь хоть в салон, хоть на второй этаж автобуса без крыши, где удобно и фотографировать, и на камеру снимать! За день они полностью исследовали три направления, пожертвовав обедом и оставив два направления на следующий день, если встать с утра также пораньше – все пленарные заседания начинались после полудня.

Приветственная вечеринка состоялась у подножия старинного замка. Здесь развернулось просто сказочное действо! Гостей встречали-развлекали аниматоры в образах различных зверей, пернатых, по высоченным стенам не спеша ползали гигантские ящерицы в два человеческих роста, в свете прожекторов и жаровень, где готовилась горячая пища, скакали удивительные чудовища, играла праздничная музыка, столы ломились от яств – тут и всевозможные холодные и горячие закуски, и экзотические фрукты со всех концов света. Бесплатные бары манили всевозможными напитками от соков до крепчайших алкогольных, коктейлями всевозможных комбинаций.

Прошел легкий дождичек, который не испортил настроение праздника – все по-прежнему веселились, водили хороводы, подпевали артистам в такт популярных мелодий. Лора как завзятая танцовщица – в детстве занималась в хореографическом кружке и с годами не утратила очаровательную грацию – упоенно меняла рисунки танцев. Не случайно в момент зажигательного рока огромный «кузнечик» на ходулях ринулся присоединиться именно к ней, и тут случилось непоправимое: поскользнувшись, он со всей гигантской высоты стал падать именно на нее! Проворная уралочка ловко увернулась от столкновения, но нога предательски оступилась в невидимую в траве ямку. Острая боль, дежурная «скорая» доставила в отель. Поначалу они отказались от госпитализации – чепуха, пройдет! Однако к утру нога опухла всерьез, пришлось через менеджера отеля вызывать неотложку повторно.

Пока больной оказывали первую помощь, мужа отозвал в сторону администратор госпиталя.

– Можно ознакомиться с вашей страховкой?

Быстро проглядев содержимое увесистой книжицы, он недовольно покачал головой.

– В принципе я так и ожидал. Мы не можем в полной мере оказать помощь вашей жене. У нас очень дорогой госпиталь, ваша страховая не сможет оплатить услуги нашего уровня – ее нет в списке наших партнеров..

– Что же делать? – растерялся Евгений.

– Ничего страшного. Вот здесь указан телефон головной организации в Москве, мы поможем вам связаться по телефону за наш счет, и там должны подсказать, куда отвезти пострадавшую. Звоните!

До Москвы дозвониться удалось только с четвертого раза. Жену Евгений Иванович пока не расстраивал, тем более что ей принесли кофе с бутербродами, уложили на кушетку, дали красивые журналы. Наконец, недовольный мужской голос в трубке на родном русском прорычал:

– Что вы трезвоните? У нас перерыв!

Бобков как мог спокойнее описал ситуацию

– Да вы с ума сошли! Нашли куда обращаться! Нам такие траты не по карману! Ждите звонка. Мы разберемся, куда вам ехать.

Звонка пришлось ждать больше часа. За это время Бобков растолковал Лоре что к чему. Она отнеслась к ситуации удивительно спокойно.

– Ничего страшного. Ну перелом, и что? Поедем, куда скажут. Мне укольчик поставили, накормили. Уже почти не больно. Не переживай, прорвемся. Мы что, не уральцы?

А Бобков уже терял терпение. Ну что за козлы там в Москве! Позвонил сам. Тот же скрипучий голос недовольно переспросил:

– Вам что, до сих пор не перезвонили? Сейчас выясню. Я поручал.

– Вы только трубку не кладите! Хватит испытывать терпение! Я не из Хамовников трезвоню!

На этот раз ему через минуту ответил спокойный женский голос.

– Добрый день! Извините за задержку. Мы связались с госпиталем неотложной помощи Фремап, это в другой части Барселоны. Возьмите такси и не забудьте попросить у водителя справку об оплате. Также привезите чек из аптеки за лекарства. Дома составите подробный отчет для нашего филиала в вашем городе, с вами полностью рассчитаются. При пересадке в Москве обратитесь в медпункт, они обязаны вас расположить для кратковременного отдыха и сопроводить в самолет на кресле-каталке. А на моего начальника не обижайтесь – у него зуб болит.

– Спасибо за помощь. А начальник пусть зуб вырвет и не срывается на клиентов. Мы здесь тоже не с жиру бесимся!

Следующий госпиталь выглядел ничуть не хуже пафосного, даже интересней по архитектуре. Как и в случае с их «Хилтоном» – современный хайтек, стекло и бетон, были здания гостиниц и более интересные – и в мавританском, и в западноевропейском стиле. Этот напоминал тоже старинный замок – кирпичные стены в несколько этажей, башенки со шпилями, цветное стекло... Впрочем, сейчас уральцам было не до красот.

Их ждали. Женщина-таксистка отказалась уезжать и демонстративно выключила счетчик – мол, не беспокойтесь, ожидание оплачивать не придется. Наложили гипс, выписали рецепт, еще раз напомнили – чек не выбрасывать, эти траты входят в страховку.

– Ничего, – успокоила Лора мужа. – Ходи на заседания один, я отдохну на правах сдуру раненой. А вечером будешь меня катать в колясочке, как старушку. Потренируемся на перспективу.

Но проводящая мероприятие сторона учла и такую неприятность, как медицинский случай. Была нанята за счет принимающей фирмы специализированная автомашина с коляской и автома-

тическим подъемником в кузов просторного «Форда», которая доставляла супругов на все мероприятия форума. Даже на развлекательную плановую прогулку в «Испанскую деревню» – большой ресторанный комплекс, где были представлены различные блюда испанской, каталонской, баскской национальных кухонь. И здесь их обслуживала женщина-водитель. Всяческие попытки мужа самому катить кресло-каталку она категорически отвергала:

– Это – моя работа!

Чуть не силой усадили ее за стол вместе с собой, и то она поначалу отказывалась, мотала головой – мол, сыта, еле-еле уговорили отведать традиционной испанской паэльи с морепродуктами. Было вкусно, обильно – а какое терпкое вино подавали к этому блюду!

В отеле питание для больной осуществляли услужливые официанты из оплаченного ресторана с доставкой непосредственно в номер по телефонному звонку – вот где очень пригодился английский Бобкова. Так что особого морального ущерба от происшествия не произошло. Организаторы зафиксировали страховой случай и клятвенно пообещали, что по возвращению домой страховая компания оплатит все. Неделя пролетела незаметно, предстоял путь домой.

В международном аэропорту «Эль-Прат» проблем не возникло. Служащий в красивой униформе подкатил к служебному лифту, поднялся вместе с ними на второй уровень и по верхнему трапу вкатил в салон мощного «Аирбаса» авиакомпании «Вуелинг» прямиком в бизнес-класс на передние кресла, где вполне удобно было вытянуть загипсованную ногу. Любезная красавица-стюардесса экзотической восточной внешности на чистом русском объяснила, что подобный случай у них не первый, есть на то международные правила.

– Вы так правильно говорите по-русски, – удивилась Лора. – А по виду – словно японка. Долго обучались?

– Я родом с советского Дальнего Востока – Терчанский район Хабаровского края. Зовут меня Тамара Суанка. Училась в МГИМо, по национальности удэгэ, в Москве вышла замуж за испанца, точнее, за каталонца – у нас здесь это имеет значение. Уже шесть лет живу в Барселоне. Я вот еще что должна сказать. Уже отправлена радиограмма в «Шереметьево», в терминале С вас встретит медбрат, он поможет перекомпостировать авиабилеты на ближайший транзит, это входит в его обязанности вплоть до посадки на борт. Платить ни за что не нужно! Сейчас я вам принесу чай. Отдыхайте!

– Какая она обходительная, – повернулась к мужу Лора. – Надо бы ее как-то отблагодарить.

– Как? Она делает свою работу, только и всего!

Бобков вообще терпеть не мог давать «на чай». За свои права нужно бороться! Жена знала эту его черту и втихую совала официантам магарыч, когда они оказывались в ресторане. Но сейчас... Евгений невольно подумал, что правила правилами, но в родной столице все же придется раскошелиться, а вдруг и у медбрата разболится зуб, или там скажут, что им никто ничего не сообщал. Поди проверь! Так что, если что...

Действительность превзошла все ожидания. Не успел лайнер завершить приземление, как дверь передней части салона распахнулась и в нее не вошел – буквально вломился рыжий парниша с креслом-коляской и с криком «Где тут мой пациент?» подхватил Лору, бодро выкатил на верхний трап и помчался в здание аэропорта, Евгений насилу за ним поспевал. По ходу движения представился:

– Дормидонт! У вас билеты на какой рейс?

– «Уральские авиалинии», вечером, – отдуваясь, отрапортовал муж.

– Непорядок. Сейчас поменяем. Кемеровский раньше полетит.

У кассы стояла внушительная очередь

– Расступись! – проорал Дормидонт. – У меня больной!

Выхватив билеты из рук Евгения, он так же громко рыкнул в кассу:

– У меня больной! Нужен ближайший рейс на Урал. Ее пора обезболивать, побыстрее!

С той же скоростью направился вместе с подопечными в медпункт, завез Лору в отдельную комнату, уложил на кушетку, накрыл пледом.

– У вас 40 минут, подремлите. Через полчаса появлюсь.

Муж инстинктивно почувствовал, что такое ярое рвение точно уж нужно вознаградить.

– Как думаешь, бутылку хорошего коньяка этот красавец заработал? Руки прям сами чешутся! Сам себя не узнаю!

– А если он только водку пьет? Или виски? Или зашился – тогда ему совсем спиртного нельзя. Не выдрючивайся, дай денег.

– Да не могу я! Мне это невмоготу. И потом: мало дашь – подумает – жмот, много – дурак, лошара. А как узнать?

– Да ну тебя! Спроси! Язык не отвалится.

– У кого?

– Да у него же! Тебе что с ним – детей крестить? Беда с вами, питерскорожденными. Проще надо быть с народом – тогда он к тебе точно потянется!

Оставшиеся полчаса прошли в душевных мучениях главного инженера. И так прикидывал, и эдак. Ровно за десять минут до официальной посадки они уже поднимались в лифте на верхний трап. Евгений наконец-то решился.

– Вы прекрасный профессионал, Дормидонт! Огромное вам спасибо!

– Ну что вы! Спасибо – это дорого. Вот десять евро – в самый раз!

Мария ЗАЛОЖНЫХ

Член Союза журналистов России. Выпускница факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н.Ельцина, PR-менеджер проекта «Большой творец в маленьком городе». (Свердловская область, г. Богданович)

Фото автора.

БОЛЬШОЙ ТВОРЕЦ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Здесь звучит музыка стихов, раздаются голоса молодых авторов, ищущих своего места в литературе. В стенах Литературного музея Степана Щипачева развернулась уникальная инициатива – проект «Большой творец в маленьком городе», ставший настоящей кузницей талантов. Проект стартовал в феврале 2025 года благодаря совместной инициативе музея и автономной некоммерческой организации «Культура Урала». Поддержанный Президентским фондом культурных инициатив, он призван раскрыть творческий потенциал молодежи, привлечь внимание общественности к вопросам воспитания новых поколений литераторов и создать пространство для профессионального роста будущих мастеров слова.

Среди участников проекта – молодые таланты, объединенные страстью к слову и жаждой творчества. Их количество впечатляет: 52 начинающих писателя осваивали азы словесного искусства, изучая тонкости современного литературного процесса, постигая секреты мастерства, знакомясь с выдающимися представителями отечественной культуры.

В марте и апреле прошла реализация первого этапа проекта. В городских и сельских школах, а также в Богдановичском политехникуме, Кадетском корпусе и музее был проведен цикл мероприятий, которые включали в себя презентацию проекта и рассказ о роли Степана Щипачёва в литературном процессе и его работе с начинающими писателями. Так о нашем проекте узнало около 1000 человек.

Также в рамках проекта в гостиной музея прошел Поэтический открытый микрофон. Перед собравшейся публикой выступили богдановичские поэты, учителя, школьники и просто любители изящной словесности. Свои стихи прочитали поэты Богдановича, члены литературно-художественного объединения «Серебряная Елань» – Елена Софрыгина, Галина Гузь, Сергей Мальцев, Любовь Пшеницына, Михаил Лысцов.

В апреле и мае в музее прошли творческие встречи с известными уральскими писателями. Приглашенные эксперты провели на базе музея образовательные семинары, темами которых стали направления современной поэзии, организация литературного процесса на Урале, основы стихосложения.

Первую лекцию провела Нина Ягодинцева – российский литератор, переводчик, преподаватель и критик, кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, член Совета по критике Союза писателей России.

Евгений Черников и Максим Сергеев провели разбор произведений участников проекта

Леонид Быков провел лекцию, посвященную верлибру

Все участники проекта получили в подарок шоппер с фирменной символикой

Возможно ли обойтись без редакторской работы над собственным текстом? Когда вдохновение достигает пика, а когда наступает необходимость углубленного аналитического взгляда на свое произведение? Каким образом найти силы и внутренний ресурс для возвращения к собственной работе? Что влияет на наше стремление улучшать текст и доводить его до идеального состояния? Ответы на эти вопросы получили участники встречи. Отдельно рассматривались психологические стороны писательского дела. Важной частью обсуждения стали вопросы борьбы со штампами и клише.

Вторая лекция была посвящена искусству написания верлибра. Участники проекта «Большой творец в маленьком городе» получили развернутую информацию об этом направлении в стихосложении от доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина Леонида Быкова. Название лекции «От чего не свободен свободный стих», именно так многие называют верлибр, поскольку он не подчиняется строгим требованиям ритмической структуры и зачастую не имеет рифм. Вместо этого верлибристы используют естественный ритм речи и акцентируют внимание на содержании, эмоциях и образах.

Присутствующие с интересом слушали лекцию и задавали вопросы, ведь верлибр позволяет поэту свободно выражать мысли и эмоции, используя различные стилистические приемы, такие как метафоры, сравнения, аллитерации и ассонансы. Это делает его популярным среди современных поэтов, стремящихся выразить себя наиболее естественно и непосредственно.

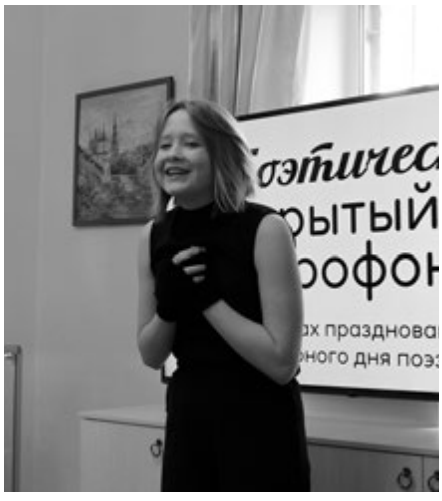
Следующая встреча в Литературном музее Степана Щипачёва состоялась сразу с двумя экспертами: Евгений Черников (поэт, член Союза писателей России, руководитель Совета молодых писателей Свердловской области) и Максим Сергеев (поэт, член Союза российских писателей). На этой лекции начинающие писатели получили подробные разборы своих текстов от профессионалов и рекомендации по совершенствованию своих произведений.

Участникам всех лекций удалось получить ценный опыт общения с профессиональными мастерами слова, повысить свое мастерство и обсудить ключевые проблемы развития молодого автора. Присоединиться к встречам можно было и в формате онлайн: в группе музея в социальной сети «ВКонтакте» велась прямая трансляция. Это сделало проект доступным каждому интересующемуся литературой человеку, расширив его географию далеко за пределы Богдановича. Кроме того, участники школы, которые не смогли присутствовать на встречах, получили видеозаписи лекций.

По итогам проекта работы 15 лучших молодых писателей были опубликованы в альманахе «Серебряная Елань». Его презентация

Победитель проекта - поэт из Новоуральска Александр Баженов в Москве

Поэтический открытый микрофон

состоялась в рамках проведения Всероссийской акции «Ночь искусств». Авторы прочли лучшие произведения, рассказали истории их создания и ответили на многочисленные вопросы читателей.

Финалистами проекта стали: Баженов Александр, Валугина Юлия, Гобчинова Анна, Дедюхина Наталья, Ермакова Екатерина, Зайцева Юлия, Коковина Елена, Мохова Евгения, Орлюкова Анна, Подоксёнова Елена, Попович Дарья, Саночкина Галина, Сергеева Ярослава, Тухта Иван, Шлыков Игорь.

Всех финалистов ждал не только диплом, но и свой экземпляр альманаха. Кроме того, каждый гость смог ощутить себя частью большой семьи литераторов и любителей литературы: все пришедшие на презентацию также получили экземпляр альманаха в подарок.

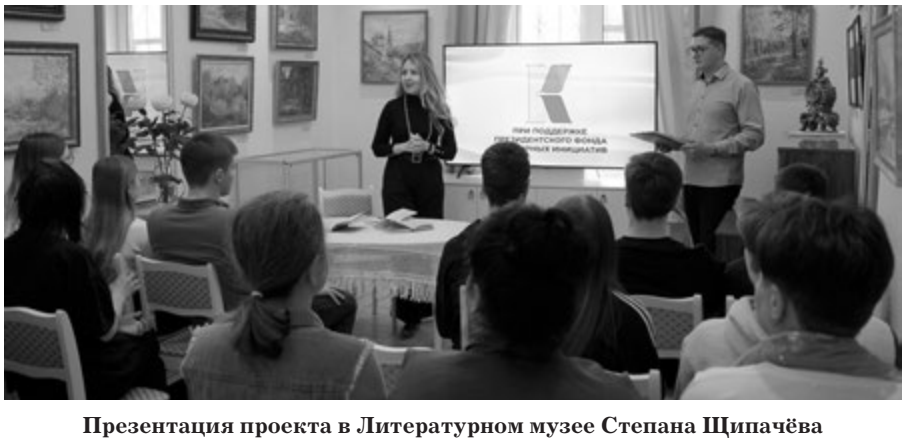
Абсолютный победитель проекта «Большой творец в маленьком городе» Александр Баженов принял участие во Всероссийской школе литературного мастерства «Химки», организованной Союзом писателей России. Занятия проводились с 5 по 9 ноября в столице нашей Родины Москве. В поездке также приняли участие руководитель проекта Екатерина Южакова и куратор Ксения Крутакова.

Александр Баженов – поэт из Новоуральска. Его творчество было высоко оценено экспертами проекта, что дало ему возможность представить свои произведения уже на федеральном уровне. Школа литературного мастерства «Химки» представляет собой уникальную площадку для начинающих авторов, где опытные писатели и литераторы делятся своим мастерством и помогают молодым дарованиям раскрыть потенциал своего творчества.

По результатам прохождения школы, творческие произведения Александра получили высокую оценку экспертов. Поэт вошел в десятку лучших участников, чьи произведения будут изданы Союзом писателей России. Электронная версия авторской книги будет доступна на сайте Союза, печатная – будет реализована в «Химках» на следующем форуме.

Участие Александра Баженова в мероприятии такого уровня демонстрирует важность поддержки молодых авторов и их вклада в развитие русской литературы. Это значит, что проект «Большой творец в маленьком городе» позволяет талантливым людям проявить себя и способствуют укреплению культурных традиций нашей страны.

Заключительным этапом проекта стала презентация альманаха на территориях партнеров проекта. Издание молодых писателей было представлено в городах Екатеринбург, Сухой Лог и Камышлов. Мероприятия собрали поэтов, прозаиков и всех ценителей живого слова. Куратор проекта Ксения Крутакова рассказала об этапах реализации проекта, о том, как появилась сама идея создания школы для начинающих писателей. Также гости узнали и о работе литературно-художественного объединения «Серебряная Елань», которое с 1997 года существует при Литературном музее Степана Щипачёва в Богдановиче. В рамках встреч состоялись и творческие чтения – участники делились своими произведениями и историями их создания, а также разговаривали о важности развития литературной среды в малых городах.

Презентация проекта в Литературном музее Степана Щипачёва

Альманах - ВСЕМ!

Финалисты проекта

